

ИСТОРИЯ ЗАГЛАВИЯ ЛЕСКОВСКОЙ ПОВЕСТИ

Т.А. ИВАНОВА,

кандидат филологических наук

Заглавие, подзаголовок и эпиграф – важные и значимые части художественного произведения. История их возникновения и бытования в литературном тексте подчас крайне запутанна и оттого нередко бывает прелюбопытной. Так и в случае с последней повестью Н.С. Лескова, созданной в конце 1894 года, но опубликованной в журнале "Нива" спустя более двадцати лет после смерти писателя под заглавием "Заячий ремиз" и с подзаголовком "Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов" (Нива. 1917. № 34–37).

Первый биограф Лескова А.И. Фаресов в книге "Против течений" приводит такое высказывание писателя о своих последних произведениях: «Эти вещи не нравятся публике за цинизм и прямоту. Да я и не хочу нравиться публике. Пусть она хоть давится моими рассказами, да читает их. Я хочу бичевать её и мучить. Роман становится обвинительным актом над жизнью. {...} У меня имеется в проекте роман "Заячий ремиз", где проводится мысль о том, что с идеями надо бороться идеями, а более грубые меры приводят иногда к самым неожиданным результатам» (Фаресов А.И. Против течений. СПб., 1904. С. 382).

Биограф упоминает заглавие повести (по Лескову – "романа") в том виде, в каком она увидела свет в 1917 году, однако это не первоначальная версия. Более того, писатель предполагал так назвать совсем другое своё произведение.

В мае 1891 года Лесков предложил редакции "Русской мысли" очерк "Нашествие варваров" – воспоминания о реальных лицах по рассказам дипломата А.Г. Жomini, определив этот очерк как "эпизод весёлый и смешной" (Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 485; далее – только том и стр.). Через неделю, 10 мая, отсылая рукопись редактору журнала В.А. Гольцеву, Лесков сообщал: «Здесь описана правда, смешанная с вымыслом и затушёванная, чтобы иметь право быть печатаемою. Указываю для Вас некоторые имена: "Цибелла" – Новикова, "княгиня" – Радзивилл, "баронесса" – Иксуль, "Корабант" – Комаров, "Редедя" – сами знаете кто. События верны действительности» (11, 487). Приведённый Лесковым перечень действующих в

очерке персон никак не соотносится с героями его последней, к тому времени ещё ненаписанной повести.

Очерк "Нашествие варваров" был отклонён редакцией "Русской мысли" из-за цензурных опасений, а также потому, что ещё были живы выведенные в нём лица. И Лесков решает предложить очерк "Русскому обозрению". В его письме от 18 декабря 1891 года к издателю журнала Д.Н. Цертелеву читаем: «Рукопись эту я назвал иначе, как было: она называлась "Нашествие варваров", а теперь будет называться "Заячий ремиз". Новое заглавие смиреннее и непонятнее, а между тем оно звучно и заманчиво, что хорошо для обложки журнала. А переменить его было необходимо, потому что у тех, у кого была повесть со старым заглавием (в редакции "Русской мысли". — *Т.И.*), есть обычай "советоваться" с теми, с кем отнюдь не надо советоваться. Стало быть, там (в цензурном ведомстве. — *Т.И.*) заглавие уже замечено, и им опять махать перед глазом у них неловко — это увеличит трудности их положения, и Вашего тоже» (11, 507).

Как видим, изменение заглавия ставилось Лесковым в прямую зависимость от цензуры. Но и с новым названием, "смирным и непонятным", очерк "Нашествие варваров" ("Заячий ремиз") опубликован не был (подробнее об этом см.: Лявданская М.В. К творческой истории повести Н.С. Лескова "Заячий ремиз" // Филологический сборник. Л., 1970; Левандовский Л.И. К творческой истории повести Н.С. Лескова "Заячий ремиз" // Русская литература. 1971. № 4).

Прошло время, и Лесков вновь обращается в редакцию "Русской мысли". В письме к В.А. Гольцеву от 16 ноября 1894 года встречается первое упоминание повести об Оноприи Перегуде: «Повесть "С болваном" ещё раз прочту по чистовой рукописи и пришлю Вам к половине декабря. (...) В повести есть "деликатная материя", но всё, что щекотно, очень тщательно маскировано и умышленно запутано. Колорит малороссийский и сумасшедший. В общем, это легче "Зимнего дня", который не даёт отдыха и покоя. (...) "Игра с болваном" не так дружно "жарит и переворачивает", как говорят о "З(имнем) дне"» (11, 599–600).

Возникшее в ходе работы над повестью заглавие "Игра с болваном" (сокращённо: "С болваном"), безусловно, хорошо соотносилось с её содержанием, хотя и было по-лесковски "тщательно маскировано и умышленно запутано". Порождая прямые и обратные связи с художественным текстом, заглавие являло собой загадку, в которой предстояло разобраться читателю. Например, знакомым с творчеством А.И. Эртеля могло показаться, что это произведение об игре в карты с отсутствующим партнером. Ср.: "... а на сон грядущий сыграем по маленькой в преферанс с болваном" (Эртель А.И. Записки Степняка. М., 1989. С. 56–57).

Однако уже знакомство с эпиграфом к повести — цитатой из сочи-

нения украинского философа Григория Сковороды "Диалог, или разглагол о древнем мире", убеждало, что речь пойдёт отнюдь не о карточной игре. В эпиграфе говорится о философском понятии "телесного болвана", то есть "болвана" как физической формы существования человеческой натуры, которая, являясь лишь "зерцаловидной тенью истинного человека", противопоставляется его божественно-духовной сущности. Разрешение этого противоречия Лесков видел в духовном прозрении своего героя, который, не найдя опоры в обычной жизни, обретает её только в сумасшедшем доме.

Вместе с тем слово "болван" в заглавии повести выступало и в значении "бестолковый, невежественный человек, глупец, дурак". В этом же значении оно неоднократно употребляется в тексте: «... одни говорили: "Вот сей болван и подлец!"» (9, 567); «Что им за радость разводить такую глупую историю и спроваживать к Макару злополучного болвана (это я-то болван)» (9, 583). Писатель использует его и как бранное слово: «— Прощай, болван! Жди себе орден бешеной собаки!» (9, 577); «— Разве не видишь, кто я? Болван! — Болван я, — отвечаю, — это верно...!» (9, 585).

Напечатать повесть "Игра с болваном" в "Русской мысли" не удалось, и снова — из-за цензурных опасений редакции. Лесков обращается тогда в "Вестник Европы", сообщая (в письме от 8 января 1895 года) его редактору М.М. Стасюлевичу, что «рукопись (...) готова, а я всё не слажу с заглавием, которое мне кажется то резким, то как будто малопонятным. Однако пусть будет то, которое я теперь поставил: то есть "Заячий ремиз", то есть юродство, в которое садятся "зайцы, им же бе камень прибежище"» (11, 606). Как видим, писатель вернулся к "звучному и заманчивому" заглавию, которое он ранее предполагал для очерка "Нашествие варваров" и которое сам считал "непонятным". Именно поэтому Лесков и снабдил его толкованием.

Попробуем прокомментировать это толкование писателя. Как известно, слово *ремиз* заимствовано из французского. В "Словаре французского языка" Э. Литтре (Париж, 1885) отмечено более десяти его значений, в том числе употребляемые и сегодня. Например, карточный термин — "недобор взятка в некоторых карточных играх; штраф за этот недобор" (Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1961. Т. 12. Стл. 1212). Ср.: "... дую себе в преферанс (...), ставлю ремизы страшные, ибо и игру знаю плохо, и горячусь, как сумасшедший..." (Белинский В.Г. Письмо к В.П. Боткину от 6 февраля 1843 // Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 526).

Следовательно, в новом заглавии ("Заячий ремиз"), как и в первоначальном — "Игра с болваном" — заключён обманчивый намёк на связь текста повести с игрой в карты. Недаром М.М. Стасюлевич, возвращая повесть автору, писал: «Опять я с немалым удовольствием прочёл Ваш

"Заячий ремиз", но никак не могу рискнуть, чтобы поделиться этим удовольствием с другими: можно очень самому обр^емизить^{ся} (разрядка наша. – Т.И.) и остаться, как говорят специалисты, без трёх, а не то и без пяти в червях» (9, 643). В свою очередь современные исследователи усматривают в названии повести всё тот же мотив. Так, И.В. Столярова в монографии, посвящённой творчеству Лескова, пишет: «Сострадая своему "обремизившемуся" герою, писатель создаёт многоликий сатирический образ "чёртовой круговерти" русской жизни» (Столярова И.В. В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова. Л., 1978. С. 227).

Новое заглавие лесковской повести связано не только с карточным термином в его прямом и переносном значениях. В нём слово *ремиз* выступает и в качестве охотничьего термина: "место, где размножается и постоянно пребывает дичь" (Словарь современного русского литературного языка. Т. 12. Стл. 1212). А вот "зайцы" приведены в названии, безусловно, иносказательно.

Любопытно, что под Петербургом, в Петергофе, за Английским парком некогда размещалась слобода императорской придворной охоты, название которой "Заячий ремиз" сохранилось до нашего времени. Думается, что Лескову это название было хорошо известно.

Фактически о том же говорит и собственное разъяснение писателя, которое заканчивается цитатой 18 стиха 103 псалма Псалтыри: "им же бе камень прибежище". В этом псалме прославляется Божья премудрость в обустройстве вселенной, определившая каждой живой твари своё место обитания: "Высокие горы – сернам; каменные утёсы – убежище зайцам". Но что же это за "камень" ("каменные утёсы" – по синодальному переводу Библии и "заячий ремиз" – по Лескову), где "зайцы" обретают себе "прибежище"? По разъяснению писателя, это – "юродство, в которое садятся зайцы", иначе – "состояние умопомешательства", "безумное поведение" (Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. Стл. 2004). Иными словами то, что характеризует действия "телесного болвана" Оноприя Перегуда, бывшего лишь тенью истинного человека до того, как он попал в сумасшедший дом – его прибежище "Заячий ремиз".

Таким образом, оба заглавия последней повести Лескова: и то, которое он дал в процессе работы над ней – "Игра с болваном", и то, которое он использовал поначалу для другого своего произведения – "Заячий ремиз", имеют с художественным текстом повести разнообразные смысловые связи. Эти связи отчётливо проявились в первоначальной заглавии и оказались, естественно, более сложными и запутанными во втором.

"Душа моя полна тревоги и участия..."

Заметки о поэзии А.Н. Апухтина

П.А. ГАПОНЕНКО,

кандидат филологических наук

А.Н. Апухтин избегал в своем творчестве пресловутых "гражданских мотивов". В "программном" стихотворении "Современным витиям" (1861), обращаясь к оппонентам, поэтам революционно-демократической ориентации, он с раздражением писал, что устал от их "фраз бездушных, / От дрожащих ненавистью слов". И следом восклицал: "Я хочу во что-нибудь да верить, / Что-нибудь всем сердцем полюбить!".

Спустя двадцать лет после стихотворного обращения к "современным витиям" Апухтин создает два стихотворения с одинаковым названием "К поэзии" (1881): одно из них открывается строкой "В эти дни ожидания тупого...", другое — "В те дни, когда широкими волнами...". И здесь он вновь заявил о своей приверженности "чистому искусству" — "волшебницу" поэзию он просит унести "в свое светлое царство", прочь "от насилий, измен и коварства/ От кровавых раздоров людских..."

Однако эти декларации поэта резко расходились с художественной практикой. Жизнь, с ее "изменами и коварствами", естественно, вторгалась в его стихи и порождала мотивы, далеко отходившие от стандартных установок "чистого искусства". И хотя проблематика его стихотворений напрямую не была связана с мрачной порой безвременья 80-х годов, тем не менее в них отразились типичные для поэзии того времени идеи и тревоги, полновластно прозвучал голос человека, живущего "в эпоху общего унынья" ("Из бумаг прокурора").

Мотивы тоски и одиночества, разочарования в жизни, неверия в силы добра становятся господствующими в этот период. А в стихотворении "Музе" (1883) безысходность приобретает прямо-таки декларативный характер: "Мой голос прозвучит в пустыне одиноко, /Участья не найдет души изнывшей крик...". Люди отравили жизнь изменой и клеветой, сама смерть милостивее их, она "теплее, чем эти люди-братья".

Мятущееся сознание затравленного жизнью героя с большой художественной силой воспроизведено в поэме "Год в монастыре" (1883). Герой бежит "из мира лжи, измены и обмана" в монастырскую обитель, но и там не находит "покоя" и по первому же зову женщины возвращается в общество ненавистных ему "пошлых, злобных лиц", с горечью сознавая, что он "жалкий труп душой" и что ему "места в мире нет".

Друзья затевают бессмысленный спор. "Словно тешась безумной враждою", они губят свою дружбу "безотрадными, жесткими, злыми" словами. Не припомнилось им, не сказалось "задушевное, теплое слово" — и примиренья не состоялось, сердца остались "без любви и прощенья" ("Ссора", 1883). Стихи о ссоре оставляют тягостное впечатление, воскрешая в памяти знаменитое гоголевское "Скучно на этом свете, господа!".

В стихотворениях "Из бумаг прокурора" (1883) и "Сумасшедший" (1889) — та же пронзительная боль за человека, исковерканного "бессмысленным и злым" строем жизни. И не об одних лишь личных мотивах тоски и разочарования говорится в этих стихотворениях. "Слишком много человеческого горя отразилось в них, — отмечает Г.А. Бялый, — чтобы это могло быть порождено только личными обстоятельствами" (Поэты 1880—1890 годов. М.-Л., 1972. С. 19).

В небольшом по объему поэтическом наследии Апухтина отчетливо выделяются интимно-повествовательная лирика и романсный жанр. Линию интимного повествования представляют стихотворения-дневники ("Год в монастыре"), стихотворения-монологи ("Из бумаг прокурора", "Сумасшедший", "Перед операцией"), стихотворные послания ("Братьям", «А.Г. Рубинштейну. По поводу "исторических концертов"», "К славянофилам"). Все они условно могут быть причислены к жанру своеобразной исповеди, отмеченному неподдельной задушев-

ностью, искренностью, тончайшим психологизмом. Те же качества отличают и романсы Апухтина ("Я ее победил, роковую любовь...", "Мухи", "День ли царит, тишина ли ночная...", "Ни отзыва, ни слова, ни привета...", "Пара гнедых").

Апухтин создавал свои произведения с расчетом на чтение их декламаторами либо исполнение певцами, то есть на слуховое восприятие. Отсюда большое значение в стихах приобретает интонация: повышение и понижение тона, речевые паузы, вопросы и восклицания, синтаксические и фразовые ударения, подчеркнутость звукового строя речи. С помощью различной синтаксической структуры фраз, порядка слов, пунктуационных знаков Апухтин передает основные особенности интонации, добиваясь неповторимости своего "голоса".

Поэт намеренно избегает совпадения заканчивающей строку постоянной ритмической паузы с паузой смысловой ("То было уж давно... на станции глухой, / Где ждала я поезда... Я помню, как сначала/Дымился самовар и печь в углу трещала..." — "Памятная ночь"), нередко разбивает стих короткими фразами ("Пльвем. Ни шороха. Ни звука. Тишина". — "На Неве вечером"). Для повышения эмоциональной напряженности речи он перемежает — в пределах одного стихотворения — четырехстопный, пятистопный и шестистопный ямбы ("Ночь в Монплезире"), иногда в тех же целях использует сужающуюся строфу ("Проложен жизни путь бесплодными степенями...").

В стихотворениях "Письмо" и "Ответ на письмо" обращает на себя внимание резкая смена интонации в конце каждого из них. Напряженная, страстная тональность, в которой выдержано "Письмо", контрастирует с иронической припиской P.S.: "Тревога, ночь, — вот что письмо мне диктовало...". Напротив, насмешливый, "небрежный" тон "Ответа на письмо" обрывается в приписке взволнованным признанием в любви: "Приди, приди ко мне, прими былую власть! / Здесь море ждет тебя, широкое, как страсть, / И страсть, широкая, как море".

Повышенную эмоциональную окраску поэтической речи Апухтина придают частые переключки первой и финальной строф стихотворений ("Солдатская песня о Севастополе", "О, Боже, как хорош прохладный вечер лета...", "Дорожная дума", "Ночи безумные, ночи бессонные..."), а также другие виды повторения: удвоение, анафора, градация, стык, рефрен. Так, в стихотворении "День ли царит, тишина ли ночная..." заключающий каждую строфу рефрен "*Все о тебе!*", "*Все от тебя!*", "*Все для тебя!*", отличающийся от остального текста стихотворным размером, концентрирует в себе основную мысль пьесы, выделяет ее ключевую тему. То же — в стихотворении "Судьба. К 5-й симфонии Бетховена", где рефрен "*Стук, стук, стук...*", подчеркивая интона-

ционно-синтаксическую целостность поэтической картины, необычайно выразительно передает жесткую, даже жестокую неумолимость судьбы, которая "как грозный часовой, / Повсюду следует за нами". В "Паре гнедых" поэт весьма удачно применил повторение слова в различных значениях: "Таял в объятьях любовник счастливый, / Таял порой капитал у иных...".

Столь же легко отыскать в стихотворениях Апухтина примеры иных приемов стилистических фигур, скажем, синтаксический параллелизм ("Мухи", "Разбитая ваза"), пересечение различных синтаксических конструкций ("Найду ли я тебя? Как знать! Пройдут года..." — "К пропавшим письмам"), многосоюзие ("Я люблю тебя так оттого...") и т.д.

Вот стихотворение "Сухие, редкие, нечаянные встречи..." Эмоциональное звучание стиха в нем задано с самого начала, с первой строфы, задано и поддерживается оно усиленной градацией:

*Сухие, редкие, нечаянные встречи,
Пустой, ничтожный разговор.
Твои умышленно-уклончивые речи,
И твой намеренно-холодный, строгий взор, —
Все говорит, что надо нам расстаться.
Что счастье было и прошло...*

Интонационному нарастанию содействуют также составные эпитеты (*умышленно-уклончивые, намеренно-холодный*).

В финале стихотворения лирическое движение, захватывая на своем пути душевное состояние героя, выходит в мир бытовых образов, образующих развернутое сравнение, что усиливает экспрессивность и выразительность речи:

*Так в детстве, помню я, когда меня будили
И зимний день глядел в замерзшее окно, —
О, как остаться там уста мои молили,
Где так тепло, уютно и темно!*

*В подушки прятался я, плача от волненья,
Дневной тревогой оглушен.
И засыпал, счастливый на мгновенье,
Стараясь на лету поймать недавний сон,
Боясь потерять ребячьи бредни...
Такой же детский страх теперь объят меня.
Прости мне этот сон последний
При свете тусклого, грозящего мне дня!*

Еще нагляднее мастерство Апухтина прослеживается в стихотворении — "Давно ль, ваш город проезжая...". Начало его сразу же вводит нас в тему воспоминания ("давно ль..."), которому предается

герой. Он вспоминает день, когда "душою ожил" в доме любимой женщины. Память живо воскрешает перед ним все детали той картины:

Я помню: серенький денек,
По красным угольям камина
Перебегавший огонек,
И ваши пальцы, и узоры,
Рояль, рисунки, и цветы,
И разговоры, разговоры —
Плоды доверчивой мечты...

Прошли годы. И он, и она, "долго странствуя без цели", "утомились" на жизненном пути, растеряв "надежды, чувства прежних лет". И вот они снова встретились под "кровом" того же "старого, тихого" дома.

И мы задумались, молчим...
Но нам — не тягостно молчанье,
И изредка годам былым
Роняем мы воспоминанье.

Поэт обращается здесь к своему излюбленному приему выразительности — бытовому сравнению:

Так иногда докучный гость,
Чтоб разговор не замер сонный,
Перед хозяйкой утомлённой
Роняет пошлость или злость.

Картина, кажется, нарисована полная, прибавить к ней как будто нечего — все акценты расставлены. Но поэт дорисовывает картину еще одной строфой:

И самый дом глядит построже,
Хоть изменился мало он.
Диваны, кресла — всё в нём то же,
Но заперт наглухо балкон...
Тафтой задрюхута картина
И, как живой для нас упрёк, —
По красным угольям камина
Бежит и блещет огонёк.

Бегущий по красным угольям камина и блещущий огонёк — символ высоких порывов души, её идеальных устремлений. Кстати, огонёк в этой финальной картине наделен качеством, которого он не имел в начале стихотворения: он не только бежит, но и *блещет*. Теперь он для героев *как живой упрёк* в том, что они растеряли на жизненном пути возвышенные идеалы.

Подобных "находок", смелых образов, по которым угадывается рука

мастера, рассыпано немало в стихотворениях Апухтина. Вот лишь некоторые из них: "Глаза печальные, усталые, сухие, /Как в хатах зимние огни!" ("В театре"). В стихотворении "Певица": "Девиц и дам завистливый синклит" и "Банальный фимиам мужчины жгут перед нею". В стихотворении "Истомил меня жизни безрадостный сон...": "И я весь освещаюсь тобою, /Как цветами нежданно одетая степь, /Как туман, серебримый луною...". И без того безрадостную картину деревенской жизни дополняет "свежий" образ: "визгливые стоны грачей" («Из поэмы "Село Колотовка"»). Привычное *крики* грачей преобразено в *стоны* да к тому же *визгливые* (Ср. у А.Н. Майкова: "Свистят и искрятся визгливые коньки" — "Зимнее утро").

В поэтической речи Апухтина представлены бытовые, обиходные выражения, просторечные слова и словосочетания, "прозаизмы". Приведем примеры бытовой, разговорной выразительности: "Ей о любви никто б не *заикнулся*, /Но тут король, к несчастью, *подвернулся*" — "Венеция"; "*больно уж не смел*" — "Грусть девушки" (из цикла "Деревенские очерки"); "А серый пристяжной с своей *подругой жирной*/По знойному пути *бредут себе шажком*..." — "Сосед" (из цикла "Деревенские очерки"); "А и так победили, что с *кислым лицом*/И с разбитым *отчалили* носом" — "Солдатская песня о Севастополе"; "*Авось*, твой разговор *убить часы* поможет" — "Гаданье" и т.д.

Стихотворение "Братьям" (1877), написанное в связи с событиями русско-турецкой войны 1877—1878 годов, содержит, наряду с традиционными поэтическими лексикой и фразеологией, бытовые, прозаические выражения и обороты. Обращаясь к воюющим "братьям", поэт вопрошает:

Что с вами? Дрожите ли вы под дождём
В убогой палатке, прикрывшись плащом.
Вы стонете ль в ранах, томитесь в плену?..

"Поэт милостию Божией" — так охарактеризовал А.Н. Апухтина один из дореволюционных критиков. Внимательное прочтение его стихов, похоже, подтверждает эту высочайшую оценку.

Орёл

"МУНДИР! ОДИН МУНДИР!"

Военный костюм на страницах русской классики

А.А. ПАУТКИН,
кандидат филологических наук

Многообразный мир вещей, окружающих человека, издавна находит отражение в художественной литературе. Предметная деталь делает описание зримым, придаёт ему особую достоверность. Важное место в создании портретной характеристики персонажа занимает костюм. В этом писатель как бы соперничает с живописцем, стремясь словом

передать наружность героя. Описание одежды персонажа подчинено единому авторскому замыслу, служит задаче полноценного раскрытия образа.

Военный костюм прошлого столетия... Каждое упоминание о нем в художественных текстах – это путешествие в глубь российской истории, возможность пристально взглянуть в облик людей минувшей эпохи, перелистать в памяти страницы известных книг.

Время изменяло покроя военного костюма, его фасон и цвет, но всегда ношение мундира строго регламентировалось. Предписывалось не только соблюдение знаков отличия, но и соответствующее им поведение (отсюда известное выражение – "сохранять честь мундира"). Сегодняшнему читателю подчас бывает трудно разобраться во всех этих тонкостях. Однако ироничная реплика грибоедовской старухи Хлестовой: "Не мастерица я полки-та различать" позволяет заключить, что "форменные отлички: в мундирах выпушки, погончики, петлички" были иногда неведомы и некоторым современникам.

Напротив, пушкинская героиня, юная Лизавета Ивановна в "Пиковой даме" немедленно распознала в офицере, появившемся под окном её комнаты, инженера. Девушка уверенно отличает инженера от кавалериста. Выказывает она своё знание в неосторожном разговоре с Томским, пожелавшим представить графине своего приятеля, а "узнав, что Нарумов не инженер, а конногвардеец, она сожалела, что нескромным вопросом высказала свою тайну..." Вероятно, Германн кажется Лизе привлекательнее блестящего гвардейца. Ведь в инженерном корпусе служили не только отважные (вспомним секунданта Пушкина К.К. Данзаса), но и весьма одарённые, образованные, хотя и не столь богатые люди. Об этом, видимо, знает пушкинская героиня. Что же указало Лизе на место службы Германа? "Острым взором молодости" она могла и под "бровным воротником" подметить чёрный с красными выпушками воротник, серебряные петлицы и такие же пуговицы на шинели – отличия формы офицера инженерного корпуса.

Но ведь мундир, скажете вы, отнюдь не подчеркивает индивидуальность его носителя, наоборот: делает его похожим на других... В таком случае вспомните юнкера Грушницкого и его, "по особому роду франтовства, толстую солдатскую шинель". На незначительное нарушение форменной одежды этот лермонтовский герой идёт умышленно, стремясь привлечь к себе всеобщее внимание. В изображаемую в романе эпоху на Кавказе служило немало дворян, разжалованных в рядовые за различные провинности. И солдатская шинель – значимая деталь в характеристике недалекого умом юнкера. Когда же, наконец, его производят в офицеры, перед читателем предстаёт все тот же самодовольный позер "в полном сиянии

армейского пехотного мундира". В его облике все вещественно и всё ненатурально: "эполеты неимоверной величины были загнуты кверху в виде крылышек амура; сапоги его скрипели; в левой руке держал он коричневые лайковые перчатки и фуражку", а "черный огромный платок, навернутый на высочайший подгалстушник (...) высовывался на полвершка из-за воротника..."

А действительно разжалованный в рядовые герой Л.Н. Толстого вызывает гнев полкового командира. Ожидается прибытие Кутузова, следуют неоднократные переодевания из походной формы в парадную и обратно, а тут солдат в офицерской шинели... Это Долохов из "Войны и мира". Синяя шинель – напоминание о превратностях его прошлой жизни и ещё один штрих к портрету этого буяна и смельчака.

В этом же романе Толстого есть сцены, в которых одевание персонажей выполняет весьма существенную, смысловую роль. Таковы узловые пункты повествования – заключение Тильзитского мира и Бородинское сражение. Павлоградский гусар, одетый во фрак и круглую шляпу, бродит среди солдат двух армий, наблюдая за всем со стороны. На Бородинском поле "военные лица разных родов войск, одинаково с удивлением", взирают на зелёный фрак и белую шляпу Пьера Безухова. Читатель видит оба события глазами героев в партикулярном платье. Это как бы определяет тональность происходящего, усиливая необычность ситуации: заключение мира наблюдает боевой офицер, а битву – неопытный в армейских делах "барин".

Форменная одежда всегда несла на себе печать официальности, становясь своеобразным воплощением устоев государства, существующего порядка. Российские правители с большой охотой и увлечением занимались переобмундированием армии. Своеобразный приговор подобным "реформам" можно усмотреть в гротескном проекте глуповского сановника, искренне полагающего, "что мундир... предшествует человеку, а не наоборот".

Куда смотрели при этом власти? Власти в лице недремлющей цензуры придирчиво смотрели в текст и требовали изъятия "компрометирующих" сцен и "неприличных" выражений. При издании в пушкинском "Современнике" повести Н.В. Гоголя "Коляска" цензором была вычеркнута сцена послеобеденного отдыха офицеров: "У генерала, полковника и даже майора мундиры были вовсе расстегнуты, так что видны были слегка благородные подтяжки из шелковой материи, но господа офицеры, сохраняя должное уважение, пребыли с застегнутыми, выключая трех последних пуговиц". Групповой портрет целого сословия на фоне "кошунственной" детали – расстегнутых пуговиц!.. Гоголь рисует не просто неких самодовольных офицеров энского кавалерийского полка, а создает комическую табель о рангах с четким различием штаб- и обер-офицеров. С цензурской точки

зрения выписанная им сцена выглядела абсолютно "неприличной" и предосудительной.

Русских писателей всегда привлекала "пехотных ратей и коней однообразная красивость". Вспоминается юный А.С. Грибоедов, который в первой своей публикации – "Письма из Бреста Литовска..." восторгался "блеском воинских нарядов", а позже, став старше и мудрее, он же устами своего героя высмеивал мундир – "расшитый и красивый". Знарок воинского ремесла Денис Давыдов нарисовал запоминающуюся картину отступления наполеоновской гвардии, вызывающей в памяти живописные полотна Верещагина: "Осенённые высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля!". Отважный партизан и поэт поражён красотой сомкнутого строя гвардейских гренадеров, яркостью красок и их величавым спокойствием в период всеобщего развала Великой армии.

В свойственном Пушкину лаконичном повествовании один точный и ёмкий эпитет заменяет все подробности. В "Полтаве" Карл является "пред *синими* рядами своих воинственных дружин", в "Арапе Петра Великого" знакомство с пленным танцмейстером Густавом Адамычем начинается со "старого *синего* мундира", висящего на стене.

Синий – преобладающий тон в мундирах армии Карла XII. Упоминания о нём в тексте достаточно, чтобы перед читателем возник образ шведского войска (ср. осложнённое метонимией лермонтовское: "И вы, мундиры голубые ..." – о российских жандармах). "*Синяя* заплата" на локте "*зелёного* мундира" инвалида ("Капитанская дочка") или "клочки *светло-зелёного* и *красного* сукна" – остатки преобразенской формы конца XVIII века на скелете сержанта Курилкина ("Гробовщик") – явления того же ряда, подтверждающие экономность пушкинской костюмной детали.

Куда более щедр на подробности Л.Н. Толстой в повести "Два гусара". О прошлом и настоящем графа Турбина сообщается так: в залу вошёл красавец "в голубых обтянутых рейтузах и шитом золотом красном ментике, на котором висели владимирский крест и медаль двенадцатого года" – из чего можно заключить, что граф служит в лейб-гусарах, медаль у него серебряная, на голубой андреевской ленточке. А в "Войне и мире" великолепно изображено постепенное узнавание врага по его одеянию: "Наполеон ... сквозь дым увидел ряды людей в мундирах цветов непривычных для его глаз. Это были русские".

Вариантов использования костюмной детали в художественных текстах предостаточно. Обратимся к примерам. Подпоручик Ромашов в "Поединке" А.И. Куприна получает вызов явиться в "суд общества офицеров" своего полка. В конце официальной записки говорилось,

что "форма одежды обыкновенная". Далее по тексту: «Ромашов не мог удержаться от невольной грустной улыбки: эта "форма одежды обыкновенная" – мундир с погонами и цветным кушаком – надевается именно в самых необыкновенных случаях: на суде, при публичных выговорах и во время всяких неприятных явок по начальству». А вот какой энергичный, контрастный портрет набросал в своих "Записных книжках" К.Н. Батюшков: "Мы дрались под Гайерсбергом, в горах у Теплица. (...) пули свистали. Является к нам офицер в свитском мундире, весь в крестах, и в петлице Мария-Терезия. Конь его в поту, у него самого пена у рта, и пот с него градом сыплется, глаза горят, как угли..." Это характеристика барона Кроссара, французского эмигранта, служившего в австрийской и русской армиях, где он получил чин генерал-майора.

Один удачно найденный писателем штрих в корне меняет человека и – образ готов: французский капрал "по-домашнему расстегнутый, в колпаке" мирно беседует с Пьером Безуховым; этот же человек – в кивере "с застегнутыми чешуями" ведет себя с пленным иначе. Денис Давыдов в "Песне старого гусара", показывая нравы разных поколений гусар, ограничивается упоминанием деталей их форменных одеяний. У одних – "на затылке кивера, доломаны до колена", другие – "в вицмундирах, в башмаках, вальсируют на паркете".

Боевой наряд гусара – расшитые шнурами доломан (известны также, отмеченные в "Этимологическом словаре русского языка" М. Фасмера, *долімáн* и *долма́н*. Все варианты наименования гусарской куртки восходят к турецкому *dolama* – суконная одежда янычар) и ментик (от венг. "накидка") неизменно символизировали отвагу и молодечество (ср. у Лермонтова: "Гусар! ты весел и беспечен, / Надев свой красный доломан"). "Анакреоном под дуломаном" предстает Денис Давыдов в одном из стихотворений П.А. Вяземского. Любопытно также, на наш взгляд, что упоминание лейб-гусарских "ментиков червонных" в "Тамбовской казначейше" помогает уточнить время написания поэмы.

Как нетрудно убедиться, некоторые специальные слова и устойчивые обороты из доблестного воинского прошлого сегодня нуждаются в пояснении. Непонятно странное словосочетание в "Повести о капитане Копейкине": "Толстый макарон блесит на эполете". О чем пишет Гоголь? Перед нами метафорическое обозначение бахромы из толстого золотого жгута – признака генеральских эполет. Тонкой и более густой бахромой украшались эполеты штаб-офицеров. Как раз об этом мечтает прапорщик Стебельков в рассказе В.М. Гаршина "Денщик и офицер". Будущее сулит ему, "если не генеральские, жирные, то, по крайней мере, штаб-офицерские, густые эполеты". Попутно скажем, что уланский эполет был иным – гарусным (то есть шерстяным) с невисячей бахромой.

"Отдать под красную шапку" – так говорили в народе о наборе в рекруты. Под "красной" солдатской шапкой понимался в том числе и кивер, высокий головной убор без полей и с высокой тульей, часто упоминаемый в художественной литературе. Его украшали плетеные шнуры ("кутас") или шнур с кистями ("этишкет"), или венчал "султан" (вспомним стихотворение Лермонтова "Спор": "Веют белые султаны, / Как степной ковыль, / Мчатся пестрые уланы, / Подымая пыль..."). Легко узнаваемы "шлемы воев оперенны" (Батюшков) и кавалерийские каски "с конскими хвостами" (Лермонтов). Но вот две строки из "Медного всадника", на наш взгляд, нуждаются в комментарии. "Сиянье шапок этих медных, / Насквозь простреленных в бою" – речь идет об остроконечных "митрах" Павловского гренадерского полка. Медные "гренадерки", ушедшие в прошлое еще в самом начале XIX века, были предписаны "к ношению" до начала XX века только этому полку, в знак особых боевых заслуг павловцев.

В заключение скажем, что мастерство писателя состоит еще и в точности мелочей. Ведь даже такая частность, как усы, способна убить историческую достоверность образа. Толстой, приписав своего героя к Семеновскому полку, специально пояснил: Долохов "не носил усов, как и все пехотные офицеры". И напротив: гоголевский Пифагор Чертокуцкий "носил... под носом усы, потому что без того дворяне могли подумать, что он служил в пехоте".

В пушкинском стихотворении "Воспоминания в Царском Селе" (1829) есть такая строка: "...И тучи конные, брадатая пехота". Что это за "брадатая пехота"? В 1812 году "брадатыми" были лишь казаки да ополченцы, а у французов – только саперы. Конечно, поэт говорит о народном ополчении, наводившем ужас на французов. А посему словосочетание *брадатая пехота* исторически верно, и тем не менее перед нами своего рода оксюморон, придающий высказыванию особую выразительность и смысл.

Вкусная музыка и консервированная сирень

В.Н. КЛЕЩИКОВА

Логика есть царство неожиданности. Мыслить логически значит непрерывно удивляться. (...) Логическая связь – для нас не песенка о чижики, а симфония с органом и пением...

О. Мандельштам. Утро акмеизма

Утверждение о том, что поэты, создавая художественные образы, сочетают слова иначе, чем простые смертные, давно перестало быть откровением. Филологи разъяли стихотворения на метафоры и эпитеты, иронию и гиперболу, метонимию и аллегорию. Но законы поэтического творчества постижимы лишь гипотетически. Можем ли мы с достаточной степенью достоверности утверждать, что познали природу вдохновения? И вопрос о том, что же первично – слово или образ, повисает в воздухе ещё одним логическим парадоксом.

Можно, призвав на помощь чудеса воображения, представить *бесноватый квас* (Р. Рождественский) или *табунки васильков* (А. Вознесенский), *туманы ватные* (Р. Рождественский) или *апельсины микропористые* (Евг. Евтушенко), *ладошку воды* (А. Вознесенский) или *воспалённый закат* (В. Высоцкий), и даже *Иешуа бензозаправки* (А. Вознесенский), разводящего руками на дороге в период энергетического кризиса. Но есть поэтические образы, сквозь семантический алогизм которых нужно продираться, как сквозь дебри южноамериканских джунглей, орудуя вместо мачете возможностями ассоциативного мышления. К числу таких "каверзных", пожалуй, принадлежат "Рифмогекзаметры" А. Вознесенского. Читаем:

МИДИИ

Раковины черны –

как края граммофонных пластинок.

Ты, засучивши штаны,

мидий ведро набери.

Чёрная музыка сфер – Бетховены

и Робертино.

Вкусен из музыки суп!

Вкусен суп из мидий, раковины которых похожи на края грампластинки. Следовательно, речь идёт не о вкусовых ощущениях в процессе восприятия музыки ("Народ голодает – на музыку голод" – А. Вознесенский. *Голод* – всего лишь метафора), а о "музыкальности" вкусовых ощущений? Как в "Лесной музыке": "Пасечник нашего лета/ вынет из шумного улья/соты, как будто кассеты/ с музыкою июля".

Хотя в реальной действительности музыка вполне может сопутствовать пищеварению. Вспомним "глотателей музыки вместе с кофе", на которых с усмешкой смотрит подросток у Евг. Евтушенко. У него же в "Любимая, спи..." можно наблюдать впитавший в себя вкусовые реалии вполне поэтический образ – "солёное солнце".

Но "музыкально-вкусовые" акценты могут быть и такими, какими они предстают в "Кузнечике" А. Вознесенского: "сыграй, кузнечик, сыграни, / мой акустический кузнечик, / и в этих *музыках вкуснейших*/ луга и август сохрани". Сочетание *вкуснейшие музыки* передаёт высшую степень восхищения совершенством музыки природы и музыки, создаваемой человеком. А всё потому, что поэтическая речь – это, конечно же, отражение различных "пережитых, интимно-схваченных состояний, впечатлений или видений, настроений или эмоций" (Арнаудов М. Психология литературного творчества. М., 1970. С. 587). Например, как в "После дождичка..." Булата Окуджавы:

Но из прошлого, из былой печали
как ни сетую, как там ни молю,
проливается *чёрными ручьями*
эта музыка прямо в кровь мою.

(Ср. "чёрную музыку сфер" у А. Вознесенского и "чёрные ручьи" музыки у Б. Окуджавы).

"Она [музыка. – В.К.] действует ни возвышающим, ни принижающим душу образом, а раздражающим душу образом", – утверждал герой толстовской "Крейцеровой сонаты". Не случайно в поэзии А. Вознесенского так много "музыкальных" ассоциаций, например, в его "Мессе-04":

Но струились четыре конфорки,
точно кровью дракон истекал,
к обезглавленным горлам дракона
человек втихомолку припал.

Так струится *огонь Иоганна*,
искушающий организм,
из надпиленных трубок органа,
когда краны открыл органист.

Очищение великой музыкой, олицетворением которой в стихотворе-

нии выступает Иоганн Бах, и очищение смертью для "отравившегося кухонным газом" с целью избавления от собственной никчёмности в "душегубке домашнего рая" равнозначны в системе ценностных ориентаций поэта.

Зрелищность эстрадных программ с обилием световых и музыкальных эффектов – наш современный быт. Поэтому поэтическое новообразование В. Высоцкого *цветонота* из его "Мажорного светофора..." было воспринято массовым сознанием буднично, будто речь велась о чём-то привычном, "родном". А слово-то отнюдь не бесхитрое!.. Даже взятое вне контекста, оно содержит в себе ряд различных расширительных смыслов. Это и знак, обозначающий одновременное воплощение в музыке и цвете, цветомузыкальный "аккорд"; это – живописное изображение звука (музыка цвета); одна из красок палитры; один из семи цветов спектра (по аналогии с музыкальной гаммой); наконец, возможно, – элемент икебаны (языка цветов).

Согласно В. Высоцкому, *цветонота* – недремлющее око светофора, три глаза – три цвета, "палитра-партитура цветонот". Выбор именно такого минимального цветового набора, если, конечно, гражданин не дальтоник ("Но дальтонизм – порок и недостаток"), по лукавому уверению поэта, уже самодостаточен, такой подбор не раздражает, но ... вносит в жизнь определённую устойчивость.

Всё в трёх цветах нашло отображенье
Лишь изредка меняется порядок.
Три цвета избавляют от брожения,
Незыблемы, как три ряда трёхрядок.

Последняя фраза, вновь провозглашающая ассоциативное единство "цвет – звук" (первоэлементов своих подсистем), – закономерно возвращает к началу стихотворения, где "мажорный светофор, трёхцветье, трио, палитра-партитура цветонот" и где сопоставляемые музыкальные и цветовые понятия объединены в смысловые пары: *партитура* как совокупность звуков (*нот*) – *палитра* как совокупность красок (*цветов*).

Алогичность выражения *консервированная сирень* в стихотворении А. Вознесенского "Рукопись" не проясняется при обращении к ближайшему контекстному окружению:

Подайте позднюю
надежду памяти –
как консервированную сирень, –
где и поныне
блатные Бальмонты
поют над сумерками деревень.

Стихотворение посвящено Игорю Северянину – "менестрелю серебряного века" и вдохновенному певцу сирени. Образ сирени – ключевой в творчестве Северянина – символ молодости, весны, счастья и вечно обновляющейся жизни. Вот лишь несколько примеров: "Сирень, сирень в моём саду, / В моём саду – сирень!"; "Молодость кончилась как-то сразу. / Ночью увяла в саду сирень"; "Цвела сирень – у нас цвели тела"; "В ночь, когда сирень зашевелит/ Свой аромат и вас весной овеет..."

Художественно-образное единство "сирень-весна" – психосемантическая основа многочисленных "сиреневых" ассоциаций. (Наибольшее число северянинских неологизмов образовано от корня *вес(е)н-*: *весениться*, трижды *овесененный* ребёнок, душа *весенится*, глаза *весенятся*, губы *весенеют*, *весень*, песенка-*весенка*, *вешнелевец*, *девятнадцативешняя* и др.). Фантастический образ "мороженого из сирени" из одноимённого стихотворения – пожалуй, самый знаменитый у Северянина – представляет собой синтез ассоциативных впечатлений на пересечении плоскостей цвет → запах → вкус.

Латинский глагол *conservare* в переводе означает *сохранять, хранить, беречь*. Неувядающая сирень Северянина – центральный экспонат его "музея моей весны". Образ сирени (возможно, не без влияния северянинских реминисценций) встречаем также в стихотворениях А. Вознесенского "Сирень похожа на Париж", «Сирень "Москва-Варшава"».

Приглядимся к следующим стихам А. Вознесенского:

Давно повывелись
в миру чернильницы
и нет *лиловых*
навзрыд
чернил.

В окказиональном сочетании *лиловые навзрыд чернила* из его "Рукописи" синтезированы семантические достижения двух поэтов – И. Северянина и Б. Пастернака. У Северянина Вознесенского привлекло его пристрастие к "лиловости" (лиловый и сиреневый – основные цвета поэтической палитры Северянина, поражающие богатством оттенков и смелостью контрастных сочетаний): "Снова маки в полях лиловеют"; "Снег лиловатого оттенка/ Пылит под небом голубым"; "Люблю лиловое с лимонным, / Люблю средь лютиков сирень"; "Закатный запад был сиренев"; "Вуаль светло-зелёная с сиреневыми мушками..." и т.п. А Пастернак ему запомнился стихами:

Февраль. Достать *чернил* и плакать!
Писать о феврале *навзрыд* (...)
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи *навзрыд*.

Семантическое единство *чернила – слёзы* формируется при помощи промежуточных смысловых звеньев: установки поэта "писать о грусти", цветовых "чернильных" ассоциаций и аллитерационных имитаций плача в звуковом оформлении стихотворения. Пастернаковское нагнетание чёрного цвета (*чёрная весна, обугленные груши, тысячи грачей, проталины чернеют*) сродни северянинскому сгущению лилового.

Неотъемлемой чертой поэтического стиля А. Вознесенского, как мы убедились, является стремление сочетать несочетаемое, соединять несоединимое в едином образно-словесном целом.

Вопрос об алогичности алогичного для поэзии – вопрос об особом статусе поэтического творчества и поэтического языка. Могут ли речи быть эрзацными, звезды – пепельными, ветер – спелым, поэты – скоропортящимися, есть ли борода у нейтрино и воля у лазера? Мир поэзии с присущими ему законами художественной деформации – прорыв в невозможное и неизвестное, и прорыв эстетически ощутимый. Как писал выдающийся армянский поэт Паруйр Севак:

... Самородок духа,
Самоцвет волшебства,
Раскрытие вечное скобок,
Разрешение неразрешимого, –
Вот что такое стих!

Киев

"СКОРОСТИ ОСТАВЛЯЮТ ПОЗАДИ КАТЕРА"?

О логике естественного языка

Б.Ю. НОРМАН.

доктор филологических наук

Автору этих строк попалась как-то на глаза заметка в старом журнале, в которой говорилось: "Вода во много раз плотнее воздуха. Поэтому и скорости летательных аппаратов в атмосфере Земли оставили позади даже рекордно быстроходные катера" (Пресняков А. Гидрошасси // Юный техник. 1975. № 2).

И подумалось: скорости... оставили позади катера? Какая речевая небрежность! Хороший редактор, конечно же, должен был бы исправить: *скорости летательных аппаратов оставили позади скорости катеров.*

Но вот и в художественной литературе, у признанных мастеров, встречаем:

"В загоне... стоял покаты́й жираф, древнеегипетские изображения которого считались когда-то баснословной смесью всех животных..." (И. Бунин. Свет Зодиака);

"Историк (со слов которого записал я все выше- и нижеизложенное) с момента выхода Гольца на улицу сильно противоречит показаниям мясника" (А. Грин. Происшествие в улице Пса);

"Голос сильно напоминал виновника несчастного случая, но я был слишком взволнован неожиданно налетевшей вестью" (Арк. Бухов. Четыре жестокосердых).

Несомненно, в этих примерах мы сталкиваемся со схожими речевыми неправильностями. Следовало бы сказать: *изображения жирафа считались смесью изображений всех животных; показания историка противоречат показаниям мясника; голос напоминал голос виновника несчастного случая.*

В сущности, перед нами типичное нарушение законов логики. При логических операциях с такими понятиями, как сопоставление, противопоставление, перечисление, объединение и т.п., мы должны иметь дело с однородными (то есть принадлежащими к одному уровню обобщения) и одноплановыми (то есть относящимися к одной сфере) сущностями. Это правило запрещает, делает невозможным целый ряд речевых конструкций, в частности, некоторые виды словосочетаний с сочинительной связью. Действительно, нельзя сказать по-русски

"стулья и мебель" (а можно только с оговоркой: *стулья и другая мебель, стулья и мебель вообще* и т.п.) или "блондин, но инженер" (противопоставляемые понятия относятся к разным сферам познавательной деятельности) и т.д. Данное логическое правило имеет универсальный характер; при производстве текста оно как бы подразумевается само собой. Что, однако, не означает, что его применение не заслуживает специального внимания.

В частности, отмечая нежелательность сведения в пределах одного сочинительного ряда абстрактных и конкретных понятий, авторы коллективной монографии "Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах" (М., 1987) на стр. 165 констатируют: существует "запрет на объединение в рамках СК (сочинительных конструкций. — Б.Н.) понятий, находящихся на разных уровнях родовидовой иерархии в системе понятий языка. Эта иерархия, очевидно, имеется в базе знаний всякого коммуниканта и всегда учитывается при построении СК".

Однако в речи, а особенно в художественном тексте (где нарушения логических правил могут преследовать достижение дополнительного эстетического эффекта), подобные конструкции, тем не менее, встречаются, и нередко. Сравним, например, сочинительные ряды в следующих цитатах — они включают в себя хотя и связанные метонимическими ассоциациями, но явно неоднородные (конкретные и абстрактные) понятия:

"Уже виден впереди серый камень, синь впадин и ущелий" (И. Бунин. Иудея);

"И граммофон напевал знакомую песенку о каком-то негре и любви негра..." (В. Набоков. Король, дама, валет);

"...Надеемся только на крепость рук. /На руки друга и вбитый крюк..." (В. Высоцкий. Здесь вам не равнина).

Первый вывод, который напрашивается из этих наблюдений, — это то, что язык не подчиняется логике, не следует ее формальным основаниям. Или, как сказано у Б. Слуцкого в стихотворении «Слово "западник" и слово "славянофил"»:

В общем, логике не уступает,
поддаваться не хочет язык,
как захочет, так поступает,
совершает так, как привык.

Но, пожалуй, точнее этот вывод звучал бы так: у языка своя логика, свои основания для тех операций, которые производятся со знаками в речевой деятельности.

Что же служит внутриязыковым мотивом и вместе с тем стимулом для образования конструкций, подобных той, что вынесена в заголовок

статьи? Прежде всего, несомненно, стремление говорящего к лаконичности, к экономии усилий и средств. "Лень человеческая", – так кратко определял когда-то замечательный русский лингвист Е.Д. Поливанов важнейшую причину развития языка, и, по-видимому, доля истины в этом заключении велика.

Частным случаем тенденции к экономии речевых средств является эллипсис (то есть опущение фрагмента высказывания), направленный на избежание тавтологии. Повторение одного и того же слова в рамках высказывания, вообще говоря, снижает информационную насыщенность последнего. Это легко показать на элементарных примерах типа: *Мне пять тетрадей в клетку и пять – в линейку*; во второй раз словоформа *тетрадей* оказывается просто избыточной, ненужной. Можно сказать, что и в наших примерах из художественных текстов, приводившихся в начале статьи, опущенное слово выполняет роль лексического "нулевого знака": формально его нет, но оно незримо присутствует в составе фразы.

Еще одно, пусть не прямое, "оправдание" приведенных ранее цитат – это закономерности развития у слов вторичных значений. Известно, что переносное значение очень часто возникает из-за смежности выражаемых понятий благодаря тесным связям между ними. Мы ведь легко допускаем в разговорной речи выражения вроде *Вон идет пятерка* или *Это деньги на булочку*, имея в виду *трамвай под номером пять* и *деньги на покупку булочки*. Так и в нашем случае: слово *историк* приобретает значение "показания историка", слово *животные* – "изображения животных". В художественных текстах встречаем немало подобных примеров. *Дождь заглушал все остальные звуки* – это означает "звуки дождя заглушали..."; *цвет платья напоминал спелую вишню* – здесь словосочетание *спелая вишня* употреблено в значении "цвет спелой вишни"... Правда, все это метонимия, речевая, "сиюминутная", только для данного контекста, но вполне понятная и естественная для носителя языка. И прецедент у нее есть: фоном служит метонимия языков, узаконенная и регулярная, ср. какие-нибудь *бас*, *баритон*, *тенор* – не только "голос", но и "человек с таким голосом"; *ведро*, *кастрюля*, *ложка* – не только "сосуд", но и "количество вещества в таком сосуде" и т.п. (см.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974. С. 191 и след.).

Но и это еще не все. Существуют определенные правила синтаксиса, закономерно приводящие к сокращению фразы. Одно из них – стремление словоформы по возможности получить более высокое место в иерархии подчинительных связей высказывания. Наглядная и уже довольно привычная картина этой иерархии – дерево с опрокинутой кроной, в вершине которого находится сказуемое (обычно –

глагольное), а все остальные словоформы занимают свое место на том или ином уровне подчинения. Однако "крона" дерева подчинения не задана изначально и постоянно: она формируется каждый раз в ходе речевого акта и в этом смысле представляет собой динамичную структуру. Стремление же словоформы продвинуться "вверх" вполне объяснимо: это перспектива занять позицию поближе к вершине, к организующему центру высказывания, соответствующим образом повысить свой "информационный статус", укрепить саму связь с главным словом, уберечься от недослышек и прочих коммуникативных недоразумений. Такая тенденция в синтаксисе – назовем ее центростремительной – имеет многообразные проявления.

В частности, в научной литературе сравнительно хорошо описано явление стяжения (или конденсации) в русской речи. Скажем, из полной, развернутой конструкции *подавать заявление на участие в конкурсе* получается сокращенная *подавать заявление на конкурс*, а из той, в свою очередь, еще более лаконичный вариант *подавать на конкурс*; аналогичным образом из выражения *откладывать деньги на покупку "Москвича"* возникает *откладывать деньги на "Москвич"* и, далее, *откладывать на "Москвич"* и т.п. (см.: Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966. С. 79). Но дело здесь не только в том, что какая-то словоформа (или словоформы) исчезает, опускается в речи; важно, что в то же время некоторое другое слово (в приведенных примерах – *конкурс*, *"Москвич"*) занимает освободившееся место, поднимаясь на одну или несколько ступенек в синтаксической иерархии фразы. Семантически оно при этом обогащается, как бы впитывая в себя значения своих "менее удачливых коллег" – исчезнувших слов.

Явление синтаксического стяжения и центростремительная тенденция слова находят свое отражение и в языке художественной литературы. Понятно: писатели и поэты объективно передают те процессы, которые протекают в сознании говорящего человека. Более того, эти явления настолько естественны для художественных текстов, что слушающими (читающими) могут вообще не замечаться. Фраза, образованная в результате такой внутренней перестройки, воспринимается как совершенно полноценная и самодостаточная. Для доказательства стоит вспомнить хотя бы хрестоматийную некрасовскую строку: "В лесу раздавался топор дровосека...", – хотя раздаваться-то может, собственно, не сам топор, а только его стук.

Вместе с тем заметим: то, что хорошо для живой разговорной речи, для непосредственного общения, в иных ситуациях требует дополнительной опоры на контекст, комментария или развертывания – иначе тот же самый эллипсис и внутренняя перестройка синтаксической структуры могут привести к коммуникативным недоразумениям или

стилистическому неприятию высказывания. В качестве иллюстрации приведем диалог из повести современного автора:

– Алексей Николаевич, он вам позвонит через десять минут, он под прессом.

– Где, где? – с неподдельным интересом спрашивает шеф.

– У него образец под прессом.

Л. Штерн. Двенадцать коллегий

В этом фрагменте характерные для разговорной речи эллипсис и перестройка фразы (*Он под прессом* вместо *У него образец под прессом*) оказываются нежелательными, чужеродными при передаче информации в ином стилистическом ключе (разговор с руководителем).

Таким образом, принципы формальной логики сталкиваются в языке с другими правилами – семиотики и семасиологии, синтаксиса и стилистики. Так рождается особая – нежесткая – логика языка, допускающая значительно более "мягкую" трактовку лексических множеств и операций с ними. В частности, рассмотренные нами высказывания типа *Изображения жирафа считались смесью всех животных* или *Цвет платья напоминал спелую вишню* возникают "на перекрестке", в фокусе взаимодействия нескольких внутриязыковых тенденций: к стяжению фразы, к продвижению словоформы "вверх", к речевой метонимии, к смешению стилей... И проблема, которая вначале представлялась сугубо практической, лежащей в сфере культуры речи, приобретает глубинный, теоретический аспект. Это аспект динамической грамматики, то есть тех процессов, которые происходят в сознании говорящего и слушающего при производстве и, соответственно, восприятии текста.

Конечно, стяженные конструкции могут и должны составлять предмет редактирования, и чем более официальный характер носит текст, тем менее желательны в нем такие отступления от логических норм. Однако, поскольку эти процессы, как мы пытались показать, мотивированы и закономерны, то следует признать, что борьба с эллипсисом, в том числе и в конструкциях интересующего нас типа, подобна борьбе с ветряными мельницами: она благородна, но... бесперспективна.

Минск

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) был москвичом. Дом, где он 26 октября 1880 года родился, на углу Арбата и Денежного переулка, стоит и поныне, правда, надстроенный четвёртым этажом. Отец писателя, Николай Васильевич Бугаев, – профессор Московского университета, математик с европейским именем, в 1886–1891 годах занимал пост декана физико-математического факультета. Мать была хорошей пианисткой и вводила сына в мир музыки. После обучения в поливановской гимназии Борис Бугаев, по желанию отца, поступил на естественное отделение физико-математического факультета, но не оставлял рано увлекших его занятий литературой и философией (буддизм, браманизм, Шопенгауэр), а, закончив курс на физмате, стал студентом историко-филологического факультета, но пробыл там лишь три года. С ранних лет вошёл в близкое знакомство и дружбу с жившей в том же доме семьёй педагога Михаила Сергеевича Соловьёва, младшего брата известного поэта и философа Владимира Соловьёва. Жена М.С. Соловьёва, Ольга Михайловна, переводчица и художница, была в родстве с матерью Александра Блока и знакомила юного Бугаева со стихами ещё не печатавшегося тогда петербургского студента. Соловьёвы всячески поддерживали поэтические начинания Бори Бугаева, порицаемые в родной семье. У Соловьёвых же был придуман ему псевдоним Андрей Белый перед тем, как юноша отдал в печать свою "Симфонию (2-ю, драматическую)": он не хотел огорчать отца, решив не ставить своё настоящее имя на обложке декадентского сочинения.

К началу двадцатого столетия Андрей Белый уже постоянно работал над стихами, писал пьесы и так называемые "симфонии" – ритмическую прозу, построенную по музыкальным законам сонаты, – беседовал однажды с Владимиром Соловьёвым, учение которого оказало на него огромное воздействие, познакомился с В.Я. Брюсовым, чуть позднее с Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонтом. В

январе 1903 года Андрей Белый встретился с Блоком, приехавшим вместе с женой на время в Москву. У поэтов возникает необыкновенно горячая, экзальтированная дружба, впоследствии осложнённая увлечением Андрея Белого женой Блока, Любовью Дмитриевной Менделеевой, и возникавшими идейно-литературными расхождениями. В 1906–1907 годах дело доходило до взаимных вызовов на дуэль, но потом наступало примирение, и, хотя без былой пылкости, глубокий интерес друг к другу и взаимное уважение поэты сохраняли до конца жизни. Андрей Белый считал Блока "неотъемлемой частью" своей души.

В марте 1904 года в издательстве "Скорпион" выходит первый сборник стихотворений Белого "Золото в лазури". В нём отразились настроения, владевшие молодым поэтом на пороге нового столетия: ожидание некой космической катастрофы, за которой последует преобразование человечества. Эти эсхатологические веяния шли от книг Владимира Соловьёва и разделялись кружком ближайших друзей Белого – "аргонавтов" (по названию стихотворения Белого "Наш Аргон"). Сборник "Золото в лазури", отличаясь большой свежестью, был по-своему уже мастерским. Для него характерны яркие и обильные краски, ритмы и интонации, в которых слышались то патетика, то ирония, ощущалась установка на особо выделенное, опорное в строфе слово (истоки будущей "лесенки" Маяковского).

Однако высшим достижением поэта стал второй его сборник – "Пепел" (1906). Это одна из замечательнейших книг в истории русской поэзии. Романтик и мистик, Андрей Белый словно бы впервые встретился лицом к лицу со своей родиной, увидел придавленную бедностью и невежеством деревню, увидел, как он выражался, бред городской капиталистической культуры. Безысходной тоской, отчаянием пронизаны многие циклы "Пепла". С редкостной художественной остротой поэт открывает перед читателем жуткое запустение российских губерний, рисует неблагоприятные, трагические судьбы безымянных персонажей... На дальнем плане стихотворений у него маячат и дымные трубы заводов, и уличные людские толпы с красными знамёнами. Ноты крайнего отчаяния и боли, резко звучавшие в "Пепле", не означали утраты конечной веры поэта в Россию, в её будущее. В те же годы в статье "Луг зелёный" он заявлял: "Верю в Россию: Она – будет!.. Будут люди. Будут новые времена и новые пространства, Россия – большой луг, зелёный, зацветающий цветами". А в 1928 году, плывя на пароходе по Волге, он записывал, размышляя о России: "...страна – мировая, чудесная, не закреплённая, будущая". Быстрая, меткая кисть живописца, беспощадный взгляд на вещи, повторы, подхваты слов и словосочетаний, перенос их в соседнюю строку, дающий своеобразный эффект простора и размаха, сквозные персонажи, проходящие в цик-

лах, – черты высокого мастерства Андрея Белого в "Пепле", который он посвятил памяти Н.А. Некрасова. Даже стихотворные размеры поэт применяет в этой книге преимущественно некрасовские, трёхсложные. В "Пепле" произошло какое-то очень глубокое слияние авторского "я" с пейзажем России, с её духом. Это было, по выражению Вяч. Иванова, "перевоплощение поэта в русский бурьян и русское горбатое поле". Лирические взрывы в поэзии Андрея Белого уживались с любовью к шаржу, гротеску, иронии, ярко отразившейся хотя бы в стихотворении "Поповна". Подобной стилевой амальгамы не было ни у одного из поэтов-символистов.

Под крылом Брюсова в журнале "Весы" Андрей Белый быстро становится виднейшим теоретиком символизма, острым полемистом, публицистом и критиком с широкой эрудицией. За короткий срок он написал около сотни статей, составивших три сборника: "Луг зелёный", "Арабески", "Символизм". Белый был убеждённым идеалистом в философии, не принявшим материализма и после 1917 года. Соловьёвец, штудировавший Ницше и Шопенгауэра, Канта и Риккерта, он утверждал, что "смысл искусства только религиозен", что "в искусстве таятся религиозные цели". Символизм в его представлении – отнюдь не метод искусства, а путь к житнетворчеству, к целостному мировоззрению, дающему возможность духовного преображения человеческого общества. С 1912 года начинается увлечение Белого мистическим учением немецкого антропософа Рудольфа Штейнера. Белый подкупала в этом учении провозглашаемая потенциальная способность человека соприкоснуться с космическим началом и овладеть духовным господством над природой, стать в каком-то смысле богоподобным, раскрыть божественную ипостась в человеке.

Многогранность таланта Андрея Белого наиболее весомо проявилась в его художественной прозе. Два главных его прозаических произведения – романы "Серебряный голубь" (1909) и "Петербург" (1913), за ними последовали повести и романы: "Котик Летаев", "Крещёный китаец", "Московский чудак", "Маски"... Он создал и замечательную мемуарную трилогию – "На рубеже двух столетий" (1930), "Начало века" (1933), "Между двух революций" (1934). Ныне без этих книг не может обойтись ни один историк культуры "серебряного века". Проза Андрея Белого как бы отодвинула в тень его поэзию, тем более, что с годами поэтическая продуктивность писателя явно убывала. Слагавшаяся в традиции Гоголя и Достоевского, его проза не сразу даёт всестороннему пониманию. В ней присутствует и звукопись, и пространственный гоголевский речевой период, и своеобразное словотворчество. Писатель открыто вводил в свою прозу ритм. "В стихотворениях моих, – писал Белый, – отпечатались сложные ритмы, ведущие поэзию через вольный размер к речитативной прозе".

В вышедшие вслед за "Пеплом" стихотворные сборники "Урна" и "Звезда" проникает философическая умозрительность; в известной мере они эзотеричны и носят налёт необузданного экспериментаторства. «Если "Пепел" – книга сердца, книга чувств, то "Урна" – голос разума, философское осмысление прошлого, настоящего и будущего», – отмечает современный исследователь. Революция вызвала у Белого несколько знаменитых стихотворений, прежде всего "Родине" ("Рыдай, буревая стихия...") и идейно важную для автора поэму "Христос воскрес" (1918); она писалась как бы в параллель "Двенадцати" Блока и изображала Россию как жертву Христа, распятием искупавшего будущее человечества. Эту поэму нельзя признать удачной. Вершиной поэтического творчества Андрея Белого после революции явилась поэма "Первое свидание" (1921), живописующая годы московской юности поэта. Эдуард Багрицкий говорил, что в "Первом свидании" Белый до конца исчерпал возможности пушкинского четырёхстопного ямба. На закате жизни Андрей Белый переписывал и переделывал – порой до неузнаваемости – свои прежние стихи. Редко у кого эта саморедактура вызывала одобрение. Порывистый, нервный, вечно беспокойный, мнительный писатель всю жизнь проявлял удивительную работоспособность. Бурным приступом закончив очередной труд, он почти заболел. Встречавшийся с Белым после революции Вл. Лидин вспоминал: "Андрей Белый пишет. В свитере, который делает его ещё более узким в плечах, весь какой-то взвихренный, словно вот-вот закружится в спираль, с нимбом волос вокруг лысеющего черепа, он отбрасывает на пол, рядом с письменным столом, лист за листом, исписанные крупным, нервным, косо летящим почерком. Лист за листом вылетает из-под его руки с короткими промежутками, напоминая работу печатной машины. Тонкая, худая рука Белого не поспевает за выражением мысли. Сколько времени понадобилось, чтобы исписать это огромное количество бумаги, лежащей на полу? Неделью, месяц? Нет, одно утро. Слово приведён в действие необычайной стремительности аппарат. Техника писания рукописи старомодна, не поспевает за мыслью Белого. Ему нужна, может быть, диктовальная машина, но всё равно выраженная вслух мысль отстанет от её полета".

Толкуя русскую революцию в космическо-христианском аспекте и приняв Октябрь, Андрей Белый вёл разнообразную просветительскую работу, читал множество лекций, усердно учил стиху молодых пролеткультовских поэтов, не проявляя и тени барственности. Ценил Маяковского, любил поэзию Есенина, Пастернака. Выехав на время в Берлин, возвратился оттуда, чувствуя неприязнь к эмиграции и веря, что революция будет творить новые формы социальной действительности. Материально не процветал, годами мучился в поисках жилья, выслу-

шивал рацеи редакторов-догматиков, однако всё написанное сумел напечатать. Когда стал создаваться союз писателей, он в публичном выступлении заявлял о том, что он никакой не попутчик, а законный советский писатель, работающий на благо страны и народа.

В июле 1933 года, находясь на отдыхе в Коктебеле, Андрей Белый перенёс солнечный удар. Возвратившись в Москву, он уже не смог излечиться, хотя пытался работать. 8 января 1934 года он скончался в одной из клиник на Девичьем поле. Уважительный некролог о Белом был напечатан в "Правде", а газета "Известия" поместила некролог-прощание с Белым, подписанный Б. Пильняком, Б. Пастернаком, Г. Санниковым. Стихи на смерть Белого написал О. Мандельштам. Однако целые десятилетия после кончины писателя его произведения не издавались.

В известинском некрологе говорилось, что имя Андрея Белого станет рядом с именами классиков не только русских, но и мировых. Многие современники Андрея Белого считали его человеком гениальным. "Он такой же, как всегда: гениальный, странный", – замечал, встретившись с Белым после долгого перерыва, Блок в 1920 году. "На грани гениальности", – говорил о Белом (автору этих строк) в пятидесятых годах Б. Пастернак.

Беликий искатель и экспериментатор в литературе, художник и философ, мастер и исследователь русского стиха, Андрей Белый до сих пор остаётся недостаточно изученным. "Неизведанный материк" – назвал одну из своих статей о Белом критик Л.К. Долгополов. Книги Андрея Белого стали в наше время печататься, появились о нём и исследования, в том числе за рубежом, где нашего писателя называют "славянским Фаустом" и где сопоставляют его фигуру с крупнейшими творцами европейского модерна – Марселем Прустом, Джойсом, Вирджинией Вульф, Фолкнером. Наши прозаики двадцатых годов учились и немало заимствовали у Белого. Вероятно, им заинтересуется и наступающий двадцать первый век.

Н.В. Банников

Заброшенный дом

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
"Ах, где вы – любезные предки?"

Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
над домом шумят.

И лист за листом,
тоскуя о неге вчерашней,
кружится под тусклым окном
разрушенной башни.

Как стёрся изогнутый серп
среди нежно белеющих лилий –
облупленный герб
дворянских фамилий.

Былое, как дым...
И жалко.
Охрипшая галка
глумится над горем моим.

Посмотришь в окно –
часы из фарфора с китайцем.
В углу полотно
с углем нарисованным зайцем.

Старинная мебель в пыли,
да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали –
равнины, равнины.

Среди многовёрстых равнин
скирды золотистого хлеба.
И небо...
Один.

Внимаешь с тоской,
обвеянный жизнью давней,
как шепчется ветер с листвою,
как хлопает сорванной ставней.

июнь 1903

Серебряный Колодезь

На горах

Горы в брачных венцах.
Я в восторге, я молод.
У меня на горах
очистительный холод.

Вот ко мне на утёс
притащился горбун седовласый.
Мне в подарок принёс
из подземных теплиц ананасы.

Он в малиново-ярком плясал.
прославляя лазурь.
Бородою взметал
вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
низким басом.
В небеса запустил
ананасом.

И, дугу описав,
озаряя окрестность,
ананас ниспадал, просяив,
в неизвестность,

золотую росу
излучая столбами червонца.
Говорили внизу:
"Это – диск пламезарного солнца..."

Низвергались, звеня,
омывали утёсы
золотые фонтаны огни –
хрусталя
заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
и, подкравшись боком,
горбуна окатил
светопенным потоком.

1903

Москва

Изгнанник

М.И. Сизову

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Ещё вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.

Там я года твердил о вечном –
В меня бросали вы камнями.
Вы в исступленье скоротечном
Моими тешились мученьями.

Я покидаю вас, изгнанник, –
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу -- согбенный, бледный странник –
Меж золотистых, хлебных пажитей.

Бегу во ржи, межой, по кочкам –
Необозримыми равнинами.
Перед лазурным василёчком
Ударюсь в землю я седидами.

Меня коснись ты, цветик нежный.
Кропи, кропи росой хрустальною!
Я отдохну душой мятежной,
Моей душой многострадальною.

Заката теплятся стыдливо
Жемчужно розовые полосы.
И ветерок взовьёт лениво
Мои серебряные волосы.

Июнь 1904

Москва

Отчаянье

З.Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя!
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твоё прорыдать: –

Туда, на равнине горбатой, –
Где стая зелёных дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков, –

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, жёлтые очи
Безумных твоих кабаков, –

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, –
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Июль 1908

Серебряный Колодезь

Русь

Поля моей скудной земли
Вон там преисполнены скорби.
Холмами пространства вдали
Изгорби, равнина, изгорби!

Косматый, далёкий дымок.
Косматые в далях деревни.
Туманов косматый поток.
Просторы голодных губерний.

Просторов простёртая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?

От голода, холода тут
И мёрли, и мрут миллионы.
Покойников ждали и ждут
Пологие скорбные склоны.

Там Смерть протрубила вдали
В леса, города и деревни.
В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

1908

Серебряный Колодезь

Поповна

З.Н. Гиппиус

Свежест. Час условный.
С полей прошёл народ.
Вся в розовом поповна
Идёт на огород.

В руке ромашек связка.
Под шалью узел кос.
Букетиками баска –
Букетиками роз.

Как пава, величава.
Опущен шёлк ресниц.
Налево и направо
Всё пугала для птиц.

Жеманница срывает
То злак, то василёк.
Идёт. Над ней порхает
Капустный мотылёк.

Над пыльною листвою,
Наряжен, вымыт, чист, –
Коломенской верстою
Торчит семинарист.

Лукаво и жестоко
Блещат в лучах зари –
Его младое око
И красные угри.

Прекрасная поповна, –
Прекрасная, как сон,
Молчит, – зарделась, словно
Весенний цвет пион.

Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик золотых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Кругом моркови, репы.
Выходят на лужок.
Танцуют курослепы.
Играет ветерок.

Вдали над косарями
Огни зари горят.
А косы лезвиями –
Горят, поют, свистят.

Там ряд избёнок вьётся
В косматую синель.
Поскрипывая, гнётся
Там длинный журавель.

И там, где крест железный, –
Все ветры на закат
Касаток стаи в бездны
Лазуревые мчат.

Не терпится кокетке
(Семь бед – один ответ).
Пришилила к жилетке
Ему ромашкин цвет.

А он: "Домой бы, Маша,
Чтоб не хватились нас
Папаша и мамаша.
Домой бы: поздний час".

Но розовые юбки
Расправила. В ответ
Он ей целует губки,
Сжимает ей корсет.

Предавшись сладким мукам
Прохладным вечерком,
В лицо ей дышит луком
И крепким табаком.

На баске безотчётно
Раскалывает брошь
Своей рукою потной, –
Влечёт в густую рожь.

Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Прохлада нежно дышит
В напевах косарей.
Не видит их, не слышит
Отец протоиерей.

В подряснике холщовом
Прижался он к окну:
Корит жестоким словом
Покорную жену.

"Опять ушла от дела
Гулять родная дочь.
Опять не доглядела!"
И смотрит – смотрит в ночь.

И видит сквозь орешник
В вечерней чистоте
Лишь небо да скворечник
На согнутом шесте.

С дебелой попадьёю
Всю ночь бранится он,
Летучею струёю
Зарницы осветлён.

Всю ночь кладёт поклоны
Седая попадья,
И тёмные иконы
Златит уже заря.

А там в игре любовной,
Клоня косматый лист,
Над бледною поповной
Склонён семинарист.

Кольшется над ними
Крапива да лопух.
Кричит в рассветном дыме
Докучливый петух.

Близ речки ставят верши
В туманных камышах.
Да меркнет серп умерший,
Висящий в облачках.

1906

Москва

Зима

М.А. Волошину

Снега синей, снега туманней;
Вновь освежённой дышим мы.
Люблю деревню, вечер ранний
И грусть серебряной зимы.

Лицо изрежет ветер резкий,
Прохлещет хладом в глубь аллей;
Ломают хрупкие подвески
Ледяных, звонких хрусталей.

Навеяв синий, синий иней
В стеклянный ток остывших вод,
На снежной, бархатной пустыне
Воздушный водит хоровод.

В темнеющее поле прыснет
Вечерний, первый огонёк;
И над деревнею повиснет
В багровом западе дымок;

Багровый холод небосклона;
Багровый отблеск на реке...
Лениво каркнула ворона;
Бубенчик звякнул вдалеке.

Когда же в космах белых тонет
В поля закинутая ель,
Серебро метёт, и рвёт, и гонит
Над садом дикая метель, —

Пусть грудой золотых камней
Вскипит железный мой камин:
Средь пламенистых, лёгких звеньев
Трескущий прядает рубин.

Вновь упиваюсь, беспечальный,
Я деревенской тишиной;
В моей руке бокал хрустальный
Играет пеной кружевной.

Вдали от зависти и злобы
Мне жизнь окончить суждено.
Одни суровые сугробы
Глядят, как призраки, в окно.

Пусть за стеною, в дымке блёклой,
Сухой, сухой, сухой мороз, –
Слетит весёлый рой на стёкла
Алмазных, блестящих стрекоз.

1907

Петровское

Более или менее – о более-менее

Е.А. ЛЕВАШОВ

кандидат филологических наук

Наречное словосочетание *более или менее* на глазах людей среднего возраста породило двойника – слово *более-менее* (в том же значении – "до известной степени, в той или иной мере, отчасти"). Можно довольно точно (в границах десятилетия) указать, когда это произошло, и лишь предположительно – почему.

Более (и *больше*) – сравнительная степень к прилагательным *большой* и *великий* и к наречию *много*; *менее* (и *меньше*) – сравнительная степень к прилагательным *малый*, *маленький* и к наречию *мало*. Эти пары – *более/больше* и *менее/меньше* – синонимичны в свободном, несвязанном употреблении и несинонимичны – будучи в составе устойчивых сочетаний *более или менее* и *больше или меньше*, поскольку сейчас несинонимичны сами эти сочетания, хотя в прошлом, в XVIII веке, они были идентичны или близки по смыслу: "(Древние строители) отступали больше или меньше от правил искусства..." (Переводы из энциклопедии. 1767, ч. 1–3); "Я произнесла страшную клятву почти без всякого сильного движения, будучи равнодушна к судьбе своей... Страдать более или менее – казалось мне все одно" (Московский журнал, 1792, ч. VII, перевод из Флориана); "Все сии стихотворцы были более или менее вольны и шутивы в некоторых местах своих сочинений" (П. Пельский. Кум Матвей, или превратности человеческого ума. 1803; посмертное издание).

К началу XIX в. эти фразеологические выражения семантически разошлись, и в указанном значении до сих пор употребляется только оборот *более или менее*: "Он расхаживал по псарне... то расприпавшая о здоровье больных (собак), то делая замечания более или менее (ср. невозможное: *больше или меньше* – Е.Л.) строгие и справедливые..." (Пушкин. Дубровский); "Из всего взвода только два человека были ему более или менее близки – Пика и Чиж" (Фадеев. Разгром).

Примерно в середине нашего века в среде, чуждой кодированной речи, оборот *более или менее* породил сокращенный вариант *более-менее* (словари 30-х–50-х годов его еще не фиксируют). В 60-е годы – после того, как слово укрепилось в нелитературной речи, – уже есть первые примеры его текстового употребления – поначалу еще не авторского, а в прямой или несобственно-прямой речи, в устах литера-

турного персонажа: "(Василий): Иду по улице, ни одной более-менее сносной (девушки) пропустить не могу" (Розов. В день свадьбы; первая постановка – в 1964 г.); "Когда тебе, хирург, спать? А где раненых разместить да еще и создать для них более-менее сносные санитарные условия?" (Большак. Вадим, 1965). В наши дни слово *более-менее* становится – и даже стало – рядовой принадлежностью устной и письменной речи, тяготеющей к разговорному стилю языка: "Высочили на более-менее сухое место" (Белов. За тремя волоками); «Деревни колхоза "Новая жизнь" соединяла более-менее сносная гравийка» (Васильев. Очищение).

В устно-разговорной языковой сфере *более или менее* и *более-менее* недавно получили и другое, вторичное значение: терпимо, приемлемо, сносно: "А до аборта все вроде у них, у Марии с Сараевым, шло более-менее" (Хургин. Дверь в Новый мир. 1994). Как видим *более или менее* и *более-менее* находятся отнюдь не в статичном состоянии.

Можно предполагать, что причиной превращения устойчивого сочетания *более или менее* в слово *более-менее* послужила утрата разделительным союзом *или* союзной роли и десемантизация. Сработал (если это, конечно, так) принцип экономии языковых средств: язык устного общения избавился от слова, не имеющего достаточной семантической нагрузки (ср. аналогичный окказиональный пример: "...грядущие весной-осенью переменны..." (Сегодня. 1996. 31 янв.). Утрата союза не изменила смысла выражения, но превратила трехчленное словосочетание в двусловное слово (хотя в то же время *больше или меньше* не породило слова *больше-меньше*).

С самого начала эти параллельно существующие единицы – словосочетание и слово – разошлись по разным стилистическим полям: *более или менее*, бывшее в прошлом принадлежностью книжной речи, является сейчас нейтральным, а *более-менее* приобрело употребительность в устной и письменной речи, не придерживающейся строгой нормативности.

Словосочетание *более или менее* лексикографически было закреплено с большим опозданием – впервые в "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова (т. I, 1934). Его же младший собрат – слово *более-менее* – вызвало отрицательную словарную реакцию без заметного (в рамках лексикографических возможностей) опоздания: в словаре "Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка" (1973) *более-менее* подается с запретительной ремаркой: (не более-менее); то же – в "Словаре русского языка" С.И. Ожегова (правда, в позднем издании – 1991 г.); (неправильно: более-менее), что говорит об озабоченности по поводу стихийного распространения ненормативной новинки. Но... в "Толковом словаре современного русского литературного языка" (т. I, 1991) находим:

более или менее, более-менее – без стилистической дифференциации, т.е. оба варианта по шкале стилистических оценок признаются нейтральными и равноправными (в издании того же словаря 1948 г. *более-менее* еще не упоминается). Итак: две противоположные оценки в одно и то же время и в словарях, исповедующих нормативный подход к лексике. Такой оценочный разнобой заставляет думать о том, что слово *более-менее* движется в сторону стилистической нейтрализации, хотя еще, по нашему мнению, не переступило соответствующий порог.

Следует признать, что в газетах с их "разноавторством", разножанровостью и разностильностью *более-менее* уже заметно вытесняет своего предшественника: "Наш БТР подорвался на английской пластиковой mine. По счастливой случайности все обошлось более-менее удачно" (Советская Россия. 1984. 6 июля); "Правда, сегодня утром нашей газете удалось получить более-менее достоверную информацию" (Вечерний Петербург, 1994. 23 дек.).

Санкт-Петербург

Номенклатура

и

челноки

Е.Н. ГЕККИНА

Идея проследить за отражением в новых значениях слов современного русского языка явлений актуальных и – ради созвучия! – актуальных лиц в нашем обществе, кажется, не беспочвенна. Дело не столько в том, что семантические изменения (прежде всего существительных) позволяют обратить внимание на эти явления и лица: их социальная значимость, результаты деятельности, как правило, очевидны и без лексических подсказок. Особый интерес вызывает то, что *имена действующие* – образующие новые значения и употребляемые часто, в разнообразном языковом окружении – возможно описать более детально... Мы хотим познакомить читателя с итогами наблюдений над двумя именами, обозначившими активные лица современного российского общества.

В конце 80-х – начале 90-х годов в русском языке стали более широко употреблять слово *номенклатура* для обозначения тех или иных должностных лиц. Правда, при этом номенклатуру часто называли *старой, вчерашней*; о ней говорили, что она имеет более чем 70-летний стаж. Поэтому для начала уточним, не ведем ли мы речь о давно существующем и хорошо известном в языке значении этого слова, и обратимся к словарям.

В "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля читаем: "номенклатура латн. Собрание и объяснение условных названий и речений какой либо науки. Философская, юридическая, ботаническая номенклатура, именословие". В "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова в списке примеров значатся: "Номенклатура медицинская, географическая, телеграфная и т.д.", "Словарь современного русского литературного языка" в 17 томах включает два значения слова *номенклатура*: "1. Совокупность или перечень терминов, названий, употребляемых в какой-либо области знаний, специальности и т.п. 2. Перечень счетов, открываемых бухгалтерией предприятия". Очевидно, что толкования, отсылающие к перечням терминов и названий, употребляемых в научных или иных специальных сферах, удовлетворить в данном случае не могут.

Весьма близкое целям поисков обнаруживаем в словаре-справоч-

нике "Новые слова и значения" (по материалам прессы и литературы 60-х годов), в котором толкуется новое, по мнению авторов, а вернее, новые значения существительного *номенклатура*: "Список должностей, кадры для которых утверждаются вышестоящими инстанциями; должность, входящая в такой список; работники, занимающие такие должности". Эти значения поясняются примерами из печати 1964–1968 годов. По словам М. Восленского, это было первое брежневское четырехлетие, когда «в литературе еще слышны были отголоски хрущевского либерализма и слово "номенклатура" иногда упоминалось».

В качестве отступления заметим: М. Восленский – автор обширного политологического исследования "Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза", изданного в Вене в 1980 году, впоследствии выпущенного с дополнениями в России в 1991 году. По мнению М. Восленского, термин "номенклатура" замалчивался в Советском Союзе, а немногие употребления этого слова были "неизменно бессодержательны". Автор также предпринял небольшой обзор толкований термина в советских энциклопедических и лингвистических словарях. Определение, данное в "Кратком политическом словаре" (М., 1964) и весьма близкое процитированному выше, М. Восленский называет "невыразительным", поскольку "любое назначение производится по решению выше, а не нижестоящих органов". Рассматривая последующие определения, он замечает: «Какие это "органы" и "инстанции", справочники упорно не говорят». Единственное "членораздельное" толкование *номенклатуры*, как считает М. Восленский, дано не в общедоступных справочниках, а в учебном пособии для партийных школ "Партийное строительство" (М., 1981). Именно там указывается, что в номенклатуру "включаются работники, находящиеся на ключевых постах"; "кандидатуры предварительно рассматриваются и утверждаются партийным комитетом".

Лингвистические словари, если и проясняют каким-либо образом ситуацию, все же почти ничего не сообщают о тех активных лицах нашего общества, о которых информирует пресса, радио, телевидение, упоминая при этом имя *номенклатура*. По-видимому, есть все основания привлечь именно эту информацию для того, чтобы получить более полное и точное представление о лицах и имени.

Слова и словосочетания, которые в контекстах заменяют имя *номенклатура*, употребляются часто: *правящая верхушка; правящая элита; правящий класс; высший управленческий аппарат; высшее руководящее звено; высшее государственное чиновничество; бюрократия*. Не может не обратить на себя внимания наличие почти обязательных определений *правящая, управленческий, руководящее*. Другими контекстными эквивалентами стали более широкие по объему выражения: *хозяйственные руководители; большие начальники; крас-*

ные директора; советские и партийные "спецы"; функционеры власти; представители государственных предприятий, административных органов, общественных организаций.

Интересным оказалось собрание определений номенклатуры, называющих ее различные признаки. Самыми частыми из них являются те, которые обозначают временные характеристики. Мы уже упоминали прилагательные *старая* и *вчерашняя*. К прошлому обращают и определения *прежняя* и *бывшая*. Прежнюю номенклатуру также называют *советской*, *союзной*, *республиканской* и делят по профессиональному признаку: *партийная*, *партийно-хозяйственная*, *советская*, *комсомольско-партийная*, *государственно-бюрократическая*, *гэбэшная*, *военная*, *сельская*.

Определения *молодая*, *новая*, *нынешняя*, *настоящая* возвращают к нашим дням. Эта номенклатура может подразделяться на *центральную* и *региональную*. В дополнение отметим: наше внимание привлекли и следующие суждения: подавляющее число руководителей сегодня – это бывшая номенклатура (Человек недели. 1994. 6 мая); старая номенклатура – ядро новой элиты (Социологические исследования. 1995. № 3).

Устойчивым остались определения *правящая*, *руководящая*, *направляющая*, и наконец, *властная*, *властвующая*. Весьма недвусмысленными явились эпитеты *жиреющая*, *развращенная*, *зарвавшаяся*, *криминализованная*, *перекрасившаяся*.

Самыми "говорящими" оказались глаголы-сказуемые и сочетающиеся с ними слова. Судите сами: номенклатура осталась (МК. 1995. 19 авг.); устраивает себе безбедное будущее; процветает при любом правительстве (Комс. правда. 1991. 30 янв.); пытается закрепить свои политические и экономические позиции (Би-Би-Си. 1995. 20 мая); мимикрирует идеологически (Лит. газета. 1995. № 25); остается у власти; контролирует и владеет собственностью; получает лживую долю доходов (Свобода. 1995. 15 июня); "мирно вырастает" в капитализм (Известия. 1993. 15 окт.). Теперь ясно, почему употребление определений *новая* и *молодая* вовсе не безосновательно.

Нам показалось нелишним использовать и материалы, в которых встречаются слова – производные имени номенклатуры. Этот список составили прилагательные *номенклатурный*, *партийно-номенклатурный*, *номенклатурно-криминальный*, *новономенклатурно-чиновничий*, *мафиозно-номенклатурно-технократический*, существительные *номенклатуристик*, *неономенклатура*, *номенклатуризм*, *безноменклатуре*.

Сочетания относительного прилагательного номенклатурный с весьма разнообразным набором существительных особенно интересны, поскольку сообщают о важных и характерных для номенклатуры и

номенклатурищиков понятиях. В них, например, упоминаются *кланы и команды, система и среда, принципы и понятия, гарантии и круговая порука*. Нередки выражения *номенклатурная собственность, номенклатурная власть, номенклатурное всевластие*. Среди сочетаний есть также примеры с существительными *бизнес, наука, демократия, реформы, реванш, революция*. Актуальны на сегодняшний день и сочетания со словом *приватизация*. *Номенклатурная приватизация*, по замечаниям Е. Гайдара, это "перераспределение собственности в интересах правящей элиты" (*новономенклатурно-чиновничий передел* (Лит. газета. 1994. № 27). По словам *безноменклатурья* (Лит. газета. 1990. № 26), то есть остальной части общества – народа, это *прихватизация*. Частная собственность введена в действие и благодаря приватизации, или *прихватизации*, распределяется и контролируется новой и старой номенклатурой. Эта социальная система все чаще именуется *номенклатурным капитализмом*. Также возможны "варианты": *номенклатуризм, номенклатурный квазикапитализм, номенклатурно-криминальный симбиоз...*

По-видимому, этих сведений достаточно для лексико-семантических обобщений. Итак, имя *номенклатура* обозначает совокупность работников партийных и государственных органов, осуществляющих управление в государственных сферах, в том числе экономических, и обладающих властью. Речь идет не о блюстителях и исполнителях государственных законов и законности, а о тех, кто, контролируя управление и собственность, управляет сам. Это номенклатура периода существования КПСС, начинающегося с 1917 года... *Новая, молодая и активная номенклатура* 90-х годов имеет некоторые изменившиеся признаки. Это уже не совокупность управляющих работников партийных органов, но работников, вступивших в открытое прямое владение бывшей государственной собственностью. Что же касается новизны в семантике слова, то можно заметить следующее: широкому употреблению имени *номенклатура* в конце 80-х – начале 90-х годов способствовало уточнение существовавшего лексического значения и – что бесспорно – выявление новых его компонентов.

В заключительных строках, посвященных *номенклатуре*, выскажем предположение: имя и лица таковы, что нам еще не раз представится возможность и пополнить сведения о слове, и убедиться в правильности составленных толкований.

Другое имя, которое привлекло внимание благодаря появлению в прессе оценок деятельности лиц, им обозначенных, стало употребляться в новом значении с начала 90-х годов. Ранее в словарях фиксировались следующие его значения: "1. То же, что челн" (т.е. выдолбленная из дерева лодка); "2. В ткацком станке, швейной машине: овальная, продолговатая или иной формы колодка с накручен-

ной или укрепленной внутри нитью" (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989).

Итак, это имя *челнок*. В современном языке, наряду с использованием этого слова в новом значении, стали также употреблять *челночник*, *челночица*, *челночиха*, *сочелночники*, *почелночить*. Следует отметить, что в языке активно функционирует прилагательное *челночный*. Обычно оно представлено в словарях с типичной пометой относительного прилагательного: "Прил. к челнок" (Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984). В словаре-справочнике "Новые слова и значения" (по материалам прессы и литературы 70-х годов) дано его переносное значение: "Регулярно повторяющий свое передвижение, перемещение из одного пункта в другой и обратно (обычно о транспорте); связанный с таким перемещением". Впоследствии переносное значение прилагательного было также представлено в "Словаре русского языка" С.И. Ожегова: "Связанный с регулярным движением между двумя пунктами на короткой дистанции. *Челночный маршрут. Челночные перевозки*". Появление переносных значений прилагательного *челночный* в русском языке соотносится с семантическими изменениями прилагательного *shuttle* в английском языке, в котором это слово, как свидетельствует "Oxford English dictionary", употребляется, в частности, для обозначения челночной службы в авиации (*shuttle aircraft*), космического корабля многоразового использования (*space shuttle*), формы дипломатической деятельности (*shuttle diplomacy*).

О современных челноках в России пишут: они насытили рынок товаром (АиФ. 1995. № 30); избавили население от дефицита и очередей; выполнили продовольственную программу; торговлю превратили в цивилизованный процесс (Знамя. 1994. № 9). Отмечается, что торговля стала главным направлением экономической деятельности (там же), а время именуется "эпохой" (Вести РТВ. 1995. 27 июня) или "эрой" *челноков* (Моск. новости. 1995. № 42), которые выполнили свою историческую миссию (там же)... Впрочем, челноки продолжают активно действовать.

Портрет нового челнока мы попытаемся представить, определив с помощью средств массовой информации (слово часто заключено в кавычки) самые важные компоненты типовых ситуаций, в которых он является главным действующим лицом. Таких ситуаций несколько, и ниже мы поясним каждую. А пока, чтобы не терять из виду то, как они именуются, отметим: их могут называть *челночными операциями*; их совокупность в направлении профессионального осмысления получает наименование *торговля* с определением *мелкая; перепродажа; импорт – теневой; бизнес – торговый, мелкий, не защищенный государством; промысел; ремесло; труд; профессия*; а также *работа*

тяжелая, неквалифицированная, опасная. Среди иносказательных формулировок встретились следующие: это способ "кое-как протянуть"; "выжить; зарабатывать на жизнь"; "система получения денежной прибыли".

Теперь вернемся к ситуациям, в которых челнок принимает участие в качестве их непосредственного организатора и основного действующего лица. Можно выделить четыре таких ситуации – четыре последовательных операции: 1) челнок едет за товаром из пункта А в пункт Б; 2) челнок приобретает товар в пункте Б; 3) челнок везет товар из пункта Б в пункт А; 4) челнок продает товар в пункте А.

Рассмотрим первую ситуацию в ее языковом оформлении. Названием может служить сочетание *коммерческая поездка*, но также *рейс, шоп-тур*. Челнока, отправившегося за товаром, как правило, по обычному для него маршруту или трассе, именуют *представителем мелкого бизнеса* или *коммерсантом*, или *эmissаром частных магазинов и рынков*, или *курьером*.

Интересны такие дополнительные сведения о челноках, которые курсируют между пунктами А и Б: эти лица могут быть пенсионерами и неработающими, бывшими или настоящими инженерами, учителями, врачами, парикмахерами, начальниками жэков и даже докторами наук. Их состав достаточно интернационален: *челноки* определяются как *российские, украинские, белорусские, киргизские, китайские...* Этот перечень, вероятно, легко продолжить. Встречаются немаловажные характеристики их совокупного количественного состава: их *сотни человек* (в одном отдельно взятом пункте), *огромные толпы* или *огромная масса*.

За каким товаром они отправляются? Упомянем общее определение: *товары народного потребления* или *потребительские*. Частные характеристики таковы: *продовольствие* (например, мясо и колбаса); *широтреб* (шубы, дубленки, куртки и многое другое); *машины*.

Откуда и куда едут челноки? Из разных точек СНГ в Москву, Петербург, за рубеж: в Турцию, Китай, Арабские Эмираты, Польшу, Пакистан...

Итак, курьер прибыл в место назначения. Определяющей является ситуация "челнок приобретает товар в пункте Б". Во время проведения этой операции он может именоваться перекупщиком или мелким оптовиком. Глаголы, употребляемые для обозначения совершаемого действия, следующие: *скупать, закупать*, помимо *покупать*, а также *затовариваться*. Покупки, совершаемые челноком, могут обозначаться словом *сделки*, которые несут не всегда легальный характер (Неделя. 1993. № 25). Товар приобретается на оптовых базах, на оптовых рынках, в оптовых магазинах. Цены сопоставляются с розничными

в тех пунктах, откуда челнок прибыл и куда повезет свой товар. Подчеркнем: не произведенный челноком, а перекупленный. Это существенная особенность товара, с которым работает челнок.

Следует указать на объемы сделок: оптовые партии, на сотни тонн и на сотни миллионов рублей – в огромных мешках и баулах, или, как однажды написала газета "Известия", могут представлять собой поклажу, что впору тяжеловозов запрягать (Известия. 1995. 19 июля). Совокупный объем челночных закупок определяется по отношению к странам, откуда идет основной товаропоток, в миллиардах долларов в год (например, с Турцией объем челночной торговли составил 6 миллиардов долларов в 1994 году). Словом, немалый товарооборот.

Следующим этапом является операция по доставке товара. Здесь армия челноков может пополняться за счет тех, которые никуда не ездят специально, а везут товар из родных мест туда, где его можно выгодно продать. Китайские челноки специализируются именно на ввозе и продаже товара. В период поставки товар может именоваться также *грузом, багажом*, за который нежелательно платить существенные таможенные сборы... Понятие "инциденты" характеризует предшествующую и данную ситуацию. "Оппонентами" челноков выступают *таможенники, бандиты, гангстеры, рэкетеры*...

Наконец, челноки возвращаются в пункт А. Здесь некоторые из них считают свой цикл завершенным, обнаруживая себя в качестве посредника, потому что их роль узкая: *поехать, купить, привезти*... Другие должны пройти через завершающий и очень важный для достижения конечной цели этап. Челнок продает товар. Теперь его могут звать просто *торговцем*. Сам он, кроме нейтрального *продавать*, употребляет в своей речи выражение *реализовывать покупки*... Где это может происходить? На рынке, на толкучке, в частных магазинах.

Какова же основная цель челнока, его главный интерес? Насытить рынок? Решить продовольственную проблему? Избавить нас от очередей и дефицита? Выполнить историческую миссию? Нет, конечно. Личный интерес и личное стремление любого челнока, узкой и широкой специализации, любого профиля, – *выручка, навар, прибыль*. И будет лучше, если эта прибыль *изрядная, представляет собой кругленькую сумму*.

А что же те, кому челноки "*реализуют покупки*"? Носят пуховики, кроссовки, кофты, заказывают люстры... Но могут называть челноков *сомнительной публикой, нежелательными клиентами, пациентами, пассажирами*; ставить их в один ряд со спекулянтами и игроками в акции АО "МММ"... В "Аргументах и фактах" о возможной деятельности известной личности в роли челнока написали: оскорбление немыслимое, фи, да и только! (АиФ. 1995. № 20). Мнение о товарах, несмотря на то, что их продолжают покупать, носить, тоже может

быть не очень высоким; они, что называется, *имеют подмоченную репутацию*. Менее эмоционально, но более весомо критическое замечание газеты "Экономика и жизнь": челночное движение – признак незрелости нашего рынка, и надежным, перспективным является путь создания хорошей официальной сети дилеров и дистрибьюторов (Экономика и жизнь. 1995. № 4).

Мы решили столь детально рассмотреть этапы-ситуации деятельности челноков с тем, чтобы составить более или менее адекватное представление и о лицах, и о слове, их обозначавшем. Новое значение имени *челнок* можно определить так: это лицо, осуществляющее перемещение приобретенных им товаров из одного пункта в другой с целью перепродажи и получения денежной прибыли. Поясним: компонент "перепродажа" является одним из ключевых. Он увязывает два других важных компонента: "перемещение", способ, давший имя коммерсанту, и то, ради чего это делается, – "прибыль".

Челночный бум пошел на убыль, – пишут в газетах. Это естественно. В конце концов, главным направлением в экономике страны должна быть не торговля и уж тем более не перепродажа. Вероятно, и челнок может вполне сойти со сцены, а слово с таким значением – стать историзмом...

Номенклатура и челнок... Есть между ними связь, которая определяется обстоятельствами современной общественной и экономической жизни, та связь, например, которая есть между лицами управляющими и управляемыми. Но есть и связь другая: это слова, высвечивающие значимые приметы времени.

Петрозаводск

КАКОЙ ТИП РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕОБЛАДАЕТ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ?

М.В. КОЛТУНОВА

В среде предпринимателей, служащих госпредприятий присутствуют три типа речевой культуры: среднелитературный, литературно-разговорный и фамиллярно-разговорный с элементами просторечия. Как известно, среднелитературная речевая культура предполагает владение одним-двумя функциональными стилями, характеризуется меньшей строгостью соблюдения всех норм (стилистических, ортологических, этических). При этом нужно иметь в виду, что эти нормы встречаются как в устной, так и в письменной речи. Например: "Международный институт рынка в лице директора Чумака Вадима Геннадьевича, действующего на основании Устава, именуемый в дальнейшем ИСПОЛНИТЕЛЬ и", – такое начало текста типового договора сегодня воспроизводится повсеместно, между тем как нарушение в употреблении причастных оборотов явно затрудняет его восприятие. Общеизвестное правило гласит: причастный оборот, как и любое распространенное обособленное определение, должен находиться в непосредственной близости от определяемого слова во избежание двусмысленности. Это правило здесь нарушено. Поэтому неясно: кто является исполнителем – директор или институт? Неполнота, эллиптические конструкции и явления языковой компрессии, столь характерные для разговорной речи, проникают сегодня в язык деловых бумаг: "телеграмма с номером, датой и суммой банковского авизо" вместо "телеграмма с указанием номера, даты и суммы банковского авизо"; "предметом договора является также право подъезда" – не реализована валентность управления "подъезд к чему?" Требование денотативной точности, предъявляемое к языку деловых бумаг, становится невыполнимым при вольном обращении с падежами, нарушении лексической сочетаемости, иногда встречающимся в текстах договоров и деловых писем: *согласно постановления, банк данных по ценам и наличию на автомобили, для получения карточек для граждан для переведения зарплат, организация обналичивает под минимальный процент, предмет аренды без оборудования возмещается арендатору, оплачивать компенсации, восстановление торговой точки, создать реальные условия* и т.д.

Нарушения ортологических норм, к сожалению, достаточно частотны и в других жанрах официально-делового стиля речи.

В устной деловой речи таких отступлений соответственно больше. Неподготовленность, спонтанность как бы программируют синтаксические нарушения, а непосредственность общения – стилистическую пестроту, шероховатость речи.

В деловом общении бывает особенно трудно отличить перестройку "на ходу", поиск слова, синтаксической конструкции от речевой ошибки. С уверенностью мы можем говорить о нарушении фонетических, грамматических (орфографических) и лексических норм (*договорá, деби́тор, э́кспертная оценка, инцидент, товарный ассортимент* и т.п.).

Разговорные конструкции (*работать на рознице* – "специализироваться на розничной торговле", *фирмы-оптовики* – "фирмы, специализирующиеся на оптовой торговле"), представляющие собой сокращенные и редуцированные синтаксические конструкции и усеченные лексические единицы (*черняк* – черный, неучтенные деньги, *видик* – видеомэгнитофон, *наличка, нал* – наличные деньги), позволяют предполагать, что в устной деловой речи имеет место литературно-разговорная речевая культура, представляющая собой разновидность среднелитературной. Сковывающие рамки официальности вымывают из речи жаргонные слова, табуированную и стилистически сниженную лексику, однако признаки разговорности преобладают над характерными чертами книжности в самом процессе текстообразования, т.е. признаки стиля становятся как бы вторичными.

Так, жанр деловых переговоров демонстрирует все характерные черты синтаксиса разговорной речи: слабую текстовую организацию, эллиптичность, опору на ситуацию, перебивы, самоперебивы, повтор и обыгрывания слов, паузы, заполняемые словами-паразитами, и явления языковой компрессии. Вот характерный фрагмент диалога (диктофонная запись):

– Вы понимаете /это другой вопрос/ что вы ... /того.../ ну, я /ну физически просто не можем/ ну вот...

– Ну вот сейчас вы не можете физически /тогда не было бумаги/. Я не знаю /вы понимаете/ вот каждый друг другу кидать начинает. К Валентине Андреевне придешь – она отправляет к Буракову. Бураков вообще посылает!

В целях экспрессии используются общелитературные слова с жаргонным, просторечным значением (*кидать, посылать*) или чистые арготизмы: *туфта, ливер, фуфло, сброс* – некачественный товар, брак; *бабки, бобы, капуста, шары* – деньги (русские); *баксы, баки, зелень, ролики* – доллары.

Приведенные выше арготизмы характеризуют в большей степени фамиллярно-разговорную речевую культуру, поэтому встречаются в беседе хорошо знакомых, близких людей в неофициальной или полуофициальной обстановке. Чаше они используются людьми молодого возраста (до 30 лет) и определенного социального статуса (уличные торговцы, киоскеры, руководители небольших коммерческих фирм). Представители этой речевой культуры выбирают как правило одну (ты) – форму общения, нестрого соблюдают этикетные требования общения (этикетную рамку). В качестве приветствий используются слова *здорово, привет*; в качестве слов-прощаний – *пока, всего, ну давай* при среднелитературных *здравствуйте, до свидания*.

Безусловно, "белые воротнички", служащие банков, солидных фирм, совместных предприятий стараются избегать жаргонных и просторечных слов и выражений. Их речь пестрит аббревиатурами, в том числе и англоязычными (*ВМ, ММВБ, МТБ, ЛУКойл, ГКИ, ВЭБ, Дм* (дойчмарка); *JNFA* – (Международная ассоциация по товарным знакам); англоязычными терминами и англицизмами (*кейс, демпинг, лизинг, мониторинг, трейдинг, брифинг, консалтинг, оффшорная компания, дилер, трастер* и т.д.). Однако наш материал не дает оснований отнести ее к элитарной речевой культуре. По нашим наблюдениям, речь нарождающегося класса цивилизованных управленцев и предпринимателей не отличается богатством лексики, синтаксическим разнообразием и стилистической выразительностью. Огромное количество английских слов включается в речь без всякой надобности. Знание английского языка выполняет сегодня роль социального кода, выделяющего общение европеизированных управленцев и предпринимателей. Особенно характерно смешение английского с русским для презентаций, деловых переговоров, коротких обсуждений и телефонных разговоров. Расширяется сфера употребления англицизмов и в рекламе, которая органично вливается в деловую речь (информационная реклама, рекламные письма-предложения, приглашения, просьбы). В устных текстах интересны включения разговорно-просторечных конструкций в сочетании с англоязычными терминами и образования на базе этой терминологии: "Он запал по лизингу"; "Давай, я тебя там дилерну".

Для всей деловой речи (устной и письменной) характерно расширенное употребление дательного падежа с предлогом *по*: *работать по бартеру, специализироваться по оффшору* и т.д. В этой особенности проявляется неумение строить словосочетание как следствие отсутствия в наше время широкой пропаганды эталонной, образцовой речи, отсутствие лингвистического контроля.

Следует согласиться с точкой зрения В.Г. Костомарова, обвиняющего средства массовой информации и руководителей государства в насаждении пренебрежительного отношения к родному слову (Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994).

Понятия "правовой нигилизм", "этический нигилизм" и "языковой нигилизм" не просто соседствуют, но являются гранями одного явления – культурного нигилизма, процветающего сегодня на фоне европейского лоска и внешнего благополучия определенных кругов.

Самара

О двух *полу*... в одном слове

Т.Н. БУЦЕВА,

кандидат филологических наук

К этой своеобразной группе новообразований наше внимание привлекли ежегодники "Новое в русской лексике" (далее НРЛ-77, 78 и т.д.) под редакцией Н.З. Котеловой. Если толковые словари нормативного типа стараются зацепить "рыбешку" покрупнее (то, что стало общеупотребительным, часто и легко воспроизводится в речи), то в "неводы" этого лексикографического издания попадает многочисленная "мелочь", которая, искрясь и играя, делает языковую стихию яркой и динамичной. Что же бросается в глаза при первом знакомстве с образованиями из двух слов, начинающихся с *полу*... и соединенных дефисом? Их многочисленность, легкость и свобода образования при очень редкой повторной воспроизводимости, наличие параллелей на уровне синтаксиса и тяготение к письменной речи.

В опубликованных и рукописных выпусках "Новое в русской лексике" (с НРЛ-77 по НРЛ-87) содержится с полсотни новообразований данной структуры: *полуангличанин-полуеврей*, *полубодрствование-полусон*, *полубурятка-полуеврейка*, *полувбежать-полувыйти*, *полуволк-полусобака*, *полугородок-полудеревенька*, *полугородок-полусело*, *полудева-получудище*, *полудело-полубезделье*, *полудеревня-полугород*, *полудомик-полуземлянка*, *полудубляж-полуперевод*, *полуженищина-полудевочка*, *полужверь-получеловек*, *полуигра-полумолитва*, *полукапуста-полубрюква*, *полуклуб-полукабаре*, *полукнижный-полублатной*, *полуказак-полусибиряк*, *полукультурный-полузлачный*, *полулюди-полусущества*, *полулюди-получудища*, *полумузей-полуквартира*, *полунарочитый-полуневольный*, *полупоселок-полугородок*, *полуправда-полужошь*, *полупризыв-полуприказ*, *полуприказ-полупросьба*, *полуприцеп-полуцистерна*, *полупрофессионал-полулюбитель*, *полупустырь-полуулица*, *полуроботающий-полуотдыхающий*, *полурусский-полуузбекский*, *полусаквояж-полупортфель*, *полусанаторий-полубольница*, *полусказка-полубыль*, *полусон-полуявь*, *полусон-полубред*, *полустрого-полулукаво*, *полусчиталка-полунескладушка*, *полутребование-полупредложение*, *полуулыбка-полугримаса*, *полуулыбка-полуревность*, *полуфантастический-полусказочный*, *полуфрак-полутелогрейка*, *получердак-полумансарда*, *полушпионский-полууголовный*, *полушитаны-полукальсоны*, *полушутливый-полусерьезный*.

В картотеках Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (г. С.-Петербург) имеются примеры и других образований подобной структуры: *полуанекдот-полутрагедия, полуасфальтовый-полуземляной, полувойенный-полугражданский, полувопросительно-полуободорящий, полувопросительно-полуприглашающе, полувопрос-полуутверждение, полугород-полудеревня, полуженищина-полуребенок, полуженищина-полурыба, полудоски-полубревна, полузавод-полумастерская, полуизба-полуземлянка, полукалоши-полуботинки, полукрестьянин-полупролетарий, полукрестьянин-полурабочий, полулежать-полуфлиртовать, полулюбител-полупрофессионал, полумистический-полурациональный, полумузей-полудом, полумясной-полумолочный, полунабек-полупокашливание, полунасмешливо-полусерьезно, полупанк-полупэтушник, полупочтительный-полупрезрительный, полурыба-получеловек, полусветский-полудуховный, полусентиментальный-полунасмешливый, полусознание-полуощущение, полусны-полумысли, полуулыбка-полуудивление, полушепот-полуречитатив, полушутливо-полуиронично, полуявь-полугреза* и т.д.

Словарь-справочник "Слитно или раздельно?" (М., 1985) не обошел вниманием подобные образования, поместив в свой корпус следующие слова: *полувыемка-полунасыть, полуженищина-полузмея, полукатолический-полупротестантский, полупатриархальный-полуфеодальный, полураб-полукрепостной, полушутя-полусерьезно*.

Характерно, что чаще всего такие парные дефисные образования состоят из существительных, реже — из прилагательных, изредка — из глаголов и наречий. Проиллюстрируем употребление подобных образований в современных текстах: "На сцене, как футболисты или хоккеисты, мы понимаем друг друга с полужеста-полупаса" (Неделя. 1986. № 44); "Может, завести в больницах должность адвоката, юрисконсульта. Он бы занимался среди прочих дел жалобами, отвечал бы на них и ездил на эти полусуды-полуразборы, чтобы не трогали до времени самих врачей" (ЛГ. 1986. № 5); "Что требовать от голодного, затравленного получеловека-полузверя?" (Шаламов. Зеленый прокурор).

Словообразовательный элемент *полу...* вносит в производное слово значение "наполовину, не вполне". Дефисные пары с двумя *полу...* обозначают предметы или признаки, имеющие какие-то общие черты, но не тождественные друг другу. Возможность комбинации слов в таких парах практически неограниченна, хотя имеется довольно отчетливо выраженная тенденция сочетания слов, относящихся к одному словообразовательному ряду или находящихся в антонимических отношениях.

Приведем примеры на первый случай. Производные в этих парах

нередко обозначают: национальность или принадлежность к той или иной национальности (*полуангличанин-полуеврей*), одежду, обувь (*полуфрак-полутелогрейка, полукалоши-полуботинки*); населенный пункт (*полугород-полудеревня*); жилище, часть какого-либо помещения (*полуизба-полуземлянка*); человека по его принадлежности к той или иной социальной группе и т.п. (*полуказак-полусибирик, полукрестьянин-полурабочий*); признаки, отражающие психическое или эмоциональное состояние человека (*полушутливый-полусерьезный*); цвета (*полужелтый-полуголубой*) и т.д. Примеры антонимических отношений производных в подобных двусловных образованиях: *полуанекдот-полутрагедия, полуправда-полуложь* и т.д. Большая часть образований принадлежит к этим двум типам. Их можно назвать потенциальными словами, т.е. словами высокопродуктивного словообразовательного типа.

Слова, выходящие за рамки данного словообразовательного типа, мы квалифицируем как окказионализмы, например: *полуулыбка-полуревность, полулежать-полуфлиртовать, полунарек-полупокатиливание, полубог-полуеврей*. Проиллюстрируем употребление последнего образования в тексте: «Ешуа – сын Бога и девы Марии, "чистокровной еврейки" (Мариам). В Израиле его поэтому сочли бы евреем, а, выражаясь языком паспортного отдела советской милиции, он – полубог-полуеврей» (Известия. 1992. 28 авг.).

Образования данного структурного типа не всегда создаются простым дефисным соединением готовых слов. Как показывают выпуски "Новое в русской лексике", приводящие в конце словарной статьи словообразовательную справку, часто идет одновременный процесс создания двух однокорневых слов с *полу...* и их дефисное объединение в один смысловой комплекс.

Вообще парное употребление слов, начинающихся с *полу...* – явление не новое, новое – знак дефиса между ними вместо запятой. Вспомним для примера А.С. Пушкина: "Полуфанатик, полуплут; / Ему Проклятье, меч, и крест, и кнут" (На Фотия); "Прими собранье пестрых глав, / Полусмешных, полупечальных" (Евгений Онегин); "Помнишь ли, что я тебе полупродал, полупроиграл рукопись моих стихотворений?" (Письмо Н.В. Всеволожскому, конец окт. 1824). Или воспользуемся примером из романа Л.Н. Толстого "Воскресение": "Из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница".

Очевидно, распространившиеся в последнее время в языке сложения с дефисным написанием повлияли и на написание подобных пар слов. Объединенные дефисом в один комплекс, они обозначают уже не перечень признаков или предметов, отличающихся некоторой неопределенностью свойств, а единый сложный признак или предмет,

сочетающий в себе черты двух объектов. Тенденция к дефисному написанию подобных пар сосуществует в настоящее время с традиционным написанием их как однородных членов предложения через запятую. Приведем иллюстрации из современных текстов: "Среди них была мадонна с младенцем. Полуукраинка, полуузбечка, родом из Молдовы" (Правда. 1990. 24 ноября); "Сняли этот полуклип, получерновик очень лихо" (Известия. 1993. 30 янв.); "Довольно быстро поймали двух парней – полуместных, полубродяг" (Комс. правда. 1993. 26 янв.); "Для чего он такой: /Полумуж, полупленник.../Тут реви не реви/Нет грустней преступления, /Чем любовь без любви!" (Друнина. Брошенной.)

Образования данного типа редко лексикализуются, т.е. становятся регулярно воспроизводимыми единицами языка. Более одного раза в наших материалах встретилось лишь наречие *полушутя-полусерьезно* (7 цитат) и существительное *полусон-полуявь* (3 цитаты). Иногда встречаются пары, в которых варьируются семантически близкие компоненты: *полугородок-полудеревенька*, *полугородок-полусело*, *полупоселок-полугородок* или такие, которые отличаются лишь порядком следования компонентов: *полуприказ-полупросьба* и *полупросьба-полуприказ*.

Возможность разного написания вызывает колебания при выборе знака. Например, в отрывке из романа Ю. Бондарева "Выбор", опубликованном в 1980 г. в "Литературной газете" (№ 38), между словами *полусаквояж* и *полупортфель* стоит дефис, а в изданной в 1981 г. книге в том же месте текста они разделены запятой. Новая тенденция написания соседствует со старой, и жесткой регламентации здесь нет.

Санкт-Петербург

"БЕРИ БЕСПРИДАННУ, ДА ТАЛАИНУ"

Приданое и его названия на севере Руси

Е. В. АНТОШЕНКОВА

Свадьба на Руси была одним из самых веселых, но вместе с тем важных и ответственных событий в жизни человека. Вступление в супружество давало новый социальный статус молодоженам. Для девушки это был не просто переход из отеческого дома: переступив порог дома мужа, став женщиной, она полностью меняла свой образ жизни. На нее налагалось много новых, а зачастую тяжелых обязанностей.

Свадьба была миниатюрной картиной жизни будущих супругов и представляла собой таинство, в котором придавалось большое значение каждому его ритуальному элементу: чтобы молодые имели большое потомство – их кормили жареной курицей; чтобы были

богатыми и счастливыми – их обсыпали зерном. В свадебный обряд входило и песнопение. В обращении к молодым независимо от сословия звучало "князь и княгиня", таким образом даже бедная крестьянка хоть раз в жизни могла почувствовать себя центральной фигурой, которой в этот день служили и которую жаловали особым вниманием.

К свадьбе готовились богатые и бедные семьи задолго и самым тщательным образом. Справлялись они, конечно, по-разному: бедные свадьбы начинались и заканчивались в один день, а богатые могли длиться по неделе.

Особенной тщательностью отличалась подготовка княжеских и царских свадеб. Претенденток в княгини или царицы было довольно много, но и отбор был достаточно жестким. Принимались во внимание возраст, внешность, здоровье (и невест, и их родителей), а также родословная: происхождение матери (мачехи) и отца; брачные связи ее родных сестер и братьев. Вот, например, как выглядела Опись о смотре княжны А.В. Гундоровой, дочери князя В.И. Гундорова (1547 г.): "... Княжна Авдотья, а лет ей двенадцать, телом ровна, ни тонка, ни толста, очи находили начерно, нос по лицу не долог, волосы темно-русы. А про болезнь князь Василий сказал, что дочь его Овдотья в ребячестве огною больна, а нынече дал Бог болезни нет" (Назаров В.Д. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10).

Неотъемлемой, особенно значимой частью ритуала для всех свадеб без исключения было приданое. Его готовили задолго до свадьбы и представляли семейству жениха и гостям как знак особой гордости, социального благополучия семьи невесты. Как правило, приданое включало в себя постельные принадлежности, одежду, домашнюю утварь, украшения, деньги и иногда недвижимое имущество. Кроме того, невеста обязана была одаривать ближайших родственников жениха. Подарков бывало много: сшитые или только скроенные рубахи, платки, полотенца, сарафаны и т.д. Невеста одаривала жениха в последнюю очередь – подносила ему платок, ширинку (полотенце).

У крестьян Архангельской губернии само слово *приданое* и реалья, которую оно обозначало, имели интересные особенности. Так, для обозначения всякого вообще приданого употреблялось наименование *придано*, иногда – *приданный живот*. Приданое, состоящее из женской одежды и убранства, называлось *платно́* или *платенно́ придано*. Известна даже поговорка: *Не выносить платна без пятна*. Крестьяне говорили, что *невеста должна быть платна́*, то есть иметь порядочное приданое, состоящее из платьев и других нарядов (Ефименко П.С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб., 1872). *Платное приданое* называли также *скрутой*, а девушку, имеющую такое приданое, называли *скрутка*, или *скручена*.

Скрута в Шенкурском уезде Архангельской губернии означает собственно женские наряды или, как говорят в других уездах, *женский скаряд* (Труды Архангельского Статистического Комитета за 1865 г.). В Вологодской губернии словом *скрута* называли не только приданое, но и головной убор невесты после венчания. В документах XVII века встречается словосочетание *головная скрута*. Таким образом, выражение *крутить невесту* означает заготавливать ей приданое, иначе *обряжать невесту*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. находим слово *крутити* в значении "убирать, наряжать, собирать" (М., 1987. Вып. 8; далее – СлРЯ XI–XVII вв.).

Коробья – еще одно название приданого. Известно выражение *Коробья копить* – означает запастись приданое. Слово *коробья* в этом случае значит небольшой сундук или ящик, в который мать невесты заблаговременно складывала для приданого дочери мелкие вещи: рубахи, полотно, платки, чулки (Ефименко. Указ. соч.).

Наделок, так тоже в старину называли приданое. Крестьяне, однако, считали, что приданое и наделок имеют различие: *приданое* – это та одежда и украшения, которые заготовили отец и мать невесты; *наделок* – это деньги, корова и с ней сено, поля, пожни. Если мать дает свое старинное платье и другие наряды, полученные ею в свою очередь в приданое, то это тоже будет наделок.

К числу названий приданого относятся и *награда*, *награждение*: "Выдал сестру свою в замужество с приличною наградой" (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 10).

К приданому принадлежит и то, что у римлян называлось *peculium adventitium* "приобретенное трудом невесты". К приданому можно отнести и все дары, получаемые невестой от ее родных и от родственников жениха: *приносы*, *плакальные деньги*, то есть деньги, которые она получает "на белила", так как все эти дары составляют собственность невесты.

Приданое собиралось родными невесты и членами семьи, которые воспользовались частью имущества ее родителей: "А буде дочери нашей Вассы Бог продлит веку и возрастет в полный возраст, то ему, Герасиму, на ей платья завести телогрею тафтяную и шубейку тафтяную, на чебак дать деньгами десять рублей. А буде к ней будут приманцы (женихи), тожь и свадьбу срядить, как и в добрых людех водится, а больше в наделок ничего не требовать" (Отступное письмо Силы Вершинина родному брату Герасиму, который воспользовался всем имением первого на счет дочери Силы Вершинина).

Если муж приходил жить в дом жены, то есть становился *приёмьшем*, то имение передавалось в его полное распоряжение. Женщину, приносившую с собой хорошее приданое, называли *при-*

данница. Если она приносила в приданое поземельный участок или деревню, то называлась *приданница-деревенищица* или *участница*. Невеста с плохим приданым – *бесприданна*, или *бесприданница*. Существовала поговорка: *Бери бесприданну, да таланну* (счастливую, удачливую).

В состав приданого входило и *место* (постель), которое готовилось непосредственно перед свадьбой, кроме того с невестой, по обыкновению, давалось две иконы. Бывали случаи, когда очень бедные невесты, чаще всего сироты, не имели своей постели (так называемая *невеста без места*), тогда им приходилось брать ее займы на время свадьбы.

Следует отметить, что из одежды девушка больше всего заготавливала рубах, и к свадьбе она имела их более десяти, а богатая невеста – более пятидесяти. Из платья, в особенности, запасались будничными сарафанами, чаще всего из пестряди.

Очень распространенным элементом приданого у жителей Архангельского региона в XVI–XVII вв. был головной убор *чебак* (шапка с двумя ушами, отделанная куницей или соболем). А в Пинежском уезде Архангельской губернии без белой овчинной шубы, например, невеста не невеста, и если такой шубы нет, то говорили: "у невесты не в чем и скот на прорубь сгонять, хоть в шубейке гони".

Стоимость приданого в северных уездах России была различной: у самых бедных девушек – на пять-десять рублей (платье, что на себе, да еще несколько рубах), середнячки – на тридцать-пятьдесят рублей, у богатой невесты – доходило до трехсот. Так, например, племянница получила себе в приданое от своих дядьев за участок земли отца: "три рубля денег на однорядку, шушун сукна красного с нарядом, цена четыре рубля, за шапку полтора рубля, кружево жемчужное на шапку цена один рубль, кошельки [серьги, сплетенные из жемчуга] цена два рубля, другую шапку киндячную голубую десять алтын, коробью с белем пять рублей, крашенинник [сарафан из окрашенной материи] цена двадцать алтын" (Из дельной крепости, 1647 г. //Крестинин В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа. СПб., 1785). Безусловно, перед нами богатая невеста. Ведь это только часть ее приданого.

На севере России отец к приданому, состоящему из белья, никакого отношения не имел. Его заблаговременно готовила мать, так же как и сарафаны, платки, полотенца, перья, пух для подушек и прочее. Сами девушки-невесты принимали активное участие в пошиве недорогих вещей для приданого, тщательно заботясь о тканых будничных сарафанах, так как при выборе невест обращалось особое внимание на то,

как он выткан ими. Отец заводит обыкновенно более дорогие вещи из одежды: гарусные платки, верхнее платье, башмаки и т.д.

Накануне девичника, когда невеста идет в баню, мать рядит коробью, то есть окончательно складывает в сундук белье, скатерти, полотна и т.д. В различных северных областях до сих пор еще известны старинные поговорки: *Была бы кость да тело, а платье сам делай* или *Суженый приедет и зипун (шушун) привезёт*.

Свидетельства древних актов приближают к нам то далекое время, когда женщины или их родня обстоятельно перечисляли приготовленное приданое из шушунов, сарафанов и рубашек:

"Яз Анна [крестьянка Ровдагорской волости] по благословению, вышла замуж за Пятого Иванова сына Неверовых ..., а наделку яз взяла за двор... и за все про все полтора рубля денег на шушун и на шапку, да серги серебряные позолочены с камнем двойные в тридцать алтын, да рубашек женских тонких и пачесных и костычей тонких и пачесных и главные скруты на полтора рубля..." (1628 г.);

"Се яз Акилина дочи Степанова пошла есми замуж... а наделку я Акилина взяла из вопчево живота отца своего статков, за двор, за свой участок, шушун зеленой суконной цена три рубли, сарафан крашенинной пятнатцать алтын, сукник овечен, двенатцать алтын, вороток десять алтын..." (1638 г.);

"Взяла она Агафья в приданое живота себе полюбовно: кошелки жемчужные цена два рубля, шапка красная отласная в рубль, да коробья з белем и з головным и всего того приданова живота, на семь рублей сменадцать алтын... и будет случить Бог за мужем живучи смерть ей Огафье или мужу ея Федору, а отроду не останетца ни мужескаго полу ни женскаго, и что того будет приданого живота в лицах останетца, и то назад взять" (1658 г.);

"Се за вдова Ульяна ... зговорила есми замуж того ж Глинского посаду за Федора, а приданого с ней: ... икона Иоана Предтечи, икона Парасковей Великомученицы, челка жемчужная, шушун песцовый, крестоватик под киндяком красным с пухом бобровым, на нем двенатцат пуговиц серебряных, другой шушун кумашнеи красной на нем десять пуговиц серебряных с торечком мишурным, цена всему тому, оприче икон, десять рублей, шушун теплой заячинной под крашенинною с пухом, крашенинник новый с пуговицы оловянными, коробья з бельем, з рубашками и сорочками, цена два рубли десять алтын" (Писал записи на Колмогорах площадной подьячей Федка 1674 г., см.: Ефименко. Указ. соч.).

Любопытно, что у других славянских народов есть несколько названий приданого в зависимости от его содержания. Например, у поляков приданое, состоящее из одного женского платья, называется *wurawa* (от глагола "приготовить"), *wurawić* обеспечение дочери всем

нужным из платья; нечто, что идёт сверх необходимого приданого -- *wyprawić córke(i) zamqz*, а то, что состоит из движимого и недвижимого имущества -- *posqg*. У чехов тоже два названия *věno* и *gaucho*. Вообще большинство славян ограничивают приданое одной одеждой невесты, к этой одежде иногда присоединялись подушки и постель, редко домашняя утварь, скот, деньги, но на примере севернорусских традиций мы увидели, что такого рода дополнения имеют и свои особые названия.

В заключение не обойдем тот факт, что приданое невесты, будучи образчиком доходов ее родителей, родни, часто было предметом обмана и фальсификации. Родители сулили одно, а в действительности обнаруживалось другое, менее ценное. Нередко дело оканчивалось скандалом. Эта тема представлена даже в русской сатире и с мастерской иронией передает неприглядность такой ситуации: "Роспись приданому жениху лукавому. Из платья: ... Тулуп с борами да юпка с рукавами. Бострок печальной из материи мочальной. Две рубахи мокнут в ушате да две косынки сохнут на ухвате. Балахон браной из материи поганой, весь изодраной. Душегрейка с усами, оторочана вшами. Юпка с рукавами, опушена блохами. Сундук один з бельем, а другой з белмом, а в них: жениху дюжина рубах моржовых да дюжина порток ежовых" (Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977).

В каких бархатах ходили наши предки?

З. А. НОСКОВА,

кандидат филологических наук

Древнейшее упоминание бархата в памятниках древнерусской письменности встречается в летописи под 1389 годом. Диакон Игнатий, путешествовавший во Святую землю, видел в Цареграде: "...овии багряны бархаты, а друзии вишневы бархаты, а инии темносини бархаты, и инии черны бархаты" (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. I). В духовной грамоте князя Михаила Верейского (ок. 1486 г.), встречаем *бархат червьчат*: "А дочери своей князь(ь) Михаило Андреевич пожаловал, дал: шуба кована бархат червьчат".

Бархат с точки зрения происхождения представляет собой заимствование из средневерхненемецкого *barchât*, которое, в свою очередь, было усвоено из среднелатинского *barracanus* "камлот из верблюжьей шерсти", восходящего к арабскому *barracan* "род черной одежды" (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I). В данном случае мы имеем дело с характерным явлением, сопровождающим лексические заимствования — этимологической дублетностью. Об этом, в частности, уже шла речь при описании слов *виссон*, *флер* (Русская речь. 1986. № 4; 1991. № 2). Арабско-персидское *barrakan* послужило источником возникновения двух названий тканей в русском языке: *бархат*, этимология которого нами представлена, и *баракан* (*баркан*) "шерстяная обивочная ткань", пришедшее в русский язык через французское или итальянское посредство значительно позже, чем *бархат* — в XVIII веке.

Бархат является одним из наиболее фиксированных названий тканей в русском языке XV–XVII веков. Это объясняется, пожалуй, высокой престижностью материала, запись о котором была обязательной в соответствующих документах (приходо-расходных, переписных, таможенных книгах и других подобных памятниках деловой письменности).

Из бархатов, пишет П. М. Строев, "делались нарядные одежды: платны, кафтаны, ферези, зипуны, особенно на исходе XVII ст." (Выходы государей царей и великих князей... М., 1844. Указатель). В «Переписной книге домовою казны патриарха Никона» из бархатных изделий названы: "мантія бархат рытой, ряса бархат рытой красновиншевой, подушка бархат золотной, травы шолк розных цветов,

кафтан возничей таусинной бархат" (1658 г.) А.А. Грузберг для слова *бархат* указывает частоту 11 — самую высокую из всех включенных в словарь названий тканей, а для сравнения приведем пример: сукно — 10, полотно — 6, камка — 6, зенден — 4, аксамит — 2, обьярь — 1 (Частотный словарь русского языка второй половины XVI — начала XVII века. Пермь, 1974).

XVII век дает обильный материал для изучения названий сортов бархата. Как и для других широко распространенных и употребительных в быту названий тканей, для слова *бархат* в период XVII века характерно вхождение в состав сложных наименований. Наиболее регулярны такие сложные единицы, как *бархаты золотные*, *бархаты рытые*, *бархаты гладкие* — это названия отдельных статей "Переписной книги домашней казны патриарха Никона" (1658 г.). В письменных источниках встречаются также *бархаты петельчатые*: "бархат аксамитной золотной петельчат" (1661 г.); или, что то же самое, *петливатые*: "кафтан турской бархат венецицкой петливатый" (1589 г.); *двоєморхие*: "термин бархат червчат венецицкой двоєморх" (1589 г.); *аксамитные*: "бархат аксамитной золотной петельчат" (1661 г.); *косматых*: "2 остатка невелики с аршин бархатов литовских косматы" (1616 г.). В последнем случае речь, видимо, идет о длине ворса.

В основе называния перечисленных бархатов лежат три основных мотивирующих признака: 1) наличие/отсутствие золотой или серебряной нити; 2) равномерность/неравномерность покрытия ворсом (у рытых бархатов ворс для получения узора либо придавливался горячим валом, либо в отдельных местах рисунка отсутствовал — в этом случае узор получался в результате ткачества); 3) количество ворсов (морхов) — у двоєморхих один ворс, низкий, создавал "землю" ткани, другой, высокий, — узор.

Виды бархатов по особенностям их отделки представляют определенную систему. Можно выделить признаки антонимического характера: *гладкий* — *двоєморхий*. Логичнее было бы предположить наличие *одноморхих* бархатов, которые называются у В.К. Клейна в исследовании "Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология", но в текстовом материале этот термин не встретился (М., 1925); *гладкий* — *рытый* (по признаку наличия/отсутствия тисненого или тканого выпуклого узора); *гладкий* — *косматый* (по длине ворса).

Золотные бархаты могли быть *аксамиченными*: "...особенно высокие и богатые сорта золотного бархата украшались узорами, вытканными петлями пряженого золота и серебра... Такие бархаты носили название бархатов аксамиченных" (Клейн. Указ. соч.).

Определениям *золотный* и *аксамиченный* были синонимичны описательные выражения, конкретизирующие характер использования золотой или серебряной нити: "бархат венеδικкой червчат травы золотые цветы аксамичены золотом" (1649 г.).

Отдельные места в рассматриваемой системе сложных наименований сортов бархата остаются незаполненными: лишь условно можно признать существование термина *одноморхий*. *Петельчатым* бархатам не противопоставлены *разрезные*. Этот термин появится позже в терминологии текстильной промышленности, ему будут соответствовать *неразрезные* бархаты. Но отсутствие определенных компонентов не нарушает стройности системы и восполняется за счет исчерпывающего перечня основных характеристик ткани, название которых предполагает исключение других. Так, "бархат червчат Бурской двоєморх" (1589 г.) исключает такие характеристики, как *разрезной*, *незолотный*. С другой стороны, восполнение может происходить за счет совмещения в одном термине нескольких характеристик: *гладкий* (*нерытый*, *одноморхий*, *некосматый*, как правило, *незолотный*). Обращает на себя внимание отсутствие терминов синонимического характера, что является свойством любой терминологической системы.

Различались бархаты путем присоединения к слову определений, которые указывали, как правило, на место производства: известны *бархаты венеδικкие* (*виницейские*), *бурские* (от г. Бурса в Турции), *турские*, *кизылбаишские* и *персидские* (что одно и то же), *китайские*, *немецкие*, *литовские*. Так, только в перечне платья царя Бориса Годунова упоминаются: "фerezи бархат Венеδικкой"; "фerezи бархат Бурской двоєморх"; "чюга бархат бел Немецкой" (1589 г.).

Историки называют также бархаты *флоренские*, *калмыцкие*, *московские*. Последние появились, очевидно, не ранее второй половины XVII века, когда при царе Алексее Михайловиче был устроен бархатный двор.

Все прилагательные, входящие в состав рассматриваемого типа терминов, образованы по единой словообразовательной модели: основа географического наименования + суффикс *-ск*. Стоит согласиться с В.К. Клейном, что достаточно представительный перечень наименований данного типа "далеко не всегда дает нам право считать, что название бархата непременно точно указывает на место его выработки: в равной мере оно относится и к месту экспорта бархата. Резко бросается в глаза, что целого ряда местностей и городов, славившихся на Западе и Востоке изготовлением тканей, совсем нет в приведенном перечне. Например, нет бархатов генуэзских, пармских, нет — испанских и др., хотя образцы их встречаются в наших собраниях тканей" (Указ. соч.).

Думается, что многие наименования, в состав которых входило прилагательное, образованное от топонима, употреблялись традиционно: очевидно, не каждый новый сорт ткани сразу получал новое название, использовалось уже имевшееся. Так, под название *виницейских (венедицких)* бархатов могли попасть все бархаты итальянского производства, то есть в данном случае важна была не точность, а определенная традиция, сложившаяся в торговой среде, — создавалась торговая марка. Интересно в этом плане наименование, возникшее в результате стяжения словосочетания и присоединения суффикса: *виницейский бархат* — *виницейка* — упоминается в одеждах царевны Софии Алексеевны среди шубок бархатных: "Виницейка, по червчатой земле травы и реки золоты" (1673 г.).

Как правило, прилагательные, указывавшие на способ производства и место производства, а также определения, обозначающие расцветку ткани, входили в состав описательных названий типа "бархат червчат Венедицкой двоєморх" (1589 г.), где учитывались все основные характеристики ткани. Таким образом, в составных наименованиях, где опорным компонентом является слово *бархат*, наибольшей частотой употребления обладают три признака: "способ изготовления", "место изготовления", "цвет". Отсутствуют такие признаки, как "качество", "назначение", характерные для других названий тканей.

Итак, на протяжении периода с XIV (время документации слова) до XVII веков наблюдается рост составных наименований для обозначения бархата. К основному термину *бархат* постепенно присоединялись все новые и новые определения, а последующее сокращение в XVII–XIX веках количества составных наименований можно объяснить исчезновением реалий, которые они обозначали. Это было вызвано развитием промышленного производства, где, конечно же, техника изготовления была упрощенной, и многие сорта бархата были утрачены безвозвратно. Оказывали влияние смена форм быта, культура других народов, мода.

Составные названия сохранились в профессиональной лексике, в общенародном же языке необходимость в них отпала: однословное наименование само по себе несет информацию об основных, существенных особенностях ткани: *бархат* — шелковая ткань с густым ворсом на лицевой стороне (Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1948. Т. I). В современном русском языке образовался новый термин с более широким значением, по структуре представляющий словосочетание: *бархатные ткани* — ворсовые ткани, к которым относятся *бархат*, *плюш*, *плис* и т.п. (там же).

ФАМИЛИИ С ДИАЛЕКТНЫМИ ОСНОВАМИ

И. А. КОРОЛЕВА,

кандидат филологических наук

Возникновение и развитие русских фамилий, их связь с жизнью народа, с русской историей и культурой, взаимоотношение с другими собственными именами — вот далеко не полный перечень проблем, интересующих антропонимистов. Они занимаются исследованием этого основного компонента полного русского традиционного именованья человека. Однако, несмотря на отдельные опыты составления словарей русских фамилий, обобщающих трудов в этой области пока еще нет. Полное собрание русских фамилий с их этимологией — идеал для исследователей. И свод этот будет тем значительнее, энциклопедичнее, чем больше и объемнее будут представлены в нем фамилии отдельных русских территорий.

В настоящей статье хотелось бы обратить внимание читателей на историю некоторых фамилий с диалектными основами. Все представленные антропонимы зарегистрированы на территории Смоленщины, но, естественно, география фамилий может быть гораздо шире.

Комяга (стандартная *Комягин*). Первое упоминание о смолянине Петре *Комяге* (имя это или прозвище — определить трудно) относится к 1638 году. Еще дважды записи об этом посадском человеке находим в текстах первой половины XVII века. Существовало и слово *комяга* — "выдолбленная лодка из бревна", "выдолбленное в виде корыта бревно

для хранения воды" (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7). Иллюстративных текстов несколько, но все они относятся к XVII веку и имеют юго-западное происхождение. Укажем, что с этим же значением существительное *комага* зафиксировано и Далем, но имеет пометы "южное, восточное" (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II.; далее — Даль, том).

В настоящее время слово *комага* достаточно активно с рассматриваемыми ранее значениями, но ареал его расширился: это владимирские, брянские, тамбовские, калужские, тверские, псковские, новгородские, вологодские, орловские, курские, воронежские, тульские, московские, прибайкальские и забайкальские говоры и, конечно же, смоленские. Помимо того, слово распространено на Юге и на Востоке России (Словарь русских народных говоров. Л., 1978. Вып. 14; далее СРНГ). Можно отметить, что в тверских говорах слово употребляется и для характеристики неповоротливого, "как бревно", человека. Скорее всего, подобное значение было характерно и для старого антропонима *Комага*, давшего начало фамилиям *Комага* и *Комягин*.

Комякин. В смоленских источниках XVII века встречается неканоническое имя *Комяка*; дорогобужетин *Камяка* Силин (Смоленский исторический музей. Ф. 464). В "Ономастиконе" С.Б. Веселовского (М., 1974) представлено семейное прозвание *Комякины* (посадские люди г. Вязьмы, 1624 г.). Имя *Комяка*, скорее всего, восходит к глаголу *комкать* "мять, бить", встречающемуся в ярославских говорах (Даль. Т. II.). В современных русских народных говорах глагол заметно расширил свою семантику и территорию распространения: *комкать* "сильно сминать, комкать"; "жать, тискать кого-либо"; "бить, колотить что-либо"; "с силой бросать, ударять о землю"; "быстро есть, плохо разжевывая". Слово в разных значениях встречается в ярославской, костромской, тверской, владимирской, нижегородской, пензенской, брянской, вологодской, среднеуральской, свердловской областях (СРНГ. Вып. 14). В смоленских говорах отмечено глагольное междометие *комяк*. В Руднянском районе Смоленской области нами засвидетельствовано прозвище *Комяка* "драчун, забияка". Возможно, именно это значение и реализовывалось в старом нехристианском имени *Комяка*, давшем начало современной фамилии.

Мешкуленок (*Мешкаленок*, *Мешкаленак*). Антропоним нами отмечен в хорошо сохранившемся источнике первой половины XVII века. В деле о Петре Чижевском, на 6 листе упомянут товарищ Петра — *Васка Мешкуленак* (Центральный государственный архив древних актов. Бельская приказная изба. Ф. 1108; далее — ЦГАДА). На наш взгляд, неканоническое имя, которое стало прозвищем, а позднее фамилией,

образовано от основы диалектного глагола *мешкать*: "И он де Офромейко <...> в Смоленску де мешкал четыре недели и жил у посадцкого человека у Матюшки" (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1862. Т. 3). Значение лексемы можно толковать двояко: "жить, проживать" и "медлить, мешкать" — хотя, например, Е.Н. Борисова считает, что более точно первое (Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974). Помимо смоленских источников, названное слово хорошо знакомо старобелорусским, староукраинским и старопольским текстам (что, несомненно, связано с историческими фактами XVII века — территория Смоленщины входила в состав Польско-Литовского государства). У Даля глагол *мешкать* "проживать" имеет помету "западное" (Даль. Т. II). Неканоническое имя и прозвище *Мешкаленак* входит в состав старобелорусских антропонимов (Бірыла М.В. Беларуская антрапаніміка. Мінск, 1969. Ч. I). Суффикс *-онок-* (вар. *-енок-*, *-онак-*, *-енак-*) был весьма активным среди смоленских и белорусских имен и прозвищ (*Гурчено(а)к*, *Карташоно(а)к*, *Лосено(а)к*). Таким образом, значение антропонима — либо "долго живущий на одном месте, старожил", либо "медлительный человек". Нестандартная современная фамилия неоднократно отмечена на Смоленщине (Починок, Рославль, Рудня, Смоленск); входит она и в состав современных белорусских фамилий (Бірыла. Указ. соч.).

Нармонский, Нармоцкий. Бесспорно, две фамилии образованы от одной основы: имеют место фонетические процессы выпадения согласного в группе *-нск-* и запись по произношению группы *-ск-*.

В смоленских деловых текстах на протяжении двух веков нами несколько раз встречен патроним на *-ский* — *Нармоцкий (Нармонский)*: Семен *Нармоцкий* (Приходо-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря, 1607 г. Русская историческая библиотека. Пг., 1923. Т. 37); Иван Григорьевич *Нармонской* (Дачи Казимира. Литовская метрика, 1507. Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Т. 27). На наш взгляд, мы документально наблюдаем возникновение фамилии.

У С.Б. Веселовского находим упоминание о *Нармацких*, родом из Владимирского края. Антропоним образован по топониму: от названия села *Нармач* старого Меленковского уезда Владимирской губернии (Веселовский. Указ. соч.). Позднее *Нармацкие* засвидетельствованы в Новгороде.

Но возможно и другое толкование фамилии. В старых архангельских говорах (XIX в.) бытовало существительное *нармота* "птица" (СРНГ. Вып. 20). Сейчас лексема не сохранилась, но фамилия могла

быть основана на этом апеллятиве. Можно предположить и существование нехристианского имени *Нармота*. Как известно, по древним повериям славян, птицы оберегали человека, в этой связи имя *Нармот* могло служить оберегом его носителю. Но в современных смоленских говорах апеллятива с подобным звуковым комплексом мы не нашли.

Уникальная фамилия *Поткачевич* встретилась нам в материалах Рославльского ЗАГСа. Происхождение ее определить было бы непросто, если бы в уже упоминавшемся смоленском деловом тексте XVII века — Деле о Петре Чижевском — мы не выявили старое неканоническое имя-прозвище *Поткач*: Осип *Поткач*; чуть ниже — Осипка прозвища *Поткач*. Основа его — глагол *поткать* "встретить", также имеющийся в смоленских источниках XVII века: "Едучи с тое деревни Фурсовы с того ж розбою и христиан тых везучы, *поткавши* на дорозе христианина королевского величества на имя Илюшу, коня его взял" (Дополнения к Актам, относящимся к истории Южной и Западной России, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1868. Т. 3). Глагол имел юго-западный ареал, был общим со старобелорусским языком. Источник заимствования — польский язык, в котором *potkać* "встретить, наткнуться на кого-нибудь, встретиться с кем-л.", *potkanie* "встреча" бытуют еще с XIV века (Słownik języka polskiego. S.B. Linde, Lwow, 1854—1860. Т. 1—6). Оттуда слово и пришло в смоленские говоры, а также в старобелорусский язык. Время заимствования — вхождение смоленских и белорусских земель в состав Польско-Литовского государства. Тогда же возникло и имя-прозвище на базе названного апеллятива. Следует указать, что в настоящее время глагол *поткать* на русской территории не сохранился, а вот в современном белорусском разговорном языке *паткаць* "встретить" бытует по-прежнему (Крапива К.К. Белорусско-русский словарь. Минск, 1962). Сохранилось слово и в современном польском литературном языке (Большой польско-русский словарь. Москва—Варшава, 1979). Среди современных белорусских фамилий встречаются *Паткач*, *Паткачоу* (Бірыла. Указ. соч.).

Стрешиев (*Стречнев*). Впервые антропоним засвидетельствован С.Б. Веселовским: в одном из текстов конца XVI века записан думный дьяк Иван Филиппович *Стрешиев* (*Стречнев*) без указания на место проживания (Веселовский. Указ. соч.). Материалы смоленской деловой письменности XVII века дают более богатые иллюстрации: все в том же Деле о Петре Чижевском находим запись о Павле *Стрешиеве*, его братьях — Семене и Николае *Стрешиевых* и их отце Фомке *Стрешиеве*. Возможно, мы уже имеем дело с народившейся фамилией (ЦГАДА. Ф. 1108).

Можно предположить, что существовало нехристианское имя —

прозвище *Стрешня* "болтун, пустомеля". Подтверждением может служить глагол *стрешить* "городить чепуху", отмеченный в тверских говорах еще Далем (Т. IV), а также бытование современного смоленского прозвища *Стрешня* "человек, который всегда болтает ерунду, ничего не знает" (Руднянский район).

Сыроквашин, Сыроквашинин, Сыроквашников. В смоленских источниках под 1490 годом в списке панцирных слуг Юрьевского пути находим упоминание о слуге *Сырквашине* (Литовская метрика). Однако слова *сыр(о)кваша* словари не фиксируют. Хорошо известно *простокваша*, но, скорее всего, речь идет о разных блюдах. Проясняют семантику существительного *сырокваша* современные смоленские говоры, в которых оно бытует весьма активно и с несколькими значениями: "квашеное кислое густое молоко, обязательно сырое, а не приготовленное в печи"; "особым образом приготовленный из кислого молока творог, похожий на домашний сыр"; "сыворожка из-под простокваши" (Картотека Словаря смоленских говоров). В Руднянском районе отмечена деревня *Сыроквашки*. В деревне Кириллы Рославльского района Смоленской области нам встретилось прозвище *Сырокваша* "рыхлая, сырая, грузная баба". Для сравнения, например, приведем из словаря Даля слово *простокваша* со значением "простак, глуповатый человек", наличие которого подтверждает возможность переноса и у слова *сырокваша*, которое (в первом отмеченном значении) синонимично лексеме *простокваша* (Даль. Т. III).

В результате приведенных наблюдений можно предположить, что три современные фамилии — *Сыроквашин, Сыроквашинин и Сыроквашников* — образовались от старого, возможно, узколокального диалектного нехристианского имени *Сыр(о)кваша* "рыхлый, оплывший человек", "простоватый, глуповатый человек".

Мы рассмотрели лишь несколько современных фамилий, имеющих диалектные основы, но интересный и богатый антропонимический материал ждет своих исследователей.

Смоленск

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

Г.П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

Лобня (1961). Город в Московской области. Название дано по реке Лобня (Лоб, Лоба), на которой было основано село Лобня. Гидроним имеет два практически равноценных объяснения: от русского диалек-

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4–6; 1995. № 1–6; 1996. №№ 1–5.

тного *лоб* (*лбы*) "крутой берег реки с выдающейся, лобообразной верхней частью", "холм, возвышенность в форме лба", что очень часто отражено в топонимии России, или от балтийского *loba, lobas* "низина, низинный луг", "большая впадина", "лужа, небольшое болото". В данном регионе имеется определенный пласт гидронимии балтийского происхождения (Топоров. "Baltica" Подмосковья).

лобненцы, лобненец и лобнинцы, лобнинец

лобненский и лобнинский, -ая, -ое

Лодёйное Пóле (1785). Город в Ленинградской области (первоначально – деревня *Мокришвица*). Существует две версии по поводу этого названия. По одной, оно связано с верфью, заложенной в этом месте при Петре I, на которой строились парусные грузовые суда – лодьи (ладьи). По другой, название представляет собой переведенный на русский язык финский топоним *Лакхден Похья*, что значит "дно, основание залива, бухта" (имеется в виду бывшее дно залива). Вторая версия косвенно подтверждается первоначальным названием деревни – *Мокришвица*.

лодейнопóльцы, лодейнопóлец

лодейнопóльский, -ая, -ое

Ломóвис Большой и Малый. Реки в бассейне Мокши. В этом гидрониме выделяются две части: *лом* (*ломы*) "низина, пойма, пойменный луг с кочкарником" и *вис* (*виск, виска*) "ручей, речушка". Ломовис – небольшая речушка с низкими, кочковатыми берегами.

Ломонóсов (1780). Город в Ленинградской области. Назван в честь выдающегося русского ученого М.В. Ломоносова (1711–1765). Поблизости от этого места он основал фабрику стекла для мозаик. До 1948 года город носил имя *Ораниенбаум* (от немецкого "апельсиновое дерево"). Так город был назван вельможей Петра I А.Д. Меншиковым. Здесь располагалась его усадьба, в оранжерее которой выращивались апельсиновые деревья.

– В городе сохранился дворцово-парковый ансамбль XVIII века.

ломонóсовцы, ломонóсовец

ломонóсовский, -ая, -ое

Лопáтинский. Рабочий поселок в Московской области. Сформировался на базе разработки залежей фосфата, в настоящее время здесь Подмосковский горнохимический комбинат.

Название антропонимического происхождения, широко известное в Центральной России. Фамилия *Лопатин* образована от прозвища *Лопата*, известного с середины XVI века: Никита Прокофьевич Лопата Хитрово, 1562 г.; Юрий и Михаил Матвеевичи Лопатины – помещики, 1550 г., Москва (Веселовский. Ономастикон).

лопáтинцы, лопáтинец

лопáтинский, -ая, -ое

Лосино-Петровский (1951). Город в Московской области. Название прозрачно. Первая часть – прилагательное от слова *лось* (животное), вторая – прилагательное от имени *Петр* (Петр I). Поселение возникло в царствование Петра I (нач. XVIII в.) как слобода, жители которой должны были изготавливать предметы армейской амуниции из лосиных кож – ремни, ранцы, перчатки и т.п. Тогда оно именовалось *Лосино-Петровская слобода*.

лосинопетровцы, лосинопетровец

лосинопетровский, -ая, -ое

Лоск Запрудный. Поселок в Рязанской области. Название довольно прозрачно: *лоск* "овраг, глубокая низина"; *запрудный* "имеющий запруды" или "образованный в результате запруды". Видимо, селение возникло у запруженного лоска или жители его запрудили лоск для создания пруда, небольшого озера. Географический термин *лоск* как обозначение оврага широко известен в восточной группе южновеликорусских говоров и как гидроним в верхнем и среднем Поочье: верх *Большой Лоск*, озеро *Гнилой Лоск*, река *Закурной Лоск* и др. (Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки).

Лощманское. Село в Ленинградской области. Когда-то здесь было поселение лоцманов – проводников судов, отсюда и название села. Оно расположено на южном берегу Финского залива.

лощманцы

лощманский, -ая, -ое

Луга (1777). Город в Ленинградской области. Название дано по реке Луге, на которой стоит город и не имеет никакой связи со словом луг "пространство земли, покрытое травянистой растительностью; сенокосное или пастбищное угодье". А.И. Попов считал, что в его основе лежит какое-то неизвестное слово, соответствующее эстонскому *laugas* (род. пад. *lauka*) "углубление, яма", "отверстие", "лужа", финскому *laukka* "отверстие; отверстие для ловли лососей"; "ворота". Возможно, Луга – река, где ставили заграждения, запруды с отверстием для ловли лососей (Попов. Следы времен минувших).

лужане, лужанин, лужанка; устар. лүговцы

лужский, -ая, -ое

Луговцы – разносчики. Имеется в виду своеобразный отхожий промысел населения. Жители города уезжали в Петербург и становились там разносчиками в магазинах, лавках, трактирах и т.п.

Лукоянов (1779). Город в Нижегородской области. В основе названия фамилия первопоселенца Ивашки *Лукоянова*, якобы в XVI веке поставившего здесь (на р. Теше) мельницу, при которой со временем выросло селение. В 1779 году оно получило статус города. В основе фамилии, вероятно, мужское имя *Лукьян* (*Лукьянов*), превратившееся в разговорной речи в *Лукоян* (*Лукоянов*).

лукойновцы, лукойновец, лукойновка

лукойновский, -ая, -ое

Лух. Река, левый приток Клязьмы на территории Владимирской и Ивановской областей. Гидроним известен в форме *Луг* (Материалы Генерального межевания России XVIII в.), но никакого отношения к лугу – сенокосному или пастбищному угодию не имеет. Вероятно, в нем можно видеть финно-угорское (пермское) *уг* (из *юг*) "река". Начальное *л* остается необъяснимым. Поблизости фиксируется несколько гидронимов подобного типа: *Тетрух*, *Тюлих* (*Тюлиг*) и др. Изменение конечного *г* в *х* может быть объяснено местной диалектной особенностью, наряду с зафиксированным аканьем.

Луховицы (1957). Город в Московской области. Существует несколько гипотез, объясняющих это название. Наиболее реально видеть в его основе русский диалектный апеллатив *локва* "топь, лужа". Первоначальная форма топонима – *Луховичи*, включает в себе название жителей (ср. *москвичи*, *костромичи*), ставшее топонимом (ср. *Барановичи*, *Дедовичи* и т.п.). Переход *-ичи* > *-ицы* вполне возможен, так как поселение находится в зоне цокающих мещерских говоров. Не исключено, что в основе топонима лежит слово *лука* "изгиб реки", но затруднительно объяснить переход *к* > *х*, но может быть и финно-угорское *лох* "низина", тогда не могут быть объяснены все приведенные В.А. Никоновым топонимы (Никонов. Краткий топонимический словарь). Сомнительно и предположение об антропонимическом происхождении от фамилии *Глухов* (Поспелов. Топонимика Московской области), т.к. при этом невозможно объяснить с точки зрения русского языка переход фамилии *Глухов* в топоним *Луховицы*.

луховичане, луховичанин

луховицкий, -ая, -ое

Лысково (1922). Город в Нижегородской области. Название, видимо, является фамилией (прозвищем) первопоселенца или одного из владельцев. Имя *Лыско* (*Лыско* "лысый"), а от него и *Лысков* широко известны у русских в XV–XVI веках: кн. Михаил Иванович Лыско Сугорский, 1495 г.; Василий Михайлович Лыско Чертов, конец XV в.; Петр Илларионович Лысков (Веселовский. Указ. соч.). Предполагают, что селение Лысково существовало уже в начале XV века.

лысковцы, лысковец

лысковский, -ая, -ое

Лыткарино (1957). Город в Московской области. Окончательного мнения по поводу происхождения и значения названия нет. Его связывают со словом *лыткарь* "житель берегов реки Лытки" (Поспелов. Указ. соч.), которая упоминается в источниках XVII века в непосредственной близости от Лыткарина. Аналогичные образования известны в русском языке: *волгарь*, *окарь*, *технарь*. Не исключено, что

в основе гидронима не это слово, а личное имя (прозвище) *Лыткарь*. В русских диалектах известно однокоренное *лытка* – о ненадежном человеке (СРНГ. Вып. 17).

лыткаринцы, лыткаринец

лыткаринский, -ая, -ое

Льгов (1779). Город в Курской области. Удовлетворительного объяснения названия нет, хотя и существует несколько антропонимических версий. Первая: начальная форма – *Ольгов* даст основание выводить его из личных имен *Ольга*, *Олег*. Если это так, то Ольгов – город Олега, что вполне вероятно. Утрата начального *о* и другая деформация формы выпадения *е* (из Олегов) может быть объяснена особенностями устной речи. Существует даже попытка связать этот топоним с именем конкретного лица – князя Олега Святославича Черниговского, внука Ярослава Мудрого.

льговцы, льговец и льговчане, льговчанин, льговчанка

льговский, -ая, -ое

Лыковщина. Русская деревня в Мордовии. Название антропонимического характера. Как пишет И.К. Инжеватов, многие населенные пункты, принадлежавшие известным землевладельцам, были получены ими в качестве пожалований. Они имели названия по именам, прозвищам или фамилиям этих владельцев с прибавлением суффикса -*щин(а)*: Трофимовы – село *Трофимовщина*, Мертваго – село *Мертвовщина* и др. (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР).

лыковщинцы, лыковщинец

лыковщинский, -ая, -ое

Лысая Гора. Русское село в Мордовии. *Лысыми* в Центральной России называются горы (или их вершины), лишенные растительного покрова. Населенный пункт около Лысой горы тоже мог получить это название. Подобных топонимов много в Среднем Поволжье. Вероятно, это связано с тем, что Среднее Поволжье не изобилует лесами.

лысогóрцы, лысогóрец

лысогóрский, -ая, -ое

Любань (1912). Город в Ленинградской области. Исследователи считают, что название представляет собой форму прилагательного от древнерусского мужского имени *Любан*, из чего следует: Любань – селение (город) Любана.

любанцы, любанец

любанский, -ая, -ое

Люберцы (1925). Город в Московской области. Более раннее название – село *Либерницы*, стоит на реке Люберке. Происхождение названия окончательно не выявлено. О.Н. Трубачев убедительно доказывает лингвистическую идентичность названия топонима *Люберцы* с

чешским антропонимом *Libor/Lubor* (*Lubohrad*, от которого образован аналогичный чешский топоним *Liborice* (Трубачев О.Н. Заметки по лехитской этимологии // Исследования по польскому языку. М., 1969). Окончательному принятию этой версии мешают два факта: отсутствие в древнерусских и, в частности, в подмосковных документах мужского имени *Любор* (*Либор*). и факт наличия гидронима *Люберка* (*Люберки*). Нет документального подтверждения того, что в данном случае первично – ойконим или гидроним. Но, судя по общей картине номинации гидронимов и ойконимов Подмосковья, первичным должен быть гидроним. А если так, то Люберка встает в большой ряд гидронимов, образованных от народного названия цветка *любка* (ночная фиалка – *Orchis militaris* L.) широко известного в Подмосковье и в Центральной части России: *Любанка*, *Любенка*, *Любешика*, *Любичка*, *Любиша* и др.

люберча́не, люберча́нин, люберча́нка
любе́рца́нский, -ая, -ое

Лю́бим (1777). Город в Ярославской области. Возможно, название представляет собой краткую форму прилагательного *любим* от *любимый* "милый, приятный, желанный" (город). Не исключено, что в основе его личное мужское имя *Любим*. Но в этом случае топоним должен иметь форму *Любимов*. Это имя и образованная от него фамилия были очень распространены у русских еще с начала XVII века, хотя имя существовало значительно раньше (Веселовский. Указ. соч.).

лю́бимцы, любима́ец и любима́овцы, любима́овец
лю́бимский, -ая, -ое

Любимцы козу пряником кормили. В этой поговорке высмеивается постоянное стремление жителей Любима похвалиться тем, что они едят городские – столичные, питерские, пряники и даже козу ими кормят.

Любимцы – водохлебы, т.е. любят пить чай.

Люди́ново (1938). Город в Калужской области. Название, вероятно, образовано от фамилии *Людинов* (основа – *людин* "простолудин, мирянин"), который, видимо, основал это селение. По легенде, известный заводчик Демидов построил здесь в 1755 году железоделательный завод и привез сюда рабочих, т.е. "людей новых", не здешних, что и стало основой номинации. Принять эту версию невозможно, т.к. название села *Людиново* известно в источниках с 1678 года, а завод возник значительно позже и в пяти километрах от Людинова, жители которого были переселены на завод.

люди́новцы, люди́новец
люди́новский, -ая, -ое

Ля́да. Приток реки Лесной Тамбов. В основе гидронима несомненно

диалектное слово *ляда*, имеющее большой спектр значений, основное из них "расчищенное под пашню или луг место в лесу; росчисть" (СРНГ. Вып. 17). По отношению к водному объекту это может быть "имеющий низкие болотистые берега" или "заводь". В данном случае *Ляда* – маленькая лесная речушка, с низкими заболоченными берегами или речка, превратившаяся в заводь. Не исключена и еще одна номинация: лесная речка около росчисти. Аналогичные названия небольших водных объектов и оврагов известны в среднем и нижнем Поочье: *Ляда, Лядищев, Лядовской, Ляды* (Смолицкая. Указ. соч.).

Лядино. Деревня в Ленинградской области. В основе названия слово *ляда* или *лядина*, производное от *ляда* в том же значении. См. *Ляда*.

лядинцы, лядинец, лядинка

лядинский, -ая, -ое

Ляды. Деревня в Ленинградской области. Название представляет собой нарицательное слово *ляда*, превратившееся в топоним. Множественное число названия, вероятно, связано с тем, что селение возникло около нескольких ляд – росчистей в лесу или впоследствии ему принадлежало несколько ляд.

лядинцы, лядинец, лядинка и лядцы, лядец

лядский, -ая, -ое

Лямбиль. Татарское село в Мордовии. Название дано по реке Лямбиль (совр. Лямбирка). Известны его варианты – Лямбур и Ламбур. Элемент *-бур* встречается в виде *бура, бора, поря* и означает "роща". Это дает основание объяснить гидроним из мордовского как Черемуховая река. По мнению И.К. Инжеватова, селения возникали у черемуховых роц, но точнее сказать – у Черемуховых речек, которые сами получали название по черемуховым роцам или ее зарослям по берегам.

Продолжение следует

ДОПОЛНЕНИЕ
К
ТОПОНИМИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Курск

В.И. Склярук, заведующий отделом истории Курского областного краеведческого музея, предоставил нам свои материалы о топониме *Курск*. Он соотносит гидроним *Тускарь* (*Тускорь*, *Тускур*, *Тускор*) с тюркским *tüşkür* – побудительное от *tüş* "разбивать лагерь" и "сходить, слезать, спешиваться", а также "место остановки, отдыха в полуденную жару". Вторую основу *kür* (*qur*) он соотносит с "устанавливать, сооружать" (шатер). Из этого он выводит гидроним *Кур* (тюрк. *kür*) как реку, около которой было поселение. Точнее селение Кур при впадении Кура в Тускарь. Впоследствии – это город Курск. Переосмысление гидронима *Кур* дало название *Курицы* трем соседним речкам. Он считает, что название *Тускарь* и *Кур* были даны печенегами, которые с IX по XI века были в тесном контакте с восточными славянами (Склярук В.И. Происхождение топонимов Тускарь, Кур и Курск: к вопросу о контактах славян с тюрками // Проблемы исторической демографии Центрального Черноземья. М. – Курск, 1994). Эта версия представляется наиболее убедительной из всех существующих.

Орловская пляска "Колчак"

В.К. ГАЛАХОВ,

кандидат искусствоведения

"Колчак" – орловская пляска с пением частушек. Невозможно указать точное место и время ее появления, но нетрудно предположить, что сформировалась она на Орловщине в 80-х годах XIX века, когда произошла жанровая кристаллизация частушки.

В наше время "Колчак" обнаруживают фольклористы в деревнях и селах Ливенского, Новосильского, Кромского и Краснозоренского районов Орловской области. Люди старшего поколения, кому сегодня за семьдесят, с упоением рассказывают о "Колчаке" – пляске своей молодости.

В отличие от "Матани" (массовой орловской пляски), известной по всей стране, "Колчак" все же остается областной пляской. Ее бытование в музыкальной практике ограничивается лишь указанными районами. О локальности пляски "Колчак" свидетельствует тот факт, что во многих деревнях и селах, даже нашей области, о ней ничего не слышали. Пляска обнаружена в селениях Пушкино, Выселки, Черепово, Антимировка, Пол-Успенье Краснозоренского района, в деревне Колки Кромского района. До Великой Отечественной войны в этих местах не было популярнее пляски, чем "Колчак".

Название "колчак" исходит, видимо, от места общего веселья сельской молодежи, которое в одних районах страны называется "пяточком", "кругом", "матаней", "поляной", а в деревнях Орловщины, где зародилась эта пляска, место веселья называли "кóлчи" или "колча́к" от *кóлча* и *колча́* в значении бугристое круглое место с кочками и пеньками (Словарь русских народных говоров. Л., 1978. Вып. 14. С. 202).

Колчей, колчи, колча, колки называли на Руси и участок земли, поросшей колючим кустарником. По В.И. Далю, *колча* это еще и "говорун, болтун" (Даль В.И. Толковый словарь. М., 1979. Т. 2. С. 143). Местные жители скачущую в плясках и танцах молодежь обзывали "колчами", "колчи". Колчаком, колчей называют и хромоногое человека. Со временем название бугристого места – *колча* или *колчи* перешло на пляску и на кличку участников веселья. Прозвище "колчи", к примеру, закреплено за местными жителями деревни Колки Кромского района Орловской области.

Характерная походка хромого человека имитировалась в пляске "Колчак" своеобразными колыхающимися движениями. Ковыляния, пошатывания и похрамывания достигались в плясе переменными, шаркающими шагами и наклонами в стороны во время исполнения дробей и притопываний. В селе Пол-Успенье выбивание дробей ногами называлось "трепание колчака". В быту у селян были тогда свои расхожие выражения: "Ударим, девки, колчака", "пойдем бить (трепать), подружки, колчака", которые употреблялись в значении – попляшем, подробим, попоем. Отплясывали "Колчака" обычно по выходным и праздничным дням. "Местная молодежь, – вспоминает Н.А. Козьмин, балаласчник из Пол-Успенья, – в эти дни сходилась в центре села на выгоне и под звуки двух-трех балаласек, с пением частушек, лихо трепала и била колчака". Выходили на середину круга непременно с выражениями: "Пойду-ка, девки, бить колчака!", "Пустите потреть (отбить) колчака!", "Пошлите-ка, подружки, колчака ударим!", "Выходите-ка колчака трепать!".

"Били" *колчака* группой в четыре человека. Чаще всего это были девушки. Выходили "трепать" *колчака* и на пару: два парня и две девушки. Пляска с таким составом считалась лучшей и на ее исполнение отводилось больше времени. Очередники спокойно выжидали, когда у танцующих закончатся частушки-подковырки.

Пляске обычно предшествовало обращение к балаласчнику: "Коля, давай колчака!". И Коля, это Н.А. Козьмин, без лишних уговоров начинал выделять всякие вензеля. Пока звучал инструментальный проигрыш, первая четверка выходила на середину круга, и участники выстраивались на расстоянии друг против друга. Поймав такт музыки, одна из девушек начинала петь свои частушки. После чего все танцующие поворачивались в одну сторону и с дробями, под звуки инструментального проигрыша, двигались по кругу на расстоянии друг от друга. Закончив движение, все останавливались. Звучали новые частушки.

В каждой деревне отбивали *колчака* по-своему. Разные были выходы в пляске и пригласительные частушки. В одних деревнях Орловщины выходили сразу четыре плясуна, в других – одна, и своей частушкой она зазывала и других:

Выхожу я танцевать
Колчака "проклятого".
Вызываю я троих –
Гармониста – пятого.

Плясали *колчака* не только вчетвером, но и большой группой людей, как "Матаню". В массовой пляске все двигались по кругу. Частушечницы при этом действе чаще всего находились в его центре.

Пелись частушки одним участником, вдвоем и всеми желающими. Особо ценились частушки-подковырки. Парни, по обычаю, задевали девчат, а те, в свою очередь, посмеивались над парнями:

Не горюйте, девки,
Что ребята мелки.
Мы подальше пойдем,
Поядренее найдем.
(дер. Колки. Кромской р-н)

Много распевали любовных частушек про милого и милую, или по-местному – *зюмару*:

У зюмары моего,
У зюмары милого.
Кари глазки, чуб волной,
Как у Ворошилова.
(дер. Пол-Успенье. Краснозорецкий р-н)

Распевали частушки про зюмару на несложный мотив в одну строку. Легкость и простота напева делают его доступным для любого певца и инструменталиста. В каждой песенной и инструментальной традиции бытует своя мелодия *колчака*, основанная на интонациях плясовых: "Камаринской", "Русской", "Бычка", "Барыни".

Таким образом, в музыкальной практике Орловщины бытует групповая массовая пляска "Колчак", исполняемая под свою оригинальную мелодию. Разновидности русской пляски и музыки к ним были созданы в связи с конкретными духовными запросами и практическими потребностями молодежи в те далекие годы. Не будь у нее желаний выразить свои музыкальные и танцевальные стремления, не была бы создана оригинальная пляска "Колчак" и музыка к ней, не распевались бы под мелодию *колчака* частушки.

Орел

ИЗ ЖИЗНИ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМУЛ

Д.Н. МЕДРИШ,

доктор филологических наук

Картины различных сражений в произведениях древнерусских авторов очень похожи. Так, в какое бы время суток ни начиналась битва, правилом становится упоминание раннего утра как её начала. Это объясняется "особой качественной отмеченностью в традиционном сознании утра – времени начала, рождения, возрождения, времени, связанного с судьбой" (Муратова М.А. К вопросу о христианизации народной культуры: Наблюдения над текстом народной молитвы // Российско-американский журнал по русской филологии. СПб-Лоуренс, 1993. С. 125). В "Сказании о Мамаевом побоище" начало Куликовской битвы представлено так: "...свитающе пятку, въсходящу солнцу, мгляну утру суцу, начаша христианьские стязи простиратися и трубы ратные многы гласити" (Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 170: здесь и далее древнерусские тексты о Куликовской битве цитируются по этому изданию). Причём автор следует сложившейся традиции – распространённость уже в ранних летописях формул типа "восходящую же солнцу и начаша изряжевати полкы" отмечено исследователями (см., например: Пауткин А.А. Природные явления в русских летописях XI – XIV вв.: Традиционная стилистика и образность // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. М., 1992. № 4. С. 26). С восхода солнца начинается описание Куликовской битвы и в ряде других древнерусских текстов, хотя в действительности сражение происходило в середине дня, по мнению А.Н. Кирпичникова, между 11 ч. 35 мин. и 15 ч. 35 мин. по современному отсчёту (см. его комментарий в кн.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1992. С. 296). Начало сражения на заре, с восходом солнца, общепринято в

литературе Древней Руси, и это один из примеров художественного явления, обычно определяемого как "общие места" (Е.А. Прохавка и др.), "постоянные формулы" (А.С. Орлов), "традиционные формулы" (Г.И. Мальцев), "литературный этикет" (Д.С. Лихачёв), "национальная топика" (А.М. Панченко). Это могут быть формула-ситуация, формула-картина, формула-словосочетание и даже формула-слово, и во всех случаях перед нами явление поэтики, характерное для литературы той эпохи. Однако эпоха прошла, а жизнь формул не пресеклась. И Пушкин при описании Полтавской баталии, и Лермонтов в изображении Бородинского сражения следуют древней традиции. У Пушкина описание боя открывается пейзажем, временная приуроченность которого на протяжении всего пяти стихов отмечена дважды: *"Горит восток зарёю новой. / Уж на равнине, по холмам / Грохочут пушки. Дым багровый / Кругами всходит к небесам / Навстречу утренним лучам"*. Примерно в том же ключе и у Лермонтова: *"Чуть утро осветило пушки / И леса синие верхушки, / Французы тут как тут"*.

Сам факт появления в "Полтаве" и в "Бородине" традиционных формул отмечался неоднократно, причём в центре внимания исследователей оказывались исходные формулы, на которые поэты ориентировались. Нас больше интересует жизнь формулы в новом контексте, её обновлённое поэтическое звучание – при всей её традиционности, подчас преднамеренно подчёркнутой поэтом. Так, в наших примерах реалии как будто совпадают: и у Пушкина, и у Лермонтова упомянуты орудия – на рассвете они первыми вступают в дело. И только в контексте обнаруживаются различия: у Пушкина – общий план, широкое панорамное видение ("на равнине, по холмам..."), у Лермонтова – восприятие воина-артиллериста, прежде всего отмечающего то, что перед ним ("чуть утро осветило пушки...").

Очень распространённое общее место – уподобление врага-захватчика тёмной туче: "...возвезяша сильнии вѣтри с моря..., прилежѣяша великиа тучи на Рускую землю..." ("Задонщина", 100). Сравнение появилось задолго до Куликовской битвы, причём оно удивительно перекликается с обрядовой традицией: на надвигающуюся тучу русичи стремились воздействовать тем же ритуальным заклинанием, что и на подступавшие к городским стенам вражеские войска. Ко времени создания произведений о Куликовской битве сравнение войска с тучей постепенно обретало расширительный смысл, и его стали применять в описаниях не только чужой, но и своей силы: "На том полѣ сильнии тучи ступишася, а из них часто сияли молынии и гремѣли громы велиции. То ти ступишася руские сынове с погаными татарами за свою великую обиду" ("Задонщина", 104). И ещё: "И сступишася плѣци, аки тучи сильнии, и блеснушася оружия, аки молния в день дождя" ("Слово о

житии великого князя Дмитрия Ивановича", 212). Здесь с тучами сопоставляются обе рати – своя и чужая.

Судя по черновикам "Полтавы", Пушкин вначале придерживался более архаической версии: с тучами сравнивалась только шведская – вражеская сила: "Мы рать за ратью, бой за боем / Их тучи синие тесним". В окончательном тексте это место выглядит иначе: "Тесним мы шведов рать за ратью; / Темнеет слава их знамён...". А сравнение войск с тучами появится в другом месте – уже в иной функции. Дело в том, что в "Полтаве" происходит как бы смена планов: повествователь то охватывает взглядом всё поле боя ("И битвы поле роковое / Гремит, пылает здесь и там..."), то воспринимает происходящее крупным планом (о Карле: "Смущённый взор изобразил / Необычайное волненье"), то чередует оба ракурса: "Далече грянуло ура: / Полки увидели Петра", – как в кино, где сначала где-то за кадром раздаётся далёкое "ура!", затем камера как бы наезжает, и возникает крупный план: "Толпой любимцев окружённый, / Выходит Пётр. Его глаза / Сияют". В этом ключе и воспринимается сравнение сражающихся с тучами: "Тяжёлой тучей / Отряды конницы летучей, / Браздами, саблями стуча, / Сшибаясь, рубятся с плеча" (и о своих, и о чужих) – общий план. Единственное число – "тучей" – здесь вполне уместно: нависшая над полем смесь пыли и порохового дыма была столь густа, что в бою трудно было отличить своих от чужих (из шведских источников известно, например, что несколько русских драгун, по ошибке, пристроились к неприятельскому эскадрону – см.: Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995). Так в пушкинской поэме при помощи традиционной формулы, взятой в её более позднем обличье, панорамно представлена целостная картина сражения. (При описании Полтавского сражения Пушкин задолго до появления кинематографа обратился к монтажу, движению камеры, смене планов, о чём в своё время писал С.М. Эйзенштейн.) "Общее место", сохраняя свойственный ему традиционный ореол, обрело конкретность и даже историческую достоверность.

Та же формула у Лермонтова: "Сквозь дым летучий / Французы двинулись, как тучи, / И всё на наш редут". Конечно, Шевардинский редут (а о нём, видимо, идёт речь) подвергся особенно яростным атакам французов, но только его защитнику в разгар битвы могло показаться, что редут привлёк к себе все силы противника и стал единственным местом сражения. В стихотворении "Бородино" традиционная формула представлена в её первоначальной функции, – с тучами сравниваются только враги, – но с помощью "общего места" передаётся нечто новое – реальное восприятие происходящего, индивидуальное видение участника событий, который повествует о том, что видит и делает он ("Забил заряд я в пушку туго"), а чувствует и переживает происхо-

дящее вместе со всей армией ("Уж постоим *мы* головою / За родину свою!").

Существовала в древнерусской традиции формула-ситуация, которая служила ещё и своеобразной "приметой", предвещающей победу: с вражеской стороны слышен "стукъ великъ и кличь, и вопль, аки трѣги снимаются, аки град жидуще, и аки гром великий гремитъ", тогда как в русском стане "бысть тихость велика" ("Сказание о Мамаевом побоище", 166, 168). В "Полтаве", с её постоянной сменой "точек зрения", Карл (который, как и Мамай, "кичлив"), "злобясь" взирает на ряды русских полков – "послушных, быстрых и *спокойных*". У Лермонтова: "И слышно было до рассвета, / Как ликовал француз. / Но тих был наш бивак открытый..." Картина эта интерпретируется по-разному. Утверждение А.М. Панченко об её явной условности («...громадные русские армии и на Куликовом, и на Бородинском поле не могли пребывать "в тихости великой"» (Панченко А.М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 248), казалось бы, опровергается ссылками лермонтоведов на записки участников Бородинского сражения (в частности, на "Походные записки артиллериста" И. Радожицкого, изданные в 1835 году), о такой "тихости" сообщающие. Противоречие это, однако, мнимое: то, что в литературе Древней Руси являлось условной формулой-приметой, у Лермонтова выступает как психологическая деталь: участник Бородинского сражения изображает события достоверно и в то же время, предаваясь воспоминаниям, – в свете русской эстетической и этической традиции.

Особо подчёркивается в формулах грандиозность, исключительность и историческая значимость происходящего. При движении войска "земля тутняше, горы и холми трясахуся от множества вой безчисленныхъ", в бою "паде труп на трупъ" ("Летописная повесть", 122, 123), "а трупу челоуечеа – аки сѣнныа громады: борзъ конь не можетъ скочити"; "Нѣсть было прежде нас, ни при насъ будетъ таково вѣишьство уряжено" ("Сказание о Мамаевом побоище", 180, 164). Позднее, с появлением пороха, возникнет формула: "дымный мрак зелный восходяще вверх" ("Казанская история"). У Пушкина и у Лермонтова находим отзвуки всех этих формул. В "Полтаве" – в панорамных (как в пространственном, так и во временном плане) картинах: "Бросая груды тел на груду, / Шары чугунные повсюду / Меж ними прыгают, разят, / Прах роют и в крови шипят"; "Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, / Огромный памятник себе". У Лермонтова – сквозь дымку воспоминаний: "И ядрам пролетать мешала / Гора кровавых тел"; "Земля тряслась, как наши груди, / Смешались в кучу кони, люди, / И залпы тысячи орудий / Слились в протяжный вой..."; "Вам не видать таких сражений!.."

В древнерусской литературе "этикет ситуации" (Д.С. Лихачёв) требует полного посрамления врага-захватчика, включая и описание его позорного бегства с поля боя; посрамлению нередко подвергается и "свой" изменник, разделивший незавидную участь названного пришельца. При этом подчёркивается стремительность бегства и непременно отмечается малочисленность оставшихся соратников. Беглеца Мамай в Кафе фряги встречают насмешками: "Нѣшто тобя князи руские горазно подчивали: ни князей с тобою, ни воевод!" ("Задонщина", 110); "Тогда же Мамай не въ мнозѣ убѣжа и прибѣжа въ свою землю в малѣ дружинѣ" ("Летописная повесть", 128). "Сказание о Мамаевом побоище", поведав о посрамлении и поругании Мамай, завершается сообщением о бегстве князя-изменника Олега Рязанского. Мотив измены традиционный в героическом эпосе; здесь если терпят поражение, то во многом из-за измены, если побеждают, то несмотря на измену, вопреки ей.

Пушкин опирается на эту ситуационную формулу: "Верхом, в глуши степей нагих, / Король и гетман мчатся оба. Бегут". В голой степи – вдвоём! Между тем, Пушкину было достоверно известно (и об этом сказано в его "Истории Петра"), что в турецкие пределы бежавший Карл явился "с несколькими сот драбантов и с генералами Лагерскроном и Шпаром", а сразу после боя вместе с Карлом "ушедших было до 16000" ("История Петра"). В поэме беглецы предстают одинокими и обречёнными. Автор добивается психологической достоверности – но не ценою достоверности исторической. Продолжим цитату: "Опасность близкая и злоба / Даруют силу королю (<...> Он скачет, русскими гоним, / И слуги верные толпою / Чуть могут следовать за ним". Формула ("ни князей с тобою, ни воевод") сохранена, но не в ущерб истине; общее место разрастается в живую картину, построенную на смене планов: сначала, крупным планом, мы видим бегущих Карла и Мазепу, затем – общим планом – их сопровождение. У Лермонтова мотив бегства, естественно, отсутствует: Бородинское поле боя осталось за Наполеоном, да и русских переметчиков там не было. Правда, и факт сговора Олега Рязанского с Мамаем историками ставится под сомнение (несомненно лишь соперничество между Москвою и Рязанью), но древнерусский книжник остался верен ситуационной формуле.

Наконец, существуют формулы, благодаря которым победоносное сражение предстаёт как напоминание и урок, а подчас и упрёк потомкам. В древнерусской повести это противопоставление *времен*: литовские князья, союзники татар на Куликовом поле, после победы Дмитрия Донского "имени его (<...> бояхутся и трепетаху; а не яко при нынешних временах литва над нами издеваются и поругаются" ("Летописная повесть", 128). У Лермонтова это противопоставление *поколений*:

"Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри – не вы!"

У поэтов нового времени при воспроизведении традиционных формул соблюдается различная мера точности, от дословного повтора до кардинального изменения. Так, традиционное в древнерусском повествовании сопоставление труда воина и землепашца у Пушкина подаётся как сопоставление их отдыха. Древнее по своим истокам сравнение выглядит настолько неожиданным и новаторским, что смелость его поразила даже поэта, жившего через полтора века после Пушкина. Отметив, что не трудно сопоставить сходное, Борис Слуцкий замечает: «Трудно другое – вычислить Полное совпадение Полностью несовпадающего: "Как пахарь битва отдыхает!"» (Лит. газета. 1986. № 36. С. 6). Но, как мы видели, в пушкинском и лермонтовском контексте и дословно воспроизводимая формула обретает новое звучание и новый смысл. Используя традиционные формулы (и не только в их исходном виде и функции, но и в том, какой они принимали по мере "расшатывания" этикета), Пушкин в "Полтаве" и Лермонтов в "Бородине" переосмысливают, преобразуют их и в результате создают реальные батальные картины, эпически многоплановые в пушкинской поэме и лирически окрашенные в лермонтовском стихотворении. В то же время сам факт обращения к традиционным формулам, разработанным в древнерусской литературе, вызывает у читателя соответствующие ассоциации, подчёркивает глубинную связь между героическими событиями, в ряду которых Куликово поле, Полтава и Бородино занимают особое место. Благодаря формулам, объектом изображения становится не только историческое событие, но и народное сознание и народная память.

Лермонтовское "Бородино" Лев Толстой назвал (в беседе с С.Н. Дурыхлиным) тем "зерном", из которого пророс его роман "Война и мир". Остаётся добавить, что зерно это восходит к колосу, который возрос на Куликовом поле.

Волгоград

За знакомой строкой

Господнее лето

А.Н. ШУСТОВ

При беглом чтении стихов русской поэтессы Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (в монашестве матери Марии) два фрагмента из них могут показаться идентичными:

Вот урожай пшеничный сжат (...)
И медленно грядет закат
На лето благодти Господней.

Стихи. Париж, 1949

Пшеничный колос туг. Палит жара.
Благоприятно лето мне Господне.
И серп жнеца сегодня изострен.

"Духов День" (поэма)

Эти строки можно принять за буквальное описание *летней* жатвы: жара, созрели хлеба, поэтому и серп наточен – готов к работе. Да и урожай, похоже, хороший... Действительно, именно это имеется в виду в первом отрывке. Но стоит вчитаться во второй, задуматься поглубже, и что-то заставит насторожиться. В данном контексте не совсем ясно,

что такое *благоприятно*. Наречие? Тогда объяснимо его сочетание с местоимением *мне*. Или прилагательное – краткая форма среднего рода, – то есть эпитет к слову *лето*?..

Тот, кто хорошо знаком с произведениями этой самобытной поэтессы, может припомнить, что жатва в ее стихах обычно носит обобщенно-символический характер и соответствует *осени*. Тогда, может быть, в данном случае она не рисовала реальную картину, а имела в виду некую аллегоррию?

Первое, что в связи с этим приходит на ум: скорее всего здесь речь идет о *бабьем лете*... Хрононим *бабье лето* у восточных славян тесно связан с осенними полевыми работами, в том числе – с мотивами жатвы. Аналогичные языковые формулы, обозначающие несколько погожих дней ранней осени, есть и у других народов (подробнее см. Русская речь. 1988. № 5. С. 123–127). На память сразу приходят хрестоматийные строки Ф.И. Тютчева:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора...

В художественной литературе *бабье лето* – это еще и символ лирически-грустного периода второй молодости женщины:

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Есенин. "Пускай ты выпита другим..."

Аналогично и у советского поэта-лирика С.П. Щипачева:

Ты с грустью думаешь: подходит осень,
А там – зима белым-бела.{...}
Дай Бог тебе большое бабье лето
И осень ясную, когда она придет.
"Тебе исполнилось сегодня тридцать восемь"

Преклонный же возраст обычно ассоциировался с зимой – "старостью года" (А.Х. Востоков).

Всё так! Но это никак не приближает к раскрытию смысла строк поэмы матери Марии: во-первых, как-то не связывается *Господнее лето* с *бабьим* при подмене одного другим в стихотворном тексте; а во-вторых, само по себе *Господнее лето* очень уж похоже на самостоятельный фразеологизм, слитное словосочетание. Попробуем подойти с другой стороны.

Характер творчества матери Марии – особый; ее лирика наполнена религиозными символами и цитатами. Обратимся к отрывку из другого ее стихотворения:

Присмотришься, – и сердце узнает,
Кто Ветхого, кто Нового Завета.
Кто в Бытии, и кто вступил в Исход,
И кто уже созрел в Господне лето.

Перечисление библейских книг подсказывает, что разгадку иносказания следует искать там же. Действительно, в Евангелии от Луки в стихе, рассказывающем о последнем годе – завершающем этапе – жизни и проповеднической деятельности Христа приводятся слова Иисуса: "Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, {...} проповедовать лето Господне благоприятное" (4. 18–19).

Давно замечено, что слова Христа являются цитатой из ветхозаветной книги пророка Исайи, которую он читал в назаретской синагоге. В переводах Евангелия и Исайи на русский язык говорится о *лете*, но речь идет не о сезоне, а о календарном *годе* (в некоторых изданиях Библии есть даже соответствующие сноски-пояснения). На церковнославянском языке словосочетание в книге Исайи читается: *лето Господне приятно* (61.2). Старославянские слова *приятен*, *приятн* означали *благоприятен*, *благоприятствовать*. Дословный перевод Исайи с древнееврейского текста выглядит так: "Возвестить годину благоволения Господня и день наказания от Бога нашего..." (Священные книги Ветхого Завета. Вена, 1877. Т. 2).

В католической Библии на латинском языке словосочетание *благоприятный Господний год* передается так: *anno placabilem Domino* (примирающий год, Исайя) и *anno Domini acceptum* (благоприятный год, Лука), то есть евангельское определение года несколько отличается от пророческого; это уже не цитата, как в славянском переводе, где *благоприятный (благоприятен)* означает "принимаемый с приязнью, радостью". Смысл этого светлого эпитета будет ясен из дальнейшего. В свое время "у авторов Нового Завета не было столь строгих правил цитирования [Ветхого Завета], которые предписываются нашими современными нормами" (Бикман Дж., Келлоу Дж. Не искажая слова Божия... СПб., 1994).

В латинском варианте лирико-эмоциональный подтекст, как видим, значительно притушен. Фактически это не что иное, как знаменитая латинская формула: *Anno Domini* – в год от Рождества Христова. В свое время М.А. Волошин своему стихотворению "На дне преисподней", посвященному памяти А. Блока и Н. Гумилева, первоначально дал заглавие именно – "Anno Domini 1921". Так назвала свою книгу стихов 1921 года А. Ахматова. Так же озаглавлено и стихотворение И.А. Бродского (1968), несущее в себе элементы какой-то внутренней не то пародии, не то насмешки над временем.

В русском языке с древнейших времен использовалась аналогичная

"хронологическая формула": "В лето от Рождества Христова" (или "от сотворения мира"). Своя "формула" была и для новолетия; ее почти дословно привел А.И. Куприн: «Новый год встречали по-старинному, с воззванием: "Благослови, Господи, венец лета благодсти твоя на 19** год"» (Мелюзга. Гл. 4). Эта фраза требует некоторого пояснения.

В старину на Руси новый год отмечали 1 сентября, после завершения осенних полевых работ. Наши предки не столько славил наступавший год, сколько радовались тому, что прошедший был удачным. Так что, строго говоря, это была не встреча нового года, а проводы старого. Именно потому в церковном тропаре люди благодарно пели: "Благослови венец лета благодсти Твоя, Господи". *Венец лета* – конец года, *Господняя благодсть* – милосердие, явленное богом в различных людских делах и свершениях. Смысл этой церковной песни сродни народной поговорке: [Хороший] *конец* – делу *венец*...

Словосочетание *лето Господнее благоприятное* – это точный перевод (лексическая калька) евангельского выражения с греческого (*eniaiton kirioi dekon*; греч. *eniaitos* – годичный цикл смены времен года) на старо(церковно)славянский язык.

Иногда встречается сокращенная форма его. Так, С.Н. Булгаков накануне изгнания из СССР писал с горькой надеждой: "И я думаю, что в России наступило теперь действительно лето благоприятное для религии" (У стен Херсониса. СПб., 1993). К.П. Победоносцев обращался к дочери поэта Ф.И. Тютчева: "Новый год! Дай Вам Боже <...> и тетушке Вашей лето благоприятное, здоровое, мирное, да тихое" (Новый мир. 1994. № 3), т.е. свои добрые пожелания он, по-современному, распространял на весь наступающий год.

Как видим, и Булгаков и Победоносцев, прекрасно знавшие библейские тексты, разделили лексическое трехсложие (лето Господнее благоприятное) и сделали попытку создать новое "усеченное" словосочетание – из двух слов. В языке оно, увы, не закрепилось.

Больше повезло "второй паре". Такое библейское выражение было удачно использовано в качестве заглавия книги И.С. Шмелева – "Лето Господне". По существу – это "годичный круговорот, где веками и вешками служат большие и малые религиозные праздники" (Новый мир. 1994. № 5). Книга Шмелева была издана в Белграде в 1933 году, и тогда же в парижских "Современных записках" (№ 52) на нее откликнулся рецензией критик К.В. Мочульский, близкий знакомый матери Марии. Это могло как-то стимулировать ее к использованию словосочетания, которое она, впрочем, и сама хорошо знала, имея высокое богословское образование.

[Благоприятное] *Господнее лето* встречается у многих других русских авторов:

О лете я Господнем говорил,
 Когда, нося все силы сил,
 В своих походах Он священных,
 Пойдет... (Его исполнит Дух!...)
 Целити всяку язву и недуг...
 Ф. Глинка. Из кн. "Таинственная капля". 1840

Милые братия!
 Смеркнет сегодня
 Солнце закатное
 В дымных зарях:
 Но при дверях
 "Лето Господне
 Благоприятное!"
 Пламень обета
 На алтарях,
 Братья Рассвета!
 Вяч. Иванов. Из кн. "Прозрачность", 1904

"Лето Господнее – благоприятно".
 Выходит гость на высокое крыльцо.
 Все откроется, что было непонятно.
 М. Кузмин. Из кн. "Сети", 1908

Народ – венец земного цвета,
 Краса и гордость всем цветам:
 Не миновать Господня лета
 Благоприятного – и нам.
 А. Блок. Из кн. "Ямбы". 1909

Никогда не вернусь обратно,
 Усмирю усталую плоть,
 Если лето благоприятно,
 Если любит меня Господь.
 Н. Гумилев. Снова море. 1913

Публикуя такие стихи, комментаторы в лучшем случае приводят ссылки на Евангелие от Луки. Но современному читателю это практически ничего не дает. Для того чтобы до конца понять смысл словосочетания, необходимо обратиться к древнееврейскому первоисточнику: *год(ина) благоволения Господня*. Этот фразеологизм, переданный по-славянски как *лето Господнее благоприятное*, восходит к древнееврейскому юбилейному году.

Слово *юбилей(ный)* происходит от древнееврейского *йовел* (*yōbēl*) "бараний рог, труба; игра на трубе", в свою очередь связанное с именем *Иу(о)вел*, которому Библия приписывает изобретение музыкальных инструментов. Из древнееврейского языка слово *юбилей(ный)* вошло во многие европейские языки через позднелатинский католический текст Библии. Выяснение путей проникновения его в русский не входит в нашу задачу. Однако мы согласны с А.Г. Преображенским, что оно

не имеет ничего общего с латинским *jubilare* (ликование, радость). *Юбилей*, подобно *субботе*, *сатане* и *шабашиу*, – это редчайшие древне-еврейские этимоны в русском языке (скорее всего с использованием европейских языков-посредников). Когда-то и в русском (а в украинском до сих пор) оно звучало с "еврейским акцентом": *юВилей* (см.: Алексеев П.А. Церковный словарь... СПб., 1794). Пожалуй, именно Алексееву и принадлежит первенство "приглашения" этого слова в русскую лексикографию.

Каждый седьмой год у евреев, согласно их религии, считался святым (субботним; по-славянски: *лето субботнее*): "В седьмой год делай [прощение]" (Пятая книга Моисеева. Второзаконие. 15.1). Семью-седьмой (т.е. сорок девятый) год был святейшим, а следующий за ним юбилейным: "...насчитай себе семь субботних лет, сем раз по семи лет (...) освятите пятидесятый год, и объявите свободу на земле всем жителям ее; да будет это у вас юбилей(...). Пятидесятый год да будет у вас юбилей(...) священным да будет он для вас" (Третья книга Моисеева. Левит. 25.8–12).

Юбилейный год – это год трубного звука. Однако у евреев было принято трубить в рог по всей стране не только в юбилей, но и при наступлении любого нового года (новолетия) и близкого к нему по времени Дня всепрощения, смирения и отпущения грехов (евр. *иом-кипур*). Оба праздника приходились на осенний месяц тишри (соответствовал русскому октябрю). На новолетие евреи молили Бога: "Благослови (...) заповедавший нам слушать звук трубы" – эти звуки, кстати, были строго регламентированы; "...труби великим рогом о мессианской свободе нашей, подними знамя для сбора изгнанников наших..." и т.п. (Молитвы евреев на весь год. Пг., 1917). В середине того же месяца тишри отмечалась и неделя кущей – праздник в память возвращения евреев в землю обетованную, совпадающая с началом сбора винограда (осенняя жатва!).

"Юридическая" сущность *юбилейного года* сводилась к тому, что в этот год освобождались все рабы и пленники, прощались долги едино-племенникам и возвращались земельные участки их первоначальным хозяевам. Это очень четко изложил В.В. Розанов уже в начале нашего века: «Вспомним Библию и ее "юбилейные годы", когда рабы отпускались на волю, заимодавец не взыскивал долгов и даже жатва не снималась с поля хозяином, а все предоставлялось в общее пользование всех...» (Розанов В.В. Среди художников. М., 1994).

Вполне понятно, с какой надеждой люди ожидали эти юбилеи. Подобную освободительно-"мессианскую" роль приписал В.М. Шукшин Степану Разину: его роман, посвященный атаману, называется "Я пришел дать вам волю" (освободить от бояр-крепостников!).

В том, что русский язык долгое время не знал слова *юбилей*, "вино-

ват" греческий перевод ветхозаветной книги Левит с еврейского, где использовано описательное словосочетание – *eniatitis afeseōs* (год отпущения). В таком виде оно вошло из греческого в старо(церковно)славянский: *лето оставления* (Левит. 25.10; Четвертая книга Моисея. Числа. 36.4). На русском языке вплоть до конца XVIII века юбилейный год так и назывался: *летом оставления* (зафиксировано в Церковном словаре П. Алексева; Полном церковнославянском словаре Г. Дьяченко и др.).

Одним из значений глагола *оставить* в древности было – "простить". В церковнославянском языке существительное *оставление* имело ближайшим синонимом *отпущение*. На русский язык они оба переводились как *прощение*. В библейских (и вообще – старославянских) текстах все эти слова встречаются многократно: "Аще бо отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный" – если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный (Евангелие от Матфея. 6.14); "Оставятся им греси" – прощены будут им грехи (Евангелие от Марка. 4.12); "оставление [прощение] грех их"; "Отче, отпусти им [прости им]" (Евангелие от Луки. 1.77; 23.34); "Остави нам долги наша" – прости нам грехи наши (Молитва "Отче наш") и мн. др. Отсюда становится понятным и смысл выражения *козел отпущения* (или *очищения*).

Когда-то юбилеи использовались также и для периодизации ветхозаветной истории: считалось, что от сотворения мира до вступления евреев в землю обетованную прошло 50 юбилеев. Существовала даже апокрифическая книга, в которой был рассчитан этот срок: "Юбилеи прекратятся, когда Израиль очистится от всякого блуда, и вины, и нечистоты, и оскудения, и греха, и злодеяния, и спокойно будет жить во всей стране" (Смирнов А. Книга юбилеев или Малое Бытие. Казань, 1895). Действительно, в том смысле, как это понималось в древности, юбилеи "прекратились", но они наполнились новым содержанием – празднование "круглых" годовщин.

В католической церкви с 1300 года установлена традиция столетних юбилеев. С XV века "святой год" был "раздроблен" и стал праздноваться каждые четверть века (последний – в 1975 году). Ритуал наступающего юбилейного года (лат. *jubilaeus annus*) сводится к тому, что после серебристого звука труб, ровно в полдень, папа Римский отворяет заветную дверь (которая стоит замурованной от юбилея до юбилея) в храме святого Петра в Ватикане и приглашает всех войти для покаяния и получения прощения. Интересно свидетельство австрийского посланника при дворе Ивана Грозного. Он констатировал, что русские православные люди "смеялись" над этими католическими юбилейными (святыми) годами, не признавали их (Москва. 1995. № 5).

Предыдущий столетний юбилей пышно отмечался католиками в 1900 году. Осенью 1994 года папа Иоанн-Павел II обратился к верующим с Апостольским посланием "Наступление третьего тысячелетия", в котором говорится, что юбилей, т.е. "лето Господнее благоприятное" – это не просто возвращение очередной даты, это именно то, *что присуще делу Иисуса* (гл. 11). Папа дает такое толкование слов пророка Исайи: «Для Церкви юбилей и есть это "лето Благоприятное", год отпущения грехов и печалей, рожденных грехом, год примирения между врагами, год многих обращений, таинства покаяния и покаяния вне таинства. Традиция юбилейных лет связана с более широким дарованием отпущения грехов, чем в иные периоды» (гл. 14). Приближающийся 2000-й год Иоанн-Павел II назвал *Великим Юбилеем* и выразил пожелание, чтобы он стал "поводом для деятельного сотрудничества в собирании всего, что объединяет [христиан разных конфессий] и, несомненно, важнее того, что [их] разделяет" (гл. 16)...

В книге Исайи говорилось в первую очередь об освобождении израильтян из вавилонского плена, а также о духовном освобождении всего человеческого рода через Мессию: "Под летом Господним приятным нужно разумеать явление Мессии для основания нового благодатного на земле царства" (Корсунский М. Пророчества о Мессии, содержащиеся в книге пророка Исайи. Ярославль, 1872). В свое время евангельскую миссию Христа, переданную Лукой, по-своему разъяснял и Л.Н. Толстой: Мессия "запретил не только судить людей и держать их в заточении (...), а запретил всякое насилие над людьми, сказав, что он пришел выпустить пленных на свободу" (Воскресение. Ч. I. Гл. 40).

Позже, комментируя заповеди Христа, Толстой писал в исповедальном очерке: "При исполнении этих заповедей жизнь людей будет то, чего ищет и желает всякое сердце человеческое. Все люди будут братья и всякий будет всегда в мире с другими, наслаждаясь всеми благами мира тот срок, который уделен ему Богом. (...) Будет то царство Бога, царство мира (...), которое возвещал и возвестил Христос", проповедуя лето Господне благоприятное (В чем моя вера? Гл. 6). Здесь, как видим, речь идет уже не о годе, а о некоей идеальной временной константе...

Итак, изначальное значение словосочетания *лето Господнее благоприятное* может быть кратко передано следующим образом: наступающий год будет радостен, поскольку он принесет свободу. Отсюда становится понятным и философский смысл поэтических строк монахини Марии, приведенных в начале. Поэма "Духов День" была ею закончена в мае 1942 года. Мать Мария жила тогда в оккупированном гитлеровцами Париже. Она вела огромную благотворительную работу и одновременно поддерживала связь с участниками французского

Сопротивления. Эта поэма – своеобразное подведение ею жизненных итогов, осмысление современной ей ситуации в мире в наиболее трагический период истории: спустя полгода фашисты оккупировали южную зону Франции – вся страна оказалась под их пятой; на восточном (советско-германском) фронте гитлеровцы рвались к Волге. До Сталинградской битвы и ареста матери Марии гестаповцами оставалось несколько месяцев (напомним, что она погибла в газовой камере Равенсбрюка весной 1945 г.). Отсюда – мрачноватые апокалиптические тона поэмы, аллюзии с прошлыми событиями.

Говоря о благоприятном лете Господнем, поэтесса предвидит и берет на себя смелость провозгласить близкое освобождение народов от фашистского порабощения. И в этом – высокий духовный оптимизм ее произведения. Читатели должны были понять его, ибо как сказано в Евангелии: "Кто имеет уши слышать, да слышит".

Кстати, *серб, пшеничные колосья, жатва, жнецы...* – это тоже важные евангельские образы-символы. Но о них нужно говорить отдельно.

Надеемся, что изложенная история забытого библейского выражения поможет глубже понять тех авторов, которые использовали его в своих произведениях, а самому словосочетанию, может быть, найдется место в соответствующих словарях русского языка: фразеологизмов или крылатых выражений.

Санкт-Петербург

БЕЗ ЧЕРЕМУХИ

Т.Л. БЕРКОВИЧ,
кандидат филологических наук

Белая кипень цветущей черемухи, дурмнящий запах сделали ее любимым поэтическим образом: "В тихом саду замолчал соловей; Падают капли во мраке ветвей; Пахнет черемухой..." (Бунин). Наши поэты-песенники не обошли красавицу-черемуху своим вниманием. Стихи А. Софронова "Расцвела сирень-черемуха в саду", М. Исаковского "Что, друзья, случилось со мною? Обломал я всю черемуху весною" были положены на музыку и стали популярными песнями.

Слово *черемуха* в народном языковом сознании является синонимом чего-то светлого, нежного, сентиментального. В этом значении оно было отмечено и в недавно вышедшем "Словаре московского арго" (Елистратов В.С. Словарь московского арго. М., 1994), составленном на основе авторских записей живой городской речи 80–90-х годов XX в.: "*Черемуха*, -и, ж. 1. Что-то хорошее, отличное. *Вот это черемуха! Эх, черемуха!* 2. Жена, женщина, девушка. *Со своей черемухой*".

Есть литературное свидетельство тому, что слово *черемуха* в указанном В.С. Елистратовым значении существовало в московском арго в 20-х годах. В 1926 году в журнале "Молодая гвардия" был опубликован рассказ П.С. Романова "Без черемухи". Рассказ, в котором шла речь о московском студенчестве, был посвящен проблемам "новой морали", вызвал яростные споры и сразу после публикации стал, вместе с его автором, широко известным, а сочетание *без черемухи* превратилось в нарицательное.

Выражение *без черемухи* в его фразеологическом, переносном значении: "без сантиментов, без нежностей, без проявления высоких чувств" – создается автором на глазах у читателя, делая его как бы соучастником языкотворческого процесса. Сначала слово *черемуха* употребляется в прямом значении: "растение, ветка растения". По московской набережной гуляют юноша и девушка, студенты. "Подходила девочка с черемухой, я взяла у нее ветку и долго дожидалась сдачи" (здесь и далее цитируется по изданию: Пантелеймон Романов. Без черемухи. Повесть. Рассказы. М., 1990). Юноша нетерпелив. "– Без черемухи не можешь? – Нет, могу, но с черемухой лучше, чем без черемухи". Появляются сочетания *без черемухи* и *с черемухой*, которые

еще можно понимать в близком к буквальному, но уже в более общем смысле: "без цветов" и "с цветами". "– А я всегда без черемухи, и ничего, недурно выходит, – сказал он, как-то неприятно засмеявшись". Ясно, что речь идет совсем не о цветах, а об отношении к жизни, к женщине, к любви. Смысл этот юноша открывает чуть позже совершенно откровенно: "– Ведь все равно это кончается одним и тем же – и с черемухой и без черемухи... Что же канитель эту разводить?" Здесь и дальше дается как бы синонимическое описание выражения *без черемухи*: "Что же канитель эту разводить?" "Брось ты эти китайские церемонии". *Без черемухи* означает "без канители, без церемоний" (т.е. без того, что юноша считает ненужной канителью и церемониями в отношениях с девушками). "Вы говорите так потому, что никогда не любили", – печально замечает его спутница.

Возникший фразеологизм уже как целостная языковая единица тут же используется автором в новой ситуации: "Впереди нас стояли две девушки. Подошли гурьбой студенты, обняли их, и, когда те вырвались от них, студенты, захохотав, пошли дальше. – Испортили настроение девушкам, – сказал мой спутник, – без черемухи к ним подошли, вот они и испугались". Понятно, что "подошли без черемухи" здесь вовсе не означает "не поднесли цветов".

Свидетельством того, что выражение *без черемухи* действительно стало употребительным в разговорной речи, особенно среди молодежи, является его упоминание в повести М.М. Пришвина "Жень-шень" (1933 г.): "Дети мои, любезные юноши и милые девушки, в то время я тоже, как вы, по молодости слишком много придавал значения, как вы говорите, любви без роз и черемухи" (Михаил Пришвин. Родники берендея. М., 1977). Как видим, в ходе употребления фразеологизм *без черемухи* получает новые лексические компоненты: *любовь без черемухи, любовь без роз и черемухи*.

Этот фразеологизм включен в "Словарь русского языка" С.И. Ожегова, начиная с 9-го издания, вышедшего в 1972 году, после смерти автора, под ред. Н.Ю. Шведовой: *Без черемухи* (*перен.*: без лирики, без нежностей; *разг.*). В 21-ом изд., 1989 года: *Любовь без черемухи*.

СИНЕНЬКИЕ, КРАСНЕНЬКИЕ...

Л.А. БАРАНОВА,

кандидат филологических наук

... Она стала рассказывать ему с чувством и убедительно, что в Гадячском уезде у нее есть хутор, а на хуторе живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки! У хохлов тыквы называются кабаками, а кабаки шинками, и варят у них борщ с красненькими и синенькими "такой вкусный, такой вкусный, что просто ужас!"

А.П. Чехов. Человек в футляре

С чем же варили борщ на хуторе в Гадячском уезде? Читателю – как современнику Чехова, так и нынешнему – вряд ли приходится теряться

в догадках по поводу загадочных *красненьких* и *синеньких* – совершенно очевидно, что речь идет о помидорах и баклажанах. Стихия разговорной речи, весьма неохотно принимающая заимствованные экзотические наименования, заменяет их иными, более понятными, основанными чаще всего на метонимическом переносе по какому-либо признаку (в данном случае по цвету). В современной русской разговорной речи название *красненькие* за помидорами не сохранилось, а вот *синенькие* – разговорное наименование баклажан – и поныне широко используется – как в русской, так и украинской речи.

Не менее распространенным в южных областях России является и другое наименование баклажан – *демянки*. Слово *демянка*, разговорный эквивалент *баклажан* вошло в русский язык давно, возможно, с появлением этих овощей в быту русских. Оно существовало наряду с заимствованным их наименованием, а позднее только в разговорной речи. Слово *демянка* зафиксировано в словарях XIX – начала XX веков в "Толковом словаре живого великорусского языка" В. Даля (1880), "Этимологическом словаре русского языка" Н. Горяева (1896), "Этимологическом словаре русского языка" А. Преображенского (1910).

Происхождение этого слова так толкует М. Фасмер в "Этимологическом словаре русского языка": "По имени св. Демьяна, потому что это растение созревает в день его памяти, 18 августа" (М., 1986. Т. I).

В русском языке наименование баклажана заимствовано из тюркских языков и появилось в XVIII веке: "заимствовано через тур. *patlydžan* "баклажан", вост.-тюрк. *patıngān* из араб.-перс. *bādinjan*" (Фасмер. Ук. соч.; Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971). Тот же путь проделало это название и во многих европейских языках, в которых оно существует ныне в виде различных вариантов, образованных по созвучию с исходными арабско-тюркскими заимствованиями, например, португальское *berinjela*, испанское *berenjena*, французское *aubergine*, болгарское *патладжан*, сербохорватское *плави патлиџан*. Название, основанное на метонимическом переносе по характерному признаку (например, по форме плода), оно получило в английском *Egg plant* и в немецком языках *Eierpflanze* (переводится как "яичное растение"). В ряде случаев утверждалось сразу несколько синонимических вариантов, полученных путем опосредованного заимствования через разные языки. Так, в польском языке *oberżyna* и *bakłażan*, в чешском *baklažan* и *patlažan* (наряду с собственным метонимическим наименованием по цвету *lilek*), в немецком – наряду с уже упоминавшимся *Eierpflanze* заимствованное из французского *Aubergine*.

В русском же языке это название далеко не сразу обрело привычную нам ныне форму *баклажан*. Так, еще в Словаре Даля в заголовок соответствующей словарной статьи вынесено слово *бадаржан*, а в словарной статье к нему приведен целый ряд вариантов – *бадижан*, *батлажан*, *баклажан*, *подлажан*, *демыанка*, где *баклажан* – лишь один из вариантов, утвердившийся впоследствии как основной.

Наличие диалектных вариантов отмечается и в "Этимологическом словаре" М. Фасмера: *бадаржан* (астрах.), *бадражан* "помидор" (терск.), *бадижан* (астрах.). Даже в современном издании энциклопедии "Жизнь растений" название данного растения приводится в двух вариантах: "Другим очень важным представителем рода паслён является БАКЛАЖАН или БАДРИЖАН (*Solanum melongena*)" (М., 1981. Т. V. Ч. 2).

Вероятно, именно эта многовариантность, а также достаточно необычное для русского языка звучание заимствованного названия и вызвали появление русских его заменителей – *демыанка*, *синенький*.

Однако в сложной истории утверждения слова *баклажан* в русском языке есть еще одна интересная особенность: некоторое время оно служило для обозначения и другого представителя семейства паслёновых – помидора. Так, в Словаре Даля слово *бадаржан* (как и ряд его диалектных вариантов) называют: "растение из рода пасленов и съедомый (сваренный) огурчатый плод его *Solanum melongena*; *демыанка* // Другой вид, сплюснутый, ярко-красный, *Lycopersicum esculentum*, томат, помдамур" (хотя в том же словаре есть уже и отдельная словарная статья, озаглавленная "ПОМЕДОР, помадор" – с пометой *нврс.*). Отметим, что подобное определение помидора как разновидности баклажана сохранилось в сербохорватском языке, где один из трех вариантов названия помидора – *црвени патлиџан*, *красный баклажан*.

Со временем в русском литературном языке названия двух этих растений четко дифференцировались, однако в разговорной речи ряда регионов за баклажанами традиционно сохраняется название *демыанки* или *синенькие*, а слово *баклажан* и его разнообразные фонетические варианты служат для обозначения помидора. Такое употребление, например, отмечается и в настоящее время в ряде мест центральной и южной Украины (причем, как в русской, так и в украинской разговорной речи). Подобного рода смешение отмечает и М. Фасмер: "*бадражѧн* "помидор" (терск.) (...) *баклашкѧ* мн. "помидоры", астрах." (Указ. соч.).

Что же касается помидора, то и его название имело весьма непростую историю, прежде чем утвердилось в русском языке в нынешнем своем виде. Ответ на вопрос о происхождении этого слова, на первый взгляд, прост и однозначен: слово *помидор* заимствовано из итальянского языка (*poti d'oro* "золотые яблоки"), что отмечено в

целом ряде словарей современного русского языка. Однако все эти словари указывают на источник заимствования последнего варианта названия, окончательно утвердившегося в современном русском языке.

Краткий этимологический словарь Н.М. Шанского и др. также указывает, что слово *помидор* заимствовано из итальянского языка, но через посредство французского. Косвенное свидетельство того, что французский вариант данного слова определенное время существовал в русском языке, мы обнаруживаем и в Словаре Даля, где второе (уже упоминавшееся ранее значение слова *бадаржан*, а также слова *помедор*, *помадор*, снабженные пометой *нврс.* толкуются через слово *помдамур*, которое является не чем иным, как русской транскрипцией французского *potte d'amour*. Можно лишь предположить, что французский вариант, заимствованный наряду с итальянским, был вытеснен последним как более простым в произношении. Известный ботаник Н.Верзилин в своей книге "Путешествие с домашними растениями" (Л., 1954) также отмечает: "Французы называли это растение "яблоком амура" – "пом д'амур", но за этим растением утвердилось итальянское название "яблоко золотое" – "помо д'оро".

Это название сохранилось как в современном итальянском языке, так и в ряде заимствовавших его языков – например, в русском, польском *pomidor*, арабском, где оно претерпело некоторые преобразования с учетом особенностей арабской фонетики – [*банадура*]. Некоторые языки дали этому растению собственные наименования – например, в чешском "райское яблоко" *raiske jablčko*, *raiče*, в сербохорватском сходные по значению варианты *rajčica*, *parađajz*.

Следует заметить, что не только в русском языке названию этого растения пришлось пережить целый ряд изменений. Так, в испанском и португальском языках первоначально возобладали заимствованный из итальянского вариант: «При интродукции в XVI в. в Испанию, Португалию его стали называть "золотым яблоком" – "pomo d'oro"» (Жизнь растений). Однако он был вытеснен другим, распространившимся во многих европейских языках названием *tomate*.

Интересна, на наш взгляд, и история этого названия во французском языке. В старофранцузском языке оно имело форму, близкую по звучанию к итальянскому наименованию, *potte d'ouer* (пом д'ор) "яблоко блаженства, счастья", превратившееся затем в уже упоминавшееся *potte d'amour* "яблоко любви", однако и столь романтическое название не сохранилось – оно так же, как в испанском и португальском языках, было вытеснено словом *tomate*.

Как известно, родина этого распространившегося по всему миру растения Тихоокеанское побережье Южной Америки. На местном языке его название звучало как *томатл*, в других языках оно преобразовалось в *томат*. Короткое и простое в произношении, оно укор-

нилось во многих современных языках (вытеснив в ряде случаев другие наименования); *tomate* – французское, испанское, португальское, немецкое; *tomato* – английское; *домати* – болгарское; [*домата*] – греческое, [*таматар*] – хинди.

В русском языке слово *томат* было заимствовано через посредство французского и испанского языков. Как один из вариантов наименования, оно отмечено уже в Словаре Даля (в толковании второго значения слова *бадаржан*). Однако в отличие от ряда других языков этот вариант не стал господствующим и не вытеснил другие. Слово *томат* сохранилось и в современном русском языке наряду со словом *помидор*, отличаясь от него некоторыми особенностями значения и употребления. В отличие от *помидор* слово *томат*, как отмечается в ряде словарей, имеет два значения:

1) то же, что помидор, но имеет весьма ограниченную сферу употребления, используется лишь как термин в речи специалистов – *выращивание томатов*, *сбор томатов*, и снабжено в словарях пометой *спец.*;

2) паста или соус из помидоров, широко используемые в кулинарии – *суп с томатом*, *томат-пюре*.

Так, проделав сложный путь по миру, слова *баклажан*, *помидор*, *томат* встретились в русском языке.

Украина, Винница

СОБАКА

М.М. МАКОВСКИЙ,
доктор филологических наук

Происхождение русского слова *собака* до сих пор вызывает споры. Некоторые лингвисты считают, что оно является заимствованием из тюркского *kobak* "собака" (О.Н. Трубачев). Другие ученые говорят об его иранском происхождении (А.Г. Преображенский), так, например, авестийское *spaka* "собачий" от *spa* "собака", среднеиранское **sabaka* "собака". Возможно, однако, предположить и другое истолкование этого широко распространенного слова.

Согласно представлениям язычников, собака отождествляется с загробным миром: она охраняет врата Преисподней (ср. лат. *sub* "внизу, под"), сопровождает души умерших в загробный мир. Вселенная в древности делилась на верхний (небесный), средний (земной) и нижний (потусторонний) миры. Собака прежде всего связывалась в их сознании со "средним" (земным) миром. Она являлась не только символом жизни и смерти, начала и конца (язычники мыслили парами понятий с противоположным значением) но и символом земли, воды, огня (Преисподняя отождествляется с огнем). У некоторых народов собаку клали в могилу вместе с умершим, чтобы она сопровождала его душу в загробный мир.

Собака нередко была и предметом жертвоприношения: после убийства собаки куски ее тела съедали участники ритуала, которые тем самым приобщались к Божеству (отсюда, вероятно, оборот *он на этом деле собаку съел*), а также выражение *Вот где собака зарыта*. Последнее выражение связывается с так называемым "строительным" жертвоприношением: прежде чем построить здание, в его фундамент клали принесенную в жертву богам собаку и тем самым "освящали" эту постройку.

Поскольку собака являлась по преимуществу земным символом, она отождествлялась с женским началом (т.к. женщина считалась олицетворением Земли и символизировалась числом "два").

Если подойти к рассмотрению слова *собака* с точки зрения указанных мифопоэтических представлений, то следует признать, что первый элемент этого слова – *с-* представляет собой широко распространенное индоевропейское отрицание *se-*, употребленное в этом слове из соображений табу (т.е. для того, чтобы "отогнать" злых

духов от слова). Что же касается корня этого слова, то его можно сопоставить с тохарским *omr* "там, туда" (ср. франц. *au-delà* "потусторонний мир", букв. "там", нем. *Jenseits* "потусторонний мир", букв. "там, по ту сторону").

В этой связи интересно сопоставить хеттское слово *api* "жертвенная яма, служившая для вызывания злых божеств или привидений", а также древневерхненемецкое слово *uoha* "быстрое движение, магическое движение, языческое ритуальное действо", с индоарийским *ubha* "огонь" и *abhva* "злой дух", готским *uhils* "плохой". Интересно также готское слово *uhizwa* "порог", немецкое диалектное *Ohsen* "сени" (собака обычно помещалась на пороге Преисподней).

Возможно, что русское слово *собака* следует соотносить с индоевропейским корнем **seep-* "сон" > "смерть". Возможно также принять во внимание такие слова, как литовское *abejõnė* "сомнение", древнеисландское *ef* "сомнение" (букв. "раздвоение": число "два" было символом нижнего мира и собаки) и индоевропейский корень **ubha* "оба".

Собака также представлялась древними и как оракул, способный предсказывать будущее. Они, например, считали, что вой собаки предвещает смерть. Поэтому возможно принять во внимание английские диалектные слова *ooh* "кричать, выть", *sob* "рыдать", а также *ohering* "предзнаменование".

В качестве параллелей подобного развития значений интересно сопоставить следующие примеры: русское *кобель*, английское *cuh* "щенок", но старославянское *кобь* "гадание, предсказание, колдовство"; древнеанглийское *hund* "собака", но греческое *küdos* "чудо", русское диалектное *куд* "злой дух".

Вполне понятно, что в русском слове *с-об-ак-а* элемент *-ак-* — это суффикс, а элемент *-а* — окончание.

Понятие "собака" соотносилось у древних с понятием "вода, река" (перевозка душ умерших водным путем): ср. кельтское *abu* "река", индоевропейское **ap* "вода"; английское *dog* "собака", но исландское *dqkk* "мокрый", а также немецкое *Bach* "ручей". С другой стороны, поскольку все миры в древности были тесно связаны между собой, мы можем предположить, что понятие "собака" могло соотноситься с понятием "небо": так, английское *dog* "собака", но древнеисландское *dogr* "день" — "ночь", а литовское *dangūs* "небо". Если устранить элемент *с-*, используемый из соображений табу, то корень русского слова *собака* можно сопоставить с древнеиндийским словом *ambharam* "небо". Интересно, что слова со значением "собака" могли также соотноситься со значениями "начало" и "конец": так, латинское *canis* "собака", но древнеиндийское *kaninas* "молодой", латинское *re-cens* "новый, недавний", ирландское *cinim* "возникаю", гаэльское *cintu* "первый", сюда же относится и русское слово *конец*.

Следует, наконец, учесть, что индоевропейский корень **uibh-*, **uibhis-* означал "холм, надгробие", а корень **uobh-* имел значение "гнуть, плести" > "связать чарами". Подобное же семантическое развитие можно наблюдать у русского диалектного слова *выжлец*, *выжлик*, *выжловка* "гончая собака, ищейка", но древнеанглийское *wiccian* "околдовывать", *wisce* "ведьма". Индоевропейский корень **ueg* означал "плести, связывать (чарами)"; английское слово *sleuth* "собака-ищейка", но русское диалектное *луд* "обман" (первоначально "околдовывание"); русское *кобель*, но болгарское *коба* "дурное предчувствие", древнерусское *кобь* "судьба".

Поскольку язычники отождествляли собаку с душой, вполне возможно, что после отбрасывания элемента *se-* мы получаем корень, родственный латинскому слову *umbra* "тень" (тень в древности уравнивалась с душой). С другой стороны значение "душа" было неразрывно связано со значением "гореть; огонь", в связи с чем следует принять во внимание индоевропейский корень **bha-* "гореть". Значение "гореть" семантически связано со значением "быть холодным, стынуть" (типологически ср. литовские *šaltas* "холодный" и *šiltas* "горячий"): в этой связи весьма интересно сербскохорватское слово *hladovina* "тень", буквально "холод". Вполне возможно, что рассматриваемое слово *собака* родственно средненижнемецкому слову *spok*, нидерландскому *spook* "привидение" > "душа".

Русское слово *собака* можно трактовать и иначе: элемент *со-* в этом слове является отрицанием, употребленным из соображений табу (типологически ср. лат. *cura* "забота", но *se-curis* "беззаботный"), а *-бака* восходит к индоевропейскому **bhag-*, **bhak-* "во вне, на периферии, в царстве Хаоса и нижнего огня" (т.е. огня Преисподней: ср. и.-е. **bhok-*, **bhak-* "огонь, гореть"). Тот же элемент входит в древнеисландское слово *grey-baka* "собака" (относительно элемента *grey-* ср. древнеанглийское *gra* "злой дух").

Подобным же образом и английское *dog* "собака" восходит к древнеисландскому местоимению *dho* < *dhauk* "во вне, там" > "в загробном мире"; ирландское слово *cuileans* "собака" соотносится с индоевропейским **k^uel-* "далский, крайний, периферийный, находящийся в царстве Хаоса, в Преисподней".

Каракатица в ноздрях

Н.С. АРАПОВА,

кандидат филологических наук

С середины XVIII века на русский язык переводится много книг по медицине и биологии. Переводчики сталкивались с большими терминологическими трудностями. Им не хватало традиционной медицинской и биологической терминологии. Пришлось прибегать к заимствованиям и калькированию.

Болезненный нарост на слизистой оболочке (чаще всего в носу или в цервикальном канале) на языке научной латыни называется *polypus*. Это слово было заимствовано русским языком во второй половине XVIII века. Словарь русского языка XI–XVII вв. отмечает единичный пример: "*полипова болезнь* [в ноздрях] – в Травнике Николая Лобчанина. 1534 г. по списку XVII в." (Вып. 16). В "Опыте трудов Вольного российского собрания" (1775) – говорится о "рождении полипов в крови". Мы находим это слово также в "Начальных основаниях врачебной науки" Г. Гуме (1786). О "полипе в носу" сообщается также в "Ручной книге" И.Х.А. Тедена (1794 г.). В "Полном французском и русском лексиконе" И.И. Татищева 1798 читаем: "Polure, полип, род

бородавки на теле, а особливо в носу, со многими ростками или хвостами".

Латинский медицинский термин *polypus* существовал уже в классической латыни (Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь), где он возник в результате метафорического переноса зоологического термина *polypus* "полип, морское животное" на название опухоли в носу, которая со своими "многими ростками или хвостами" напоминала древним медикам это морское животное. Латинское *polypus* заимствовано из греческого языка, где существительное *polypus* употребляется только как зоологический термин. Греческое *polypus* представляет собой сложение *polys* "многий" и *pus* род.п. *podos* "нога": *polypus* как прилагательное значит "многоногий", а как существительное "полип" – буквально *многоножка*.

Как название морского животного, слово *полип* отмечается в "Академических известиях" (1779): "...о настоящем пожирателе многоножных (полипп) называемом *helix stagnalis*..."

Годом позже в "Опыте естественной истории" К.А. Урусова интересующее нас слово имеет другую форму: "Из полипиев, или творений многоножных..." (1780).

Из дальнейшего повествования следует, что речь идет о коралловых рифах.

О полипах сообщается и в "Путешествии" П.С. Палласа (1786), когда он говорит об отпечатках древних организмов в окаменелостях: "Между оными листьями видны вдавленные изображения морских растений, а особливо весьма ясное гнездо полипов, небольших гребенных ракушек".

Но кто такой *полип* античных авторов?

В современном русском языке *полипом* называется кишечнорастворимое животное, обитающее в коралловых рифах и строящее их. Однако в античной литературе *полипом* называли кальмара и осьминога. Вот что написано в книге "Учитель, или Всеобщая система воспитания" (1789): "Занятое из греческого языка название *полип*, которое значит *многоножник*, прежде прилагалось было только описанным выше сего чернильницам [кальмарам. – Н.А.] по тому, что различные рука подобные части сих животных почитаемы были ногами их. Но ныне полипами называют совсем иного рода животных, не имеющих с чернильницами никакого сходства, кроме множества подобных рука частей".

После этого пассажа следует подробное описание животного, в котором мы узнаем ... пресноводную гидру! А в описании кораллов, находящемся в той же книге, животные, строящие коралловый риф, называются *коралловые цветки*.

В Энциклопедическом лексиконе (1836) читаем: "БОТИК, *Argonauta*

(Ест[ественная] Ист[ория]) род головоногих моллюсков (Mollusca cephalopoda): животное сродное с осьминогом каракатицей (*Octopus* Lamark, seu *Polypus* древних зоологов)..."

Научнолатинское название осьминога – *octopus* – искусственно создано на базе греческих слов *okto* "восемь" и *pus* "нога". Русское *осьминог* представляет собой словообразовательную кальку этого научного термина. Слово *осьминог* отмечается в "Указателе открытий" (1824). Ранее научнолатинское *octopus* калькировалось словом *осьминожка* (Новый магазин естественной истории. 1820), а в XVIII веке это животное называлось *осьминогая волосатка* (Блуменбах И.Ф. "Руководство к естественной истории". 1797).

Осьминоги и каракатицы принадлежат к классу головоногих и похожи друг на друга. В XVIII веке *каракатицами*, или *волосатками*, называли и каракатиц (кальмаров), и осьминогов. Поэтому неудивительно, что М. Шеин, переводчик популярных "Наставлений хирургических" И.З. Платнера, написанных на латинском языке, перевел (а точнее – семантически калькировал) латинское *polypus parvum* (полип ноздрей) как *каракатица в ноздрах* (1762). Ту же *каракатицу в ноздрах* мы находим и в "Полном и всеобщем лечебнике" И.Ф. Рюбеля, переведенном (также с латинского) Фомой Барсуком Мойсеевым в 1791 году. Однако для конца XVIII века такой перевод уже архаичен: заимствованный термин *полип* уже вошел в медицинскую номенклатуру и закрепился в ней.

Н.В. ПАВЛОВИЧ. Язык образов.

Каким языком вы хорошо владеете? Русским, английским, греческим? Может, вам больше других скажет язык жестов? Глубина понимания любого языка будет зависеть от глубины проникновения в его таинственные законы. В простейших знаковых системах не столь сложно установить соответствие между содержанием и способом его выражения. Вспомните, как легко вы "усвоили" загадку светофора. Гораздо сложнее обстоит дело с естественным языком или языком вторичных знаковых систем, то есть таких, где сам знак или их совокупность являют собой новый смысловой комплекс.

Что вы, например, можете сказать о языке образов? Именно о том особом языке, на котором говорят поэты (а потом их "образ" становится нашей жизнью...). С одной из точек зрения на систему образов в русском поэтическом языке вы познакомитесь, когда прочтете книгу Н.В. Павлович "Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке" (М., 1995).

Книга, рассчитанная на широкий круг читателей, удовлетворит интересы и начинающего филолога, и любителя словесности, и маститого ученого. Мыслящий человек, которого интересует не только, *что* написано в художественном произведении, но и *как*, а соответственно, и почему оно нравится или не нравится, также найдет для себя много интересного.

Итак, заглянем в книгу. Половину занимают три части, разбитые на семь глав. Первая часть содержит отправные точки исследования. Автор раскрывает перед читателем метод работы. Н.В. Павлович дает толкование парадигмы образа. Она исходит из того, что понимание огромного количества индивидуальных текстов обусловлено единым культурным пространством, соответственно, "каждый поэтический образ существует не сам по себе, а в ряду других и вместе с ними реализует некий закон, правило, парадигму". Например, в парадигму *свет* → *зеркало*, в так называемый инвариант сходных с ней образов, войдут: *солнце* – *зеркало*, *луна* – *зеркало*; то, что отождествляется или сравнивается – левый член парадигмы (х), то, с чем происходит сравнение – правый член парадигмы (у). Обратите внимание, свои теоретические выводы автор сделал на основе анализа образов, существ-

вующих в русской поэзии и прозе 18–20 вв. Разберем еще один занимательный пример. Парадигма вида "*глаза* – *у*" представлена следующими примерами: *глаза* – *существо* – два глаза ...два бандита (А. Майков); *глаза* ж, *егозушки* (А. Белый); *глаза* ...как *вестники* (А. Белый); *глаза* его: *зеленые воры* (А. Веселый); *глаза* – *лоцман* (Ф. Искандер); *глаза* ...как *зверьки*; *глазки* ...как *мыши* (Н.В. Гоголь); *зрачок* как *лисица* (Вс. Иванов); *глаза* ...как *белки* (А. Белый); *глаз* ...как *дикообраз* (Ю. Арабов); *глаза* ...*пиявки* (В. Хлебников, А. Белый, А. Вознесенский); как *птицы* ...*глаза* (В. Хлебников); *глаза* – *орудия* – *Якоже стрела* ...*зрение* (Кантемир); *стрелы твоих очей* (Державин); *глазами* ...как *иглами* (А. Белый); *глаз твои мечи* (А. Блок); *глаза* – *вода* – *глаза* ...как *вода болота* (Л. Андреев); *подземные воды* – *глаза* (Всеv. Иванов); *глаза* ...как *горные реки* (Всеv. Иванов); как *лесные ручьи*, *глаза* (И. Шмелев).

Автор анализирует способы описания образа и выделяет четыре традиции: литературоведческую; в рамках классической теории тропов; структурно-семантическую; с условным названием "поиск прототипа". К четвертому способу описания образа можно отнести и манеру автора: понять образ означает найти его аналог в прошлом. Такое описание смысла образа может называться историко-литературным комментарием (как у М.Л. Гаспарова), дешифровкой образа, генезисом образа (как в книгах Н. Харджиева и В. Тренина).

Павлович рассматривает идею инвариантности образа и ее историю. "То эстетическое чувство, которое появляется в нас при узнавании прототипа, говорит о прикосновении к неслучайному – каким-то глубинным законам гармонии", – пишет автор. И ей нельзя отказать в поэтичности изложения материала исследования.

Однако главное – содержание. И тут автор поражает своим скрупулезным анализом примеров, нестандартными выводами. Павлович выделяет два направления исследования, в которых в том или ином варианте живет идея парадигматичности образа: 1) архетипы образов и поиск их в художественных произведениях (например, *битва* – *пир*, *герой* – *солнце*, *смерть героя* – *закат солнца*, *жизнь* – *плавание*); 2) теория художественных стереотипов, или общих мест. Выделяет типы и описывает свойства парадигм образов. Правое или левое место в парадигме (то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается) может занимать имя, свойство, действие или ситуация. В зависимости от этого Павлович различает глобальные типы парадигмы, например: "имя – имя" (*свет* – *сосуд*); "свойство – свойство" (*светлый* – *темный*) и т.д... Формулируются в книге и законы парадигм.

Выделяет эти структуры Павлович и для языка образов. Этому посвящена вторая часть работы. Здесь автор описывает основные

парадигмы образного языка XVIII–XX вв. Так, самыми продуктивными парадигмами свойств некоторых поэтов XX века (Бунин, Вознесенский, Кушнер, Исаковский, Твардовский, Конечский) являются: *положительный – отрицательный, светлый – темный, духовный – физический, возвышенный – низкий* и др. Автор подробно разбирает парадигму *желтый – черный*, где *желтый* – инвариант ряда: *желтый, желтоватый, желтизна, желтеть, желток, желчь, золото, золотой, золоченый, золотистый, золотить* и т.д., а *черный* – инвариант лексем: *темный, темь, темнота, черный, чернь, сумрак, смуглый, деготь, уголь, траур, вороненый, смола* и т.д. "В черном узоре ветвей – месяца рог золотой" (Бунин); "Се черножелтый свет, се радость Иудей" (Мандельштам); "...в чернолапую мебель, к ковру желточерному: в желтенком платьице, кутая плечики в черное кружево шали..." (А. Белый).

Что же мы найдем во второй половине книги? Пять приложений, служащих иллюстративным материалом первой половины исследования. Автор сравнивает парадигмы образов пяти художников слова: И. Бунина, А. Вознесенского, А. Кушнера, М. Исаковского, А. Твардовского. Внимательному читателю небезынтересно будет узнать, что самыми продуктивными именными парадигмами Бунина является "вода – вещество", а Вознесенского "человек – растение".

...Человеческое бытие организуется вопрошанием к самому себе, миру вещей, разума и природы. Не важно, кто поставил вопрос, а важно, кто на него нашел ответ. Однако неизвестно, возможен ли единственно верный путь к истине. Как бы предупреждая недоверчивого читателя, автор признается, что "книга не излагает какую-либо общепринятую теорию и во многом тенденциозна". Возможно, этим-то она и будет интересна и полезна читателю – нестандартностью подхода к проблеме описания образного строя русского поэтического языка.

А.В. Гик

В.В. СОКОЛОВА. Культура речи и культура общения

Какой должна быть полноценная языковая личность, какими чертами обладать, как развивать, совершенствовать свое языковое "Я" и, главное, для чего это нужно, почему является необходимостью – вот вопросы, которым посвящена книга В.В. Соколовой "Культура речи и культура общения" (М., Просвещение, 1995).

Данная работа – интересное исследование в области проблем общения, взаимодействия людей в языковом пространстве, она предлагает читателю серьезно задуматься об этом и помогает совершить некоторые практические шаги на пути к достижению идеала – гармонично развитой и по-человечески привлекательной языковой личности.

Действительно, глядя на современное состояние языковой культуры, невольно начинаешь находить связи между её уровнем и проблемами воспитания, образования, политики и экономики. Везде, во всех этих областях краеугольным камнем является общение. Владеем ли мы элементарными коммуникативными навыками, есть ли у нас какие-то языковые установки? А если учесть, что основы языковой культуры закладываются еще в детстве, то встает вопрос о роли учителя, о значении самого предмета "культура речи" в школьной программе. Помочь осознать важность коммуникативно направленного воспитания, образования, дать практические советы на пути самообразования, этического, эстетического, эмоционального развития своей личности и личности ребенка – это и является целями автора. И сама структура книги способствует достижению этих целей.

Говоря о важности владения культурой общения, В.В. Соколова предлагает вниманию читателя ряд беглых, но довольно емких по содержанию набросков различных социальных ситуаций, где именно языковая личность сыграла главную роль и явилась определяющим фактором в решении общественных проблем.

Свойств, которыми должна обладать идеальная языковая личность, много: общительность, воображение, эмпатия как способность понять другого человека, рефлексия. Все эти, на первый взгляд, разные понятия пересекаются в точке, которую можно назвать искусством общения, красноречием. Заглядывая в прошлое, снимая временную

непроходимость между современностью и историей, мы видим, как рождаются первые вопросы, связанные с языковой культурой, делаются первые попытки ответить на них. Перед нами проносятся целый ряд удивительных фрагментов из истории риторики, ораторского искусства и складывается цельная картина развития этих важных предметов на протяжении более чем двух тысячелетий.

Большое внимание уделено роли языка в становлении личности. Используя очень интересные примеры из художественной литературы, автор наглядно и умело показывает действие языка на людей, особенности человеческих взаимоотношений, связанных с языковой культурой. Мы видим целую галерею литературных образов, несущих определенные речевые черты. Глядя на них, можно сделать выводы о важности речевой культуры в жизни человека, посмотреть, какой отклик находят те или иные речевые черты в обществе.

В основном все речевые характеристики тесно переплетаются с нравственными, и от этого ценность примеров во много раз возрастает, так как культура речи напрямую связана с общей культурой человека. Открытые, дружелюбные, человеческие персонажи с "сердцем, не запертым на замок" и говорят так же открыто, светло, к ним тянутся люди, с ними делятся своими горестями, а "идиотская гнусная русская ругань" всегда идет в ногу с жестокостью, злобой, слепой ненавистью.

В разделе "Культура речи и профессионализм" автор говорит о профессиональной культуре, куда входит эмоциональная культура и культура педагогического общения. Завладеть доверием маленького человека не сложно, гораздо труднее повести его по правильному пути, сделать все, чтобы из него сформировалась здоровая личность, несущая в себе определенный духовный заряд. Автор перечисляет и иллюстрирует как качества педагога, необходимые при воспитании речевой культуры, так и все трудности, проблемные ситуации, которые могут встретиться в этой деятельности. В книге затрагиваются и проблемы, с которыми сталкивается каждый учитель, впервые входящий в класс. Читатель имеет возможность познакомиться с языковыми личностями педагогов, запечатленными в литературе XIX–XX веков. Каждая глава завершается тестом, благодаря которому мы можем узнать что-то интересное и полезное о своей языковой личности, осознать и предпринять какие-то конкретные шаги на пути к совершенствованию своей речи, оценить уровень своего профессионального мастерства, получить некоторые рекомендации для более успешного перехода на новые ступени в развитии своей языковой культуры.

Заявлением о важности речевой культуры и представлением различных моделей языковой личности автор не ограничивается. Второй раздел книги имеет чисто практическую цель – помочь добиться реальных результатов в совершенствовании своей речевой культуры, пред-

ложить различные варианты выхода из проблемных ситуаций, научить необходимым основам любой коммуникативной деятельности. Это в своем роде настольная энциклопедия, отвечающая на всевозможные вопросы "как сделать, чтобы...", "как научиться..." и т.д. Различные упражнения, задания помогают овладеть аксиомами речевого общения, а тексты для обдумывания и анализа позволяют сконцентрировать все наши знания о культуре речи и оценить речевые способности "другого", соотнести его с собой, сделать определенные выводы.

Ряд персонажей, разных, непохожих, говорящих по-разному и о разном, могут все вместе составить обобщенный образ речевой культуры всего народа, являясь представителями какого-либо одного качества. Это и умение учителя из повести Гарина-Михайловского "Гимназисты" достойно полемизировать, и вкус к слову, своеобразная речевая интуиция как характеристика учителя-словесника из книги "История моего современника" В.Г. Короленко, и удивительное обаяние индивидуальности директора Поливановской гимназии Л.И. Поливанова из воспоминаний А. Белого "На рубеже двух столетий".

Видя перед собой эти неповторимые личности, сочетающие в себе духовно-нравственную и речевую культуру, нельзя не задуматься о важности нашего умения общаться, о том, как говорит каждый из нас, можно ли нашу речевую деятельность назвать индивидуальной, уникальной, яркой и выделяющей нашу речевую личность из множества говорящих. Поэтому книга, заканчивающаяся небольшим терминологическим словарем, может быть адресована как школьникам, студентам, чье речевое становление еще продолжается, так и учителям, которым безразлично общее состояние культуры на сегодняшний день и которые чувствуют потребность в коренных и решительных изменениях. А необходимость таких изменений налицо.

О.М. Подольская

Тематический указатель статей,
опубликованных в журнале "Русская речь"
в 1996 году

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Э.С. Пьеса или повесть? (Эпический контекст в драматургии А.П. Чехова).....	1
Бельская Л.Л. "Русские Гамлеты" в поэзии XX века.....	4
Воронова О.Е. Эпитеты к слову "Русь" в поэзии Сергея Есенина	2
Гапоненко П.А. "Душа моя полна тревоги и участия..." Заметки о поэзии А.Н. Апухтина.....	6
Донсков А.А. "Житие Петра Мытаря" в обработке Л.Н. Толстого	4
Зыкова Г.В. Шевырев и Пушкин	4
Иванова Т.А. История заглавия лесковской повести	6
Каргашин И.А. Антиутопия Леонида Добычина (Поэтика рассказов).....	5
Клещикова В.Н. Вкусная музыка и консервированная сирень.....	6
Колтаевская Н.Ю. На кого похож набоковский Найт?.....	2
Крылов А.Е. "Спасибо вам, мои корреспонденты, Что вы неверно поняли меня!", или Куда могут завести ученого поиски подтекста.....	1
Лекманов О.А. Еще раз о месте книги стихов как "большой формы" в поэтической культуре русского символизма	3
Лекманов О.А. Попович, Каганович и Осип Мандельштам.....	5
Намакштанская И.Е. "Смотрины" В. Высоцкого и "Свадьба" Б. Пастернака.....	1
Николаев С.И. Звезда Инеиста в "Рождественской драме" Дмитрия Ростовского	3
Норман Б.Ю. "Скорости оставляют позади катера"? (О логике естественного языка).....	6
Пауткин А.А. "Мундир! Один мундир!" (Военный костюм на страницах русской классики).....	6
Радунский В.Г. "...Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?".....	1
Савельева В.В. "Король, дама, валет", или Сердца трех в романе Набокова.....	5
Семенова Г.П. "Чтобы слова не утекали как вода..." (О языке произведений А. Солженицына).....	3
Тропкина Н.Е. «В дело вмешался "Викжель" ...».....	5

Филин Михаил. О десятой главе "Евгения Онегина" (Заметки дилетанта).....	5
Филин М.Д. Кто есть кто в науке о Пушкине.....	3
Фризман Л.Г. "Это был не я" (О стихотворении Д.С. Самойлова "Поэт и старожил").....	4
Чистова И.С. О стихотворении А.С. Пушкина "К ней".....	5
Янечек Джеральд. Всеволод Некрасов – мастер-паронимист.....	2

АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ "СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА"

Белый Андрей	6
Добролюбов Александр	2
Иванов Вячеслав	4
Коневской Иван	1

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Адамович Георгий. О Мандельштаме	2
О неизданном дневнике князя В.Ф. Одоевского	4
Стихи Антонина Ладинского	3

ЯЗЫК ПУБЛИЦИСТИКИ

Николаева А.В. Борис Савинков: "...вдумайтесь в мои слова".....	4
--	---

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Агеенко Ф.Л. Русская речь у микрофона	1
Борисова Е.Г. Где уместны устойчивые сочетания?	5
Буцева Т.Н. О двух <i>полу</i> ... в одном слове.....	6
Грачев М.А. Как появляются арготизмы в русской речи.....	4
Геккина Е.Н. <i>Номенклатура и челноки</i>	6
Григорян Э.А. Динамика современных языковых ситуаций.....	2
Клушина Н.И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты.....	5
Козловская Т.Л. "Разинь, душенька, свой ротик".....	2
Колтунова М.В. Какой тип речевой культуры преобладает в деловом общении?	6
Кохтев Н.Н. "Готовьтесь к речи с пером в руке".....	1
Лаптева О.А. Слушаем радио и телевизор.....	4
Левашов Е.А. Более или менее – о <i>более-менее</i>	6
Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. "Попречный кус".....	5

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Русское "заодно" как выражение жизненной позиции.....	2
Павленко Т.Л. Мягко говоря.....	5
Подчасова С.В. "Оффшор – налоговый рай за рубежом"	1
Рао Суджата. Оценка с помощью кавычек	3
Сергеева Е.В. Заимствования 80–90-х годов в социолингвисти- ческом аспекте	5
Сергеев В.А. О количественной метафоре	4
Совет по русскому языку при Президенте Российской Федерации.....	4
Сороколетов Ф.П. "Главное дело в дикционари"	3
Сэшан Шармила. Существительные на <i>-инг</i> – символ американской языковой экспансии?.....	3
Шагалова Е.Н. Если вы интересуетесь эзотерикой	1
Шмелев А.Д. См. <i>Левонтина И.Б.</i>	2,5

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Антошенкова Е.В. "Бери бесприданну, да таланну" (Приданое и его названия на севере Руси)	6
Антошенкова Е.В. "Вот тебе кокуй, с ним и ликуй!"	1
Антошенкова Е.В. "Русский женский костюм – костюм покоя"	3
Бортник Г.В. Русское житье-бытье и "стихии чужеземные"	5
Елистратов В.С. Быт и речь ушедшей Москвы.....	2
Елистратов В.С. Старомосковский глоссарий	4
Карцева Н.Я. См. <i>Ковалев Н.И.</i>	1
Ковалев Н.И., Карцева Н.Я., Куткина М.Н. Забытые слова столового обихода	1
Куткина М.Н. См. <i>Ковалев Н.И.</i>	1
Люстров М.Ю. "В душевной простоте беседовать о Боге"	2
Носкова З.А. В каких бархатах ходили наши предки?	6
Попова Т.Г. Иоанн Синайский и его "Лествица"	2
Трофимова Н.В. "Муж, в добродетелях совершенен..."	1

ОНОМАСТИКА

Королева И.А. Неканонические имена в смоленских грамотах	2
Королева И.А. Фамилии с диалектными основами.....	6
Суперанская А.В. Блуждающие огни.....	4
Суслова А.В. Загадочные фамилии	5
Суслова А.В. Словник современных русских фамилий.....	1

ТОПОНИМИКА

Горбаневский М.В. Село Алексеевское.....	5
Мурзаев Э.М. Поэтичность географического имени.....	5
Отин Е.С. Рязск или Рясск?.....	2
Сапронова Т.Ф. Православные монастыри в топонимии Москвы.....	1
Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России.....	1–6
Шилов А.Л. Топонимический заповедник.....	3,4

ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР

Владимирцев В.П. Ф.М. Достоевский и народная пословица.....	5
Дилакторская О.Г. Формула сказки в "Хозяйке" Ф.М. Достоевского.....	5
Дорожкина В.Ю. Алексей Ремизов: "Иду по словесной русской земле в веках...".....	3
Медриш Д.Н. Из жизни традиционных формул.....	6
Назарьян Р.Г. Русское народное творчество и немецкие переводы В. Кюхельбекера.....	2
Шашкина Г.З. Образ солнца в поэме Олжаса Сулейменова "Глиняная книга".....	1

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Азбелев С.Н. О подвигах казаков в борьбе против войск Мамая.....	1
Галахов В.К. Орловская пляска "Колчак".....	6
Зуева Т.В. "Питье" – метафора любовного вождения: ее обрядовые корни.....	3
Капрусова М.Н. "Голос мой – с купавой можжевель..." (Символическое значение можжевельника в мифологии, обрядах, культуре народов Европы и Азии).....	4

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Арапова Н.С. Еще раз об Ирисе.....	2
Арапова Н.С. Каракатица в ноздрах.....	6
Балакай А.Г. Слово аминь в русском речевом этикете.....	2
Баранова Л.А. Синенькие, красненькие... ..	6
Беркович Т.Л. Без черемухи.....	6
Варбот Ж.Ж. Настропалить.....	5
Волошина Т.А. Станица, станичник.....	2
Генералова Е.В. Почему без соли стол кривой?	4

Ковалева Е.В. Странный эрфикс	2
Кривко Р.Н. Полиелей синодальной униформы	4
Кругликова Л.Е. От доки до неуча	1
Маковский М.М. Собака	6
Маковский М.М. Утка "обман, ложный слух"	3
Носкова З.А. "Возмем свои толстинные паруса..."	3
Отин Е.С. Об "Уотергейте" и прочих "-гейтах"	5
Шунейко А.А. Странствия Веверлея	3
Шустов А.Н. Господнее лето	6
Шустов А.Н. По долгу милосердия	3
Шустов А.Н. Селедки малые	1

СРЕДИ КНИГ

А.И. Виноградов. Детство А.С. Пушкина	3
Александр Круглов. "Формулы", "Словарь"	2
А.Н. Тихонов, Е.Н. Тихонова, С.А. Тихонов. Словарь-справочник по русскому языку	5
В. Биркенмайер. Русский Гейдельберг	3
В.В. Соколова. Культура речи и культура общения	6
Живая речь уральского города	2
Л.К. Граудина, О.Л. Дмитриева, Н.В. Новикова, Е.Н. Ширяев. Мы сохраним тебя, русская речь!	4
М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Русский речевой портрет	1
Н.В. Павлович. Язык образов	6
Словарь новых слов русского языка	3
Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов. "Дело славистов": 30-е годы	4
Э.М. Мурзаев. Топонимика и география	3

ПОЧТА "РУССКОЙ РЕЧИ"

Вомперский В.П. "Печаль ресниц, сияющих и черных"	1
Еськова Н.А. Когда появилось слово <i>сююминутный</i> ?	4
Еськова Н.А. Осторожно: коварная конструкция!	3
Коршунков В.А. Происхождение слова <i>зэк</i>	5
Хан-Пира Эр. Самопровозглашенная республика: что бы это значило?	2
Хан-Пира Эр. Суверенитет, топонимы и предлоги	3
Шустов А.Н. Несколько... ..	5

ХРОНИКА

В Российском гуманитарном научном фонде	2
Поливановские чтения	5

Номер готовили:

Ю.И. Семикоз – "Язык художественной литературы", "Язык и образы фольклора", "Писатель и фольклор".

А.А. Шунейко – "Культура речи", «Почта "Русской речи"», "Среди книг".

Т.С. Колмакова – "Из истории культуры и письменности", "Ономастика", "Топонимика", "Из истории слов и выражений".

Номер оформили художники:

Н. Беланов, В. Леонов, Л. Серикова, Е. Чуканова ©

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР В.Г. КОСТОМАРОВ**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

Л.К. ГРАУДИНА, В.П. ГРЕБЕНЮК, В.П. ГРИГОРЬЕВ, А.Ф. ЖУРАВЛЕВ, Ю.Н. КАРАУЛОВ, И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, В.П. НЕРОЗНАК, Л.А. НОВИКОВ (зам. главного редактора), **Н.А. РЕВЕНСКАЯ** (зам. главного редактора), **В.Ю. ТРОИЦКИЙ, А.П. ЧУДАКОВ, Е.Н. ШИРЯЕВ**

Заведующая редакцией

Т.С. Колмакова

Корректоры

В.В. Беляев, В.А. Ермолаева

Художественный редактор

В.А. Леонов

Сдано в набор 18.08.96

Подписано к печати 27.09.96

Формат бумаги 60 × 88 1/16

Бумага типографская № 2

Печать офсетная. Усл.печ.л. 8

Уч.-изд.л. 9.4. Бум.л. 4. Тираж 1840

Зак. 242

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-99, Волхонка, 18/2, т. 290-23-78

2-я типография издательства "Наука", 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6